

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

**Журнал Сибирского
федерального университета
Гуманитарные науки**

**Journal of Siberian
Federal University**

Humanities & Social Sciences

2022 15 (6)

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

2022 15(6)

Издание индексируется Scopus (Elsevier), Российским индексом научного цитирования (НЭБ), представлено в международных и российских информационных базах: Ulrich's periodicals directory, EBSCO (США), Google Scholar, Index Copernicus, Erihplus, КиберЛенинке.

Включено в список Высшей аттестационной комиссии «Рецензируемые научные издания, входящие в международные реферативные базы данных и системы цитирования».

Все статьи находятся в открытом доступе (open access).

ЖУРНАЛ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА Гуманитарные науки

JOURNAL OF SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY Humanities & Social Sciences

Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки.
Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (СФУ)

Главный редактор Н.П. Копцева. Редактор С.В. Хазаржан. Корректор И.А. Вейсиг
Компьютерная верстка И.В. Гревцовой

№ 6. 30.06.2022. Индекс: 42326. Тираж: 1000 экз.

Свободная цена

Адрес редакции и издательства: 660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 79, оф. 32-03

Отпечатано в типографии Издательства БИК СФУ
660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 82а.

<http://journal.sfu-kras.ru>

Подписано в печать 24.06.2022. Формат 84х108/16. Усл. печ. л. 13,0.
Уч.-изд. л. 12,5. Бумага тип. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 15818.

Возрастная маркировка в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ: 16+

CHIEF EDITOR

Natalia Koptseva – Professor, Doctor of Philosophical Sciences, Head of Department of Culture Studies (SFU).

EDITORIAL BOARD

Evgeniya E. Anisimova, Doctor of Philological Sciences, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Alexander Y. Bliznevsky, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Evgeniya A. Bukharova, Candidate of Economic Sciences, Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Sergey V. Devyatkin, Associate Professor, Candidate of Philosophical Sciences, Novgorod State University named after Yaroslav the Wise, Veliky Novgorod

Sergey A. Drobyshesky, Professor, Doctor of Juridical Sciences, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Maria A. Egorova, Professor, Doctor of Law, Kutafin Moscow state law University (MSAL)

Denis N. Gergilev, Candidate of Historical Sciences, docent, Siberian Federal University, Krasnoyarsk.

Konstantin V. Grigoriev, Doctor of Sciences (Sociology), Irkutsk State University

Darina Grigorova, Candidate of Sciences (History), Professor, Sofia University “St. Kliment Ohridski”

Tapdyg Kh. Kerimov, Professor, Doctor of Philosophical Sciences, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltsin, Yekaterinburg

Alexander S. Kovalev, Doctor of History, docent, professor at the Department of Russian History, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Modest A. Kolerov, Associate Professor, Candidate of Historical Sciences, the information agency REX, Regnum (Moscow)

Vladimir I. Kolmakov, Doctor of Sciences (Biology), Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Alexander A. Kronik, PhD, Professor, Howard University, USA

Liudmila V. Kulikova, Professor, Doctor of Philological Sciences, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Oksana V. Magirovskaya, Doctor of Philological Sciences, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Pavel V. Mandryka, Associate Professor, Candidate of Historical Sciences, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Marina V. Moskaliuk, Doctor of Sciences (Arts), Dmitri Hvorostovsky Siberian State Academy of Arts

Boris Markov, Professor, Doctor of Philosophical Sciences, Saint-Petersburg State University

Valentin G. Nemirovsky, Professor, Doctor of Sociological Sciences, Tumen State University

Nicolay P. Parfentyev, Professor, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Art History, Professor, Corresponding Member of the Peter the Great Academy of Sciences and Arts, National Research South Ural State University, Chelyabinsk

Natalia V. Parfentyeva, Professor, Doctor of Art History, Member of the Composers of Russia, Corresponding Member of the Peter the Great Academy of Sciences and Arts, National Research South Ural State University, Chelyabinsk;

Nicolai N. Petro, PhD, Professor of Social Sciences Rhode Island University, USA

Roman V. Svetlov, Professor, Doctor of Philosophical Sciences, Saint-Petersburg University

Andrey V. Smirnov, Doctor of Philosophical Sciences, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy RAS, Moscow

Olga G. Smolyaninova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of RAE, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Aleksey N. Tarbagaev, Doctor of Law, Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Elena G. Tareva, Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Moscow State Linguistic University, the Higher School of Economics

Zoya A. Vasilyeva, Doctor of Economic Sciences, Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Irina V. Shishko, Professor, Doctor of Juridical Sciences, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Evgeniya V. Zander, Doctor of Economic Sciences, Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

CONTENTS

Willard McCarty Towards a Purpose and a Direction. Keynote for European Association for Digital Humanities (Krasnoyarsk, Siberia, September 2021)	752
Galina M. Kazakova Regional Identity: Poliparadigmality of Reading	762
Alina A. Nakhodkina The Metaphor of Road in Sakha Epic Space	769
Tatyana G. Butova, Natalya V. Klimovich, Elena P. Danilina, Larisa A. Danchenok, Shakizada U. Niyazbekova and Sergei I. Mutovin Instruments for Sustainable Development of Territories in the Context of Synergistic Crisis	780
Karine S. Arutiunian Formation of the Ethnic Component Management Consciousness in the Prevention of the Ethno-Social Crisis (Socio-Philosophical Aspect)	791
Ksenia A. Degtyarenko, Julia N. Menzhurenko, Dariya S. Pchelkina and Anna A. Shpak Ancient Works of Art of Central Siberia	799
Nataliya S. Ivanova, Evgeni A. Varshaver and Anna L. Rocheva What Migrants Do Economically Developed Countries Attract and How They Do It: Analysis of International Cases	811
Maria A. Kolesnik, Alexandra A. Sitnikova, Ekaterina A. Sertakova, Yulia S. Zamaraeva and Tikhon K. Ermakov Development Features of Participatory Art in the City of Krasnoyarsk (Russian Federation) at the Beginning of the XXI Century	826
Natalia P. Koptseva, Ksenia V. Reznikova, Yuliya V. Kvashnina, Natalia N. Seredkina and Natalia M. Leshchinskaya Cultural Dynamics of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Krasnoyarsk Territory in Paintings and Graphic Works	840
Natalia N. Seredkina Fine Arts in the Artistic Culture of the Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation	853
Ekaterina A. Sertakova, Maria A. Kolesnik and Natalia M. Leshchinskaya «Heroic» and «Tragic» in the Painting of Neoclassicism of the 18th Century (on the example of the analysis of the works of J.-L. David)	867
Alexandra A. Sitnikova, Anastasia A. Zhigaeva, Anna A. Fedorova and Mao Sang Creativity of the Krasnoyarsk artist Vasily Slonov	879
Eugenia S. Tsareva and Lilia R. Stroy Music Education in the Yenisei Province (end of the 19th – beginning of the 20th century)	894

DOI: 10.17516/1997-1370-0890
УДК 316.772

Towards a Purpose and a Direction. Keynote for European Association for Digital Humanities (Krasnoyarsk, Siberia, September 2021)

Willard McCarty*

*Department of Digital Humanities
King's College
London, UK*

Received 30.12.2021, received in revised form 27.01.2021, accepted 03.02.2022

Abstract. Practitioners, scholars and practitioner-scholars in digital humanities have much to celebrate. The social, institutional and technical progress made since the field began in the mid 1960s gives abundant cause. It behoves all of us, however, to raise eyes from screen and keyboard to consider more deeply our relation to the other disciplines of the sciences, human, natural and artificial, and to the creative arts. Digital humanities is an adolescent among adults, with little awareness of the intellectual and cultural riches on which it needs to draw in order to take its place among them. It needs to become aware of its own antediluvian past and to consider its possible futures with the help of the arts. No avenue should remain unexplored in a collective effort to imagine what we do not know.

Keywords: progress and peril, interdisciplinary relations, human sciences, imagination, conversation, artificial intelligence.

Research area: culturology.

Citation: McCarty, W. (2022). Towards a Purpose and a Direction. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(6), 752–761. DOI: 10.17516/1997-1370-0890.

**На пути к Цели и Направлению.
Основной доклад для Европейской ассоциации
цифровых гуманитарных наук
(Красноярск, Сибирь, сентябрь 2021 года)**

В. Маккарти

*Кафедра цифровых гуманитарных наук
Королевский колледж
Великобритания, Лондон*

Аннотация. Практикам, ученым и ученым-практикам в области цифровых гуманитарных наук есть что отпраздновать. Социальный, институциональный и технический прогресс, достигнутый с момента начала работы в этой сфере в середине 1960-х годов, дает множество оснований для этого. Однако всем нам надлежит оторвать глаза от экрана и клавиатуры, чтобы глубже рассмотреть наше отношение к другим научным дисциплинам: гуманитарным, естественным, а также к творческому искусству. Цифровые гуманитарные науки – это подросток среди взрослых, мало осведомленный об интеллектуальных и культурных богатствах, которые ему необходимо использовать, чтобы осознать собственное допотопное прошлое и рассмотреть свое возможное будущее с помощью искусства. Ни один путь не должен оставаться неисследованным в коллективных усилиях представить то, чего мы не знаем.

Ключевые слова: прогресс и опасность, междисциплинарные отношения, гуманитарные науки, воображение, беседа, искусственный интеллект.

Научная специальность: 24.00.00 – культурология.

A decade ago, in the question period after a lecture, I was asked where I thought we would be with computers in twenty years' time. I've continued to ponder this question: not for what the future would bring (as if it were already determined, and so beyond our influence) but for where I wanted the discipline to be. There were then and are now, of course, many issues on the boil, and so many answers other than my own. When I was asked that question, digital research in the human sciences had already grown beyond my ability to take the measure of; in the intervening years this research has continued to spread and diversify. Nevertheless, I think there is still reason for each of us to ponder matters of disciplinary purpose and direction as best we can: not to define digital humanities (a discipline is not for defining) but to question, shape and direct it.

Such pondering has strengthened my conviction that the physical machine must not be taken for granted, that the machine is where our questioning must begin,¹ and that all the disciplines of the human sciences,² and much else, offer crucial help. We need this help – but on *our* terms. Relative disciplinary ignorance and immaturity make us vulnerable to facile solutions, two especially. One is to succumb to the widely supported fantasy of unqualified progress and so to the belief that the questions of research are for answering rather than deep-

¹ I am thus in great sympathy with the mathematical engineer and computer scientist Richard Hamming's conviction in his Turing Award Lecture that «the computer, the information processing machine, is the foundation of our field» (1968, 5), although what we do in our respective fields with it is very different.

² I use the term 'science' here to denote disciplined interpretative enquiry of all kinds, for which see Lloyd and Vilaça 2020 and McCarty, Lloyd and Vilaça 2021.

ening. The other is to take the purpose and direction of the discipline from somewhere else, surrendering the struggle to someone else's agenda.³ And then, likely beneath critical notice, lurk some bad but stubborn notions about computing that must be weeded out. I'll come back to one of these in particular.

With regards to institutional matters, we've much to be happy about. Conditions were not always so favourable. Thirty years ago the distinguished historian of religion Jaroslav Pelikan made what was then a startling move by proposing that academic status be given to non-academic research 'staff', such as I then was: «not [as] a matter of courtesy, much less as a matter of condescension, but as a matter of justice and of accuracy» (1992, 62). This has happened: we have moved from feeding on the crumbs that fell off the table of the tenured to take our places among them as colleagues. Such is the *opportunity* we have struggled for and won, with a great deal of help from current fashions. But make no mistake: ours is not a sinecure but an opportunity to show our colleagues in other disciplines that the investment they have made in our thing at the expense of spending it elsewhere is paying off, not merely in large grants and the like but in ways that will last. So I must ask: what are we doing with this opportunity while we still have it, before it slips away or goes stale?

The theme of this conference, «Interdisciplinary perspectives on data», brings me to that question by way of the great Australian ethnographic historian Greg Denning's metaphor of the disciplines:

Where once we thought a discipline – history, say, or politics, or even economics – was at the centre of things by having a blinkered view of humanity, now we realise that we are all on the edge of things in a great ring of viewers.⁴

What, then, do we do, within that nexus of relations? What do we have to contribute and to learn?

³ For the dangers of this see the «Polemical Introduction» to Frye 1957, 12–13.

⁴ Denning 1998, 139. For the very Australian metaphor see McCarty 2006, 9.

Here's my train of thought in response to that.

I think we have a fairly good start on understanding the input end of the machine (that is, digitalisation of data, including how to encode these data) and on developing tools for manipulation, analysis, visualisation and so on. But do we have a good theory of the data, to account not only for that which we successfully translate into computable form but especially for that which does not survive, and perhaps could, after a suitable change of mind and/or machine? Or are we still brushing the losses under the carpet, calling them 'residue'?⁵ Then there's the middle and the final stages of computing. I strongly suspect that we have very little grasp of them, that is, of the events within the black box between input and output (McCarty 2021; Winner 2003), and then of the recursive interactions between enquirer and machine, from output back to input, to more output and so on. On that latter point, Marvin Minsky pointed many years ago to the three-way relation between real-world artefact, the computational model of it and the modeller (Minsky 1965). Have our theories of modelling taken account of that, especially in relation to all that goes on with and *within* the modeller? And there's more: how about the social context within which the modeller is working? Much to be done – although I suspect – and hope – that much of this is already underway. But let me proceed as if the abyss of my ignorance were not as large and deep as I suspect it is.

Three problems to work on, then: (1) a theory of digitalisation that would fit into *A Very Short Introduction*-style booklet and be comprehensible to students and colleagues alike; (2) an accessible account of as much as is knowable concerning the structure of and events within the system software and hardware of that black box;⁶ and (3) a better idea of what happens when we work with the machine,

⁵ On 'residue' see McCarty 2012 and 2014; McGann 2004, 201–4.

⁶ A crucial qualification: even if achievable, an account that lives up to Thomas Sprat's ideal, of «a close, naked, natural way of speaking» (1667, 113) would explain away rather than explain the crucial role of enchantment by an indecipherable technology (Gell 1992).

materially, cognitively, psychologically, intellectually, within its social nexus.

Although there is more to be done on the first of these, starting *inter alia* with Jerome McGann's suggestions, I've belaboured it elsewhere and so will leave it alone for want of time. The second is essentially the problem that faces all genuinely interdisciplinary research: in this case, requiring a substantial amount of extraction and translation of highly technical sources from engineering, other areas of computer science and from mathematics. The job is not impossible, only time-consuming and laborious, involving native informants as well as printed and online sources. But the rewards from doing it are substantial: a much clearer and more persuasive idea of our contribution to the machine's further development and a better language in which to conceptualise and communicate it.

The third problem – bringing our manipulatory-cognitive actions with the tool and its responses into view – falls under the concerns of research in human-computer interaction (HCI), the cognitive sciences, especially cognitive psychology, and anthropology, among other fields. To my mind, the most difficult and promising challenges lie with this problem. I'll devote the rest of my time here to it, with some backward glances at the second.

In the language familiar to the human sciences, research with the machine means putting questions to it. At the moment we don't do that by speaking (say, to a really smart Alexa) but by taking other sorts of physical actions that lead to other sorts of physical responses. Nevertheless, it is productive to think of what we do as asking questions. In those terms, two corresponding socio-cultural models present themselves: conversation and divination. For reasons of time, I must give divination short shrift,⁷ but a few salient things about it are suggestive. The first is that divination may be considered a kind of physically mediated conversation, with the gods (if you like) or with whatever we put in their place. Second, belief

is not required to see how divinatory practices work; the highly developed resources of historical and anthropological scholarship help us find this out as best we can, then to tap into millennia of cross-cultural accounts of how others have sought answers to their most difficult questions. Finally, no less than Alan Turing turned to it (in the form of an 'oracle machine') as a model for our intuitive ability to excel the explanatory power of mechanical processes (Appel 2012, 52–3; also 7 and 22–3).

Conversation can be equally mysterious: not so much the tedious, well-worn verbal routine with unsurprising outcome anticipated by the question, «Are we really going to have *that* conversation?» Rather I mean conversation that is unplanned, the kind we drift into and are led by rather than lead, the kind that surprises rather than fulfils expectations (Gadamer 2004, 385). In his 1950 paper on machine intelligence, Turing argued that the digital machine could genuinely surprise us, indeed that but for greater memory and speed Babbage's Analytical Engine could have done this as well. Just this year, Kazuo Ishiguro, in *Klara and the Sun*, has imagined the conversation and interior dialogue of a replicant, or Artificial Friend (AF), and by exploring how far it could go has done much to sharpen the question. (I will return to *Klara* later.) Unfortunately, human-computer interaction studies seem not to have done much with research in Conversation Analysis, or what the practitioners call 'talk-in-interaction', but their research and that of related areas in the cognitive sciences continue apace (McCarty 2021, §§ 4 and 7.1; Suchman 2007, Chapter 7). While plausible implementation may be a long way off, keeping in touch with that research seems to me part of our job.

But we need more. We need, as I suggested earlier, actual and detailed knowledge of hardware and software. Langdon Winner put the question to his colleagues in the philosophy of technology. He asked, how much do we need to know about the machine? «What kind of knowledge do we need to have... And how much?» (1993). He recommended looking «carefully at the inner workings of real technologies and their histories to see what is actually taking place.» Without that knowledge,

⁷ I explore the potential of divination in McCarty 2021, §§ 6 and 7.3; on the controversial use of divination in arguments such as mine, see also Gell 1998, 102f.

it seems to me, we cannot speak with authority about the digital machine and its possibilities for the human sciences and beyond. Without it we cannot understand fully what we are doing.

Historian Timothy Lenoir notes the difficulties and suggests that we attempt «to get inside the technology and use it for our own purposes» but also warns us away from «examining the metaphoric use of technology in science fiction, film, print media, and ad campaigns» (Lenoir 2007, 210). The defining imperative of our field, it seems to me, is to do both: that we bring both together in a field of relations, together with whatever the other human sciences can contribute. Fifty years ago, in *Science and Technology in Art Today*, anthropologist Jonathan Benthall suggested why this assembly is so important for the conversational problem I have raised. «The essence of most computer jokes», he observed, «is that, wherever we choose to assign the computer in the ‘social’ hierarchy, as slave or oracle or working-partner, *its anomalous nature will assert itself*.» (1972, 46, my emph.) Its no-name uncanny manifestations signal a fault of conception or engineering only if we set imitation of the human as our goal. Otherwise, in circumstances of research, these defamiliarising phenomena are the very means of discovery.

If I’m right about this, then we need even more help, this time from those at the coalface, to get to the causes of that anomalous nature. For example, as a starting point I refer you to American engineer Jim Keller’s first interview by Lex Fridman on YouTube.⁸ Among other things, Keller describes how non-deterministic behaviours at the microchip level are exploited for maximum processing speed but controlled to produce the deterministic results on which so much depends. Since the mid 20th Century, when mathematician John von Neumann worried about how digital processes could produce reliable results from unreliable components (as the human brain does far better than our most sophisticated machines),⁹ extravagant hardware and software engineering

have shaped the unruly behaviour of physical electronics to produce closest possible approximation to the ideal machine, that is, the one we imagine that we have. Much to admire there. But to my mind the important realisation for the future – and here I step out onto thin ice – is that this control of non-deterministic behaviour is *tuneable*.¹⁰

I spoke earlier about weeding out bad ideas. Among the most persistent of these is the notion that the computer is a machine in the ‘precomputational’ sense:¹¹ one that (to quote Ada Lovelace’s well-known dictum) «can do [only] whatever we know how to order it to perform» (Menabrea 1843, 722). In 1955 Grace Hopper declared that, «The computer is an extremely fast moron... [that] will, at the speed of light, do exactly what it is told to do – no more, no less».¹² From then until now, the term ‘fast moron’, its variants and the precomputational image it evokes have given debilitating reassurance to the frightened, namely, that the digital machine cannot outsmart us.¹³ Herbert Simon pointed out in 1960 that the image of the machine as rote follower of instructions is «intuitively obvious [and] indubitably true,» but «supports none of the implications that are commonly drawn from it».¹⁴ Thus we wrongly infer that *how* the computational machine carries out its instructions is predetermined and that the surprise which I talked about earlier is a trivial matter of human error, stupidity or forgetfulness. Two features of the machine nullify this assumption: conditional interactions among components and stimuli external to it (cf. Wegner 1998, 318); two others, mnemonic capacity and speed, take those to a new level.

¹⁰ I say nothing about the intriguing promise of quantum computing here; see Bernhardt 2019; Pakin and Coles 2019.

¹¹ Minsky in McCorduck 2004, 86.

¹² Hopper 1955, 1. At the time she worked for IBM. Following McCorduck’s allegation that IBM promulgated the meme of the moronic computer (note 13), it is tempting to speculate that Hopper was following a corporate directive.

¹³ In addition to Hopper 1955, quoted above, note Clarke 1999, 195; all editions of Drucker’s *The Effective Executive* from 1967 up to 2017 repeat it; and McCorduck 2004, 151, 187, 202. I have counted more than 30 such statements, almost all of which come from supposedly authoritative sources – including an IBM computer manual (Andree 1958, 2, 106).

¹⁴ Simon 1977/1960, 67, quoted and discussed in McCarty 2020, 222f.

⁸ <https://www.youtube.com/watch?v=Nb2tebYAaOA> (3/10/21).

⁹ von Neumann 1963/1956; cf. Pippenger 1990; Borkar 2005.

Lovelace in fact suggested that limiting surprise to trivial causes is a mistake when (as many who have quoted her dictum overlook) she went on to write that the recombinatorial potential of Babbage's Engine, hence of our own, would throw new light on «the relations and nature of many subjects,» leading to more profound investigation of them (Menabrea 1843, 721, 723). Undervaluing the intellectual potential of combinatorics impoverishes us, as any combinatorial mathematician will tell you.¹⁵

It does so because from the mathematics of the combinatorial art at speed and with capacity the machine gains *complexity*.¹⁶ In simplest terms, a complex system is one in which interaction among components predominates over a governing set of rules so that surprising behaviours emerge. A tropical rainforest's ecosystem, with an «almost endless variety of species» in constant development and rapid evolution, is an example.¹⁷ Complexity Theory is wild stuff, not for the faint-hearted; asked for a definition, experts will often retreat to an «I know it when I see it» defence.¹⁸ But for now we need only this: that as we proceed from the strictly linear and rule-governed (which, in fact, is very hard to find) toward the increasingly unpredictable, we reach a point of potentially innovating randomness. Complexity theorists call this «*the edge of chaos*».¹⁹ Questions and qualifications crowd in, however. First is what is meant by 'random', for which I propose, 'beyond our ability to anticipate' (McCarty 2021, 330–2); second, our relation to the random stimuli, particularly how they affect us and what we do with them; third, how generation of these stimuli is tuned. I will return to these questions at the end.

Up to this point I have approached our common ground mostly from the side of the machine. I've done so because, as I suggested, our discipline has downplayed technical

knowledge of the physical device and its sciences – the 'digital' in 'digital humanities', the mathematics in 'algorithm'. But then, as I said, the metaphoric has to be an equal player. For that reason, I now turn to three literary ways of thinking about the machine in its field of relations, and, to bring us up to date, take up the unavoidable subject of artificial intelligence. In our terms, as I interpret them, AI's central problem of knowledge became clear quite early. The most succinct statement of it I know is from a book review by the pioneering systems scientist Sir Charles Geoffrey Vickers on the social impact of the computer: in his words, «how playing of a role differs from the application of rules which could and should be made explicit and compatible» (Vickers 1971). Fifty years on, this remains a fair statement of the epistemological problem Ishiguro takes up with his Klara – a 'machine who thinks', as Pamela McCorduck would say.

Among her artificial kind, Klara distinguishes herself by the ability to construct her world from observations. She is not the most up-to-date model of her kind, we are told, but (the shop manager remarks when selling Klara) «her appetite for observing and learning... [and] ability to absorb and blend everything she sees around her is quite amazing. As a result, she now has the most sophisticated understanding of any AF in this store» (Ishiguro 2021, 42). Much later, after the sale, her owner's father, Paul, raises the question of artificial intelligence (though Ishiguro never uses this term): whether a machine of finite states can stretch beyond her finitude. Paul asks Klara whether she thinks there is a «human heart... in the poetic sense... Something that makes each of us special and individual» (218). Klara imagines this 'heart' to be like a house with many rooms. Paul asks, what if there are indefinitely many rooms, one within another within another, and so on. To this conundrum of infinite regress, of «turtles all the way down»,²⁰ Klara responds that the human heart «must be limited. Even... in the poetic sense,» she declares, «there'll be

¹⁵ See esp. Berge 1971/1968. The English version adds a valuable Foreword by Gian-Carlo Rota.

¹⁶ Simulation is the area of computational research in which complexity has been developed to a considerable extent; see esp. Lenhard 2019, also McCarty 2019 and Mago and Dabaghian 2014 for examples.

¹⁷ This is John Holland's opening example (Holland 2014).

¹⁸ Jervis 1998, 5f; also, Miller and Page 2007, 3f.

¹⁹ Waldrop 1992, 12 and Chapter 6; Langton 1992.

²⁰ This refers to a very old story of unknown origins; see https://en.wikipedia.org/wiki/Turtles_all_the_way_down (2/5/21) and the version in Geertz 1973, 28f. On the implicit point of Ishiguro's regress, see Gell 1998, 147–8.

an end to what there is to learn.» (219) And so, at the novel's end, having served her purpose to the letter, Klara is discarded, abandoned in a scrapyard (301–7).

My second example is Steven Millhauser's late twentieth-century short story «The new automaton theatre» (1999). Millhauser imagines a small German city in which everyone from birth is under the spell of the human-like automata that their master craftsmen make. These automata are, the narrator says, «carried by our masters to a pitch of brilliance unequalled elsewhere and unimagined by the masters of an earlier age... [they are] the source of our richest and most spiritual pleasure.» (76) Suddenly, after a long, unexplained absence, the greatest craftsman of them all, Heinrich Graum, returns with radically new ideas. He devises then stages performances of an utterly new kind of automata, ones that do not imitate the human but who have «grown conscious of themselves... a new race... [with] lives parallel to ours but are not to be confused with ours.» (94) These strange automata are thus not creatures lingering in Masahiro Mori's well-known and much explored «uncanny valley» (Mori 2012/1970); they are profoundly, shockingly, differently, intentionally themselves. «The old art flourishes...» the narrator concludes, «but something new and strange has come into the world. We may try to explain it, but what draws us is the mystery. For our dreams have changed.» (95)

With my third and last example, as promised, I take up Italo Calvino's remarkably insightful lecture from the mid twentieth century, «Cybernetics and Ghosts», on the relation of the digital machine to writing and to literature.²¹ I skip the «two routes» his argument follows to get to his fundamental question: how is it that the new (or, better, the un-realised) can arise within the constraints of language and literary traditions? Abbreviating as much as I dare, this is his response:

Literature is a combinatorial game that pursues the possibilities implicit in its own ma-

terial, independent of the personality of the poet, but it is a game that at a certain point is invested with an unexpected meaning... [that] has slipped in from another level... The literature machine can perform all the permutations possible on a given material, but the poetic result will be the particular effect of one of these permutations on a man endowed with a consciousness and an unconscious, that is, an empirical and historical man. It will be the shock that occurs only if the writing machine is surrounded by the hidden ghosts of the individual and of his society. (Calvino 1986/1967, 22)²²

Like, but differently than, the digital machine Lovelace described a century before him, Calvino makes no claim for the writer's absolute originality, rather that (in Lovelace's words) «in so distributing and combining the truths and the formulae... the relations and the nature of many subjects... are necessarily thrown into new lights, and more profoundly investigated.» (Menabrea 1843, 722) Thus Calvino, with Claude Lévi-Strauss explicitly in mind, has his «storyteller of the tribe... [continue] imperturbably [making] his permutations of jaguars and toucans until the moment comes when one of his innocent little tales explodes into a terrible revelation...»

So then, in conclusion, what is the lesson here? It comes in two flavours, pragmatic and metaphysical.

For the pragmatic, I summon historian Michael Mahoney's advice from the recent history of technology: to get ourselves «into the driver's seat», then to ask, with intention to commit, what we want to do and what we are willing to spend to do it (2003, 122). Driving, or giving effective advice to the driver, I've argued,

²² ... la letteratura è sì gioco combinatorio che segue le possibilità implicite nel proprio materiale, indipendentemente dalla personalità del poeta, ma è gioco che a un certo punto si trova investito d'un significato inatteso... ma slittato da un altro piano... La macchina letteraria può effettuare tutte le permutazioni possibili in un dato materiale; ma il risultato poetico sarà l'effetto particolare d'una di queste permutazioni sull'uomo dotato d'una coscienza e d'un inconscio, cioè sull'uomo empirico e storico, sarà lo shock che si verifica solo in quanto attorno alla macchina scrivente esistono i fantasmi nascosti dell'individuo e della società. (Calvino 1980/1966, § 4)

²¹ Note Calvino's explicitly credited sources: Propp, Lévi-Strauss and the Russian Formalists (1986/1967, 5, 6); «Shannon, Weiner, von Neumann, and Turing» (8); see also Duncan 2012; Ricci 2001: 18f.

requires technical knowledge and the insight that comes from it. Such knowledge not only focuses desire but awakens it, brings to the fore such exercises of the imagination as I've briefly presented. These, and much more of them, and not only literary ones but also the artistic, musical and however expressive, are likewise the tools of our craft. Their applicability is possible because the technologies we play with, though many forget or ignore this, are of the human sciences already, waiting for greater realisation under knowledgeable hands.

For the metaphysical I turn to the Preface of Terry Winograd and Fernando Flores's *Un-*

derstanding Computers and Cognition (1987). «All new technologies», they write there,

develop within the background of a tacit understanding of human nature and human work. The use of technology in turn leads to fundamental changes in what we do, and ultimately in what it is to be human. We encounter the deep questions of design when we recognize that in designing tools we are designing ways of being. (xi)

There you have it: what ways of being do we want to open for ourselves?

References

- Andree, R. V., 1958. *Programming the IBM 650 Magnetic Drum Computer and Data-Processing Machine*. New York: Henry Holt and Company.
- Appel, A.W., 2012. *Alan Turing's Systems of Logic: The Princeton Thesis*. Princeton: Princeton University Press.
- Benthall, J., 1972. *Science and Technology in Art Today*. London: Thames and Hudson.
- Berge, C., 1971/1968. *Principles of Combinatorics*. New York: Academic Press.
- Bernhardt, C., 2019. *Quantum Computing for Everyone*. Cambridge MA: MIT Press.
- Borkar, S., 2005. «Designing reliable systems from unreliable components: The challenges of transistor variability and degradation». *IEEE Micro*, November-December.
- Calvino, I., 1986/1967. «Cybernetics and Ghosts». In Patrick Creagh, trans., *The Uses of Literature*. San Diego CA: Harcourt Brace & Company. pp. 3–27.
- Calvino, I., 1980/1966. «Cibernetica e fantasmi (Appunti sulla narrative come processo combinatorio)». *Una pietra sopra*. 164–81. Torino: Einaudi.
- Clarke, A. C., 1999. «The Obsolescence of Man». In *Profiles of the Future. An Inquiry into the Limits of the Possible*. London: Victor Gollancz, 1999. pp. 193–206.
- Dening, G., 1998. *Readings / Writings*. Melbourne: Melbourne University Press.
- Drucker, P. F., 1967. *The Effective Executive*. New York: Harper & Row.
- Duncan, D., 2012. «Calvino, Llull, Lucretius: Two Models of Literary Combinatorics». *Comparative Literature* 64.1: 93–109.
- Frye, N., 1957. *Anatomy of Criticism: Four Essays*. Princeton NJ: Princeton University Press.
- Gadamer, H.-G., 2004. *Truth and Method*. 2nd edn. Trans. Joel Weisenheimer and Donald C. Marshall. London: Continuum.
- Geertz, C., 1973. «Thick Description: Toward an Interpretive Theory of Culture». In *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*. 3–30. New York: Basic Books.
- Gell, A., 1992. «The Technology of Enchantment and the Enchantment of Technology». In J. Coote and A. Shelton, eds., *Anthropology, Art and Aesthetics*. Oxford: Clarendon Press. pp. 40–67.
- Gell, A., 1998. *Art and Agency: An Anthropological Theory*. Oxford: Clarendon Press.
- Hamming, R., 1968. «One Man's View of Computer Science». 1968 Turing Award Lecture. *Journal of the Association of Computing Machinery* 16.1: 3–12.
- Holland, J. H. 2014. *Complexity, A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Hopper, G. M., 1955. *Automatic Coding for Digital Computers*. A talk presented at the High Speed Computer Conference, Louisiana State University, 16 February 1955. Remington Rand. http://www.bitsavers.org/pdf/univac/HopperAutoCodingPaper_1955.pdf (3/10/21).

- Ishiguro, K., 2021. *Klara and the Sun: A Novel*. New York: Alfred A. Knopf.
- Jervis, R., 1997. *System Effects: Complexity in Political and Social Life*. Princeton: Princeton University Press.
- Langton, C. G., 1992. «Life at the Edge of Chaos». In Christopher G. Langton, Charles Taylor, J. Doyne Farmer and Steen Rasmussen, eds., *Artificial Life II*. Proceedings of the Workshop on Artificial Life held February, 1990, in Santa Fe, New Mexico. Redwood City CA: Addison-Wesley. pp. 41–91.
- Lenhard, J., 2019. *Calculated Surprises: A Philosophy of Computer Simulation*. New York: Oxford University Press.
- Lenoir, T., 2007. «Techno-Humanism: Requiem for the Cyborg». In Jessica Riskin, ed., *Genesis Redux: Essays in the History and Philosophy of Artificial Life*. Chicago: University of Chicago Press. pp. 196–220.
- Lloyd, G. E. R. and A. Vilça, eds., 2020. *Science in the Forest, Science in the Past*. Chicago: HAU Books.
- Mago, V. K. and V. Dabbaghian, eds. 2014. *Computational Models of Complex Systems*. Cham: Springer International Publishing Switzerland.
- Mahoney, M. S., 2003. «The histories of computing(s)». *Interdisciplinary Science Reviews* 30.2: 119–35.
- McCarty, W., 2006. «Tree, Turf, Centre, Archipelago – or Wild Acre? Metaphors and Stories for Humanities Computing». *Literary and Linguistic Computing* 21.1: 1–13.
- McCarty, W., 2012. «The Residue of Uniqueness». *Historical Social Research* 37.3: 24–45.
- McCarty, W., 2014. «Getting there from here. Remembering the future of digital humanities.» Roberto Busa Award lecture 2013. *Literary and Linguistic Computing* 29.3: 283–306.
- McCarty, W., 2019. «Modeling the actual, simulating the possible». In Julia Flanders and Fotis Jannidis, eds., *The Shape of Data in the Digital Humanities: Modeling Texts and Text-Based Resources*. London: Routledge. pp. 264–84.
- McCarty, W., 2020. «Modeling, Ontology, and Wild Thought: Toward an Anthropology of the Artificially Intelligent». In Lloyd and Vilça, eds. 2020: 209–36.
- McCarty, W., G. E. R. Lloyd and A. Vilça eds., 2021. *Science in the Forest, Science in the Past II*. Thematic issue of *Interdisciplinary Science Reviews* 46.3.
- McCarty, W., 2021. «As perceived, not as known: Digital enquiry and the art of intelligence.» In McCarty, Lloyd and Vilça, eds. 2021: 325–62.
- McCorduck, P., 2004. *Machines Who Think: A Personal Inquiry into the History and Prospects of Artificial Intelligence*. Natick, MA: A.K. Peters, Ltd.
- McGann, J., 2004. «Marking Texts of Many Dimensions». In S. Schreibman, R. Siemens and J. Unsworth, eds. *A Companion to Digital Humanities*. Oxford: Blackwell. pp. 198–217.
- Menabrea, L. F. 1843. *Sketch of the Analytical Engine invented by Charles Babbage Esq.* Trans. and comm. Lady Ada Lovelace. In Richard Taylor, ed., *Scientific Memoirs selected from the Transactions of Foreign Academies of Science and Learned Academies and from Foreign Journals*. London: Richard and John E. Taylor. pp. 666–731.
- Miller, J. H. and S. E. Page, 2007. *Complex Adaptive Systems: An Introduction to Computational Models of Social Life*. Princeton: Princeton University Press.
- Millhauser, S., 1999. «The New Automaton Theatre». In *The Knife Thrower and Other Stories*. London: Phoenix House. pp. 76–96.
- Minsky, M., 1965. «Matter, Mind and Models». Artificial Intelligence Memo 77 (MAC–M-230), Project MAC, Massachusetts Institute of Technology, March. <http://www.bitsavers.org/pdf/mit/ai/aim/ AIM-077.pdf> (3/10/21)
- Mori, M., 2012/1970. «The Uncanny Valley». Trans. Karl F. MacDorman and Nomi Kageki. *IEEE Robotics & Automation Magazine*, June: 98–100.
- Pakin, S. and P. Coles, 2019. «The Problem with Quantum Computers». «Observations» for 10 June. *Scientific American*. <https://blogs.scientificamerican.com/observations/the-problem-with-quantum-computers/> (3/10/21).
- Pelikan, J., 1992. *The Idea of the University: A Reexamination*. New Haven: Yale University Press.

Pippenger, N., 1990. «Developments in «The Synthesis of Reliable Organisms from Unreliable Components». In James Glimm, John Impagliazzo and Isadore Singer, eds., *The Legacy of John von Neumann*. Washington DC: American Mathematical Society. pp. 311–24.

Ricci, F., 2001. *Painting with Words, Writing with Pictures: Word and Image in the Work of Italo Calvino*. Toronto: University of Toronto Press.

Simon, H. A., 1977/1960. *The New Science of Management Decision*. Rev. edn. Englewood Cliffs NJ: Prentice-Hall.

Spratt, T., 1667. *The History of the Royal-Society of London, For the Improving of Natural Knowledge*. London: Printed for T.R. by J. Martyn... and J. Allestry.

Turing, A. M., 1950. «Computing Machinery and Intelligence». *Mind* 59.236: 433–60.

Vickers, Sir C. G., 1971. «Keepers of rules versus players of roles». Rev. of Thomas L. Whisler, *The Impact of Computers on Organizations*, and James Martin and Adrian R. D. Norman, *The Computerized Society*. *Times Literary Supplement*, 21 May: 585.

von Neumann, J., 1963/1956. «Probabilistic logics and the synthesis of reliable organisms from unreliable components». In A. H. Taub, ed. *Design of Computers, Theory of Automata and Numerical Analysis. John von Neumann Collected Works*, Vol. V. Oxford: Pergamon Press.

Waldrop, M. M., 1992. *Complexity: The Emerging Science at the Edge of Order and Chaos*. New York: Simon & Schuster.

Wegner, P., 1998. «Interactive foundations of computing». *Theoretical Computer Science* 192: 315–51.

Winner, L., 1993. «Upon Opening the Black Box and Finding It Empty: Social Constructivism and the Philosophy of Technology». *Science, Technology, & Human Values* 18.3: 362–78.

Winograd, T., 1974. «The Processes of Language Understanding». In Jonathan Benthall, ed. *The Limits of Human Nature: Essays based on a course of lectures given at the Institute of Contemporary Arts, London*. New York: E. P. Dutton & Co. pp. 208–32.

Winograd, T. and F. Flores. 1987. *Understanding Computers and Cognition: A New Foundation for Design*. Reading MA: Addison-Wesley Publishing.

DOI: 10.17516/1997-1370-0828
УДК 304.44

Regional Identity: Poliparadigmality of Reading

Galina M. Kazakova*

*Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Syktyvkar, Chelyabinsk, Russian Federation*

Received 10.07.2019, received in revised form 04.09.2021, accepted 14.09.2021

Abstract. The article is devoted to the analysis of the changed paradigms in the study of regional identity in the context of global civilizational processes of the present: from ontological approaches to constructivist and anti-constructivist approaches, discourses of «social engineering», multiprojectivity and analysis of the region's identity as a «quasi-corporation».

Constructivist arguments in the study of regional identity are gradually becoming an intellectual mainstream in modern social theories. Within the framework of the constructivist approach, domestic researchers distinguish a number of variations, such as: political, cultural, instrumental, social constructivist. At the same time, in the newest explorations of regional identity, an anti-constructivist approach has emerged, proceeding from the fact that regional identity is still formed in the minds of citizens spontaneously, under the influence of the habitat and events of common history.

The discursive approach to regional identity rejects static approaches to the consideration of identity and focuses on the interdependent nature of the region and regional identity; focuses on the cognitive picture of perception of reality, taking into account the construction of a certain group of actors and is the most appropriate tool for reflecting a dynamic and volatile reality. In more detail in the article new discourses are considered – «social engineering», multiprojectivity and quasi-corporativity in the study of regional identity. At the same time, the diversity of discourses, in the author's opinion, generates not so much disagreements and dissonance of intersecting meanings as their complementarity.

Keywords: regional identity, identity, discourse, ontological approach, constructive approach, multi-project approach, discourse of «social engineering».

Research area: theory and history of culture.

Citation: Kazakova, G. M. (2022). Regional identity: poliparadigmality of reading. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(6), 762–768. DOI: 10.17516/1997-1370-0828

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: kazakovagm@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8998-9366

Региональная идентичность: полипарадигмальность прочтения

Г.М. Казакова

*Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
Российская Федерация, Сыктывкар, Челябинск*

Аннотация: Статья посвящена анализу сменившихся социально-теоретических парадигм в исследовании региональной идентичности в условиях глобальных процессов современности: от онтологических к конструктивистским и антиконструктивистским подходам, дискурсам «социальной инженерии», мультипроектности и к анализу идентичности региона как «квазикорпорации».

Конструктивистские аргументы при изучении региональной идентичности постепенно становятся интеллектуальным мейнстримом в современных социальных теориях. Дискурсивный подход к региональной идентичности отвергает статичность при исследовании идентичности и акцентирует внимание на взаимозависимом характере региона и региональной идентичности; на когнитивной картине восприятия действительности с учетом конструирования ее определенной группой акторов: является наиболее подходящим инструментарием рефлексии динамичной и изменчивой реальности. Дискурсивность феномена региональной идентичности имеет ряд преимуществ: дискурс – порождение объективной реальности; многообразие дискурсов позволяет рассматривать феномен региональной идентичности как «гибридное» и синтезирующее образование. Дискурсивность создает резонанс и взаимодополняемость пересекающихся смыслов; неисчерпаемость дискурсов порождается множественностью текущих изменений региональной идентичности; а также дискурс – важное идеологически-ценностное звено коммуникационной цепи. Более подробно в статье рассматриваются новые дискурсы – «социальной инженерии», мультипроектности и квазикорпоративности в изучении региональной идентичности. Обращение к проблемам региональной идентичности как социо-, культурообразующих основ региона, фактора интенсификации его социальных процессов, залога его социальной устойчивости и выживаемости своевременно и актуально, поскольку ослабление и потеря идентичности способствует переходу от «эпохи обустроенности» к «эпохе бездомности» (М. Бубер).

Ключевые слова: региональная идентичность, идентичность, дискурс, онтологический подход, конструктивный подход, мультипроектный подход, дискурс «социальной инженерии».

Научная специальность: 24.00.01 – теория и история культуры.

Introduction

The significance of a theoretical study of regional identity for understanding the formation and functioning of regions is determined primarily by the fact that it is the culture-marking basis of a region, a tool for recreating a specific collective sociality, which sets the standard for anthropological imagination and is a product of collective memory (Dokuchaev, 2011: 118–119).

As is known, the study of identity began in the framework of psychoanalysis from the 1920s, within the framework of sociology – from the 1930s, and it has been actualized in political science since the middle of the twentieth century. In the 1990s, the processes of globalization, which coincided with the processes of regionalization, as well as with the crises of two institutions of the industrial society – the national state and the

family, inevitably led to more attention to the local forms of identity, including the regional ones. The flow of interpretations of identity has become expansive, its research is avalanche-like.

In the 10s of the 21st century, new trends in the study of the topic of identity emerged: consideration of identity problems in the context of general civilizational processes; appeal to the features of the discursive practices of identity; understanding of the multi-level of its manifestation; introducing the problems of conscious identity construction into the scientific revolution; description of the regional practice of Russian identity, etc. Methodological problems of the study of regional identity were formalized, related to the native subjects, the degree of awareness and rationality of the regional identity; the formation mechanism; «temporal» and «spatial» parameters of the formation of regional identity; the degree of influence of identity on behavior; the degree of actualization in the mind; the degree of influence of the social parameters of the group to which an individual belongs, on the nature of his identification, etc. (Popova O. V. 2011: 13–29).

Such a multiplicity of new perspectives on the problems of regional identity led to the birth of new paradigms in the study of regional identity, which this article is devoted to the analysis of.

Theoretical framework

The early stages of the development of knowledge about identity were due to the ontological approach as an explanatory paradigm. According to this approach, it was possible to understand the essence of identity only by viewing it within the framework of a specific socio-historical and cultural context. While the fact of belonging / identification remained constant, the elements around which the sense of belonging lined up could change in accordance with changing social conditions. Identity included the allocation by the subject of its social value, the meaning of its being, ideas about the past, present and future, value orientations. At the same time, it was considered as a procedural phenomenon (Golovneva, 2014, 2015).

Gradually, the concept of «identity» was filled with different, but still correlated mean-

ings in anthropology, philosophy, psychology, sociology, political science, cultural studies. The social aspect of identity was comprehensively studied by G.H. Mead, A. Tajfel, J. Turner, P. Sorokin, T. Parsons, M. Heidegger, E. Husserl, M. Scheler, and others. The fundamental ideas of identity research were E. Erikson's (Erikson, 2006), where identity was defined as the central integrative quality of adaptive human behavior in two aspects: «I am identity» and social identity. Many of Erikson's ideas are now applicable to the study of regional identity: the idea of identity crisis as a necessary step towards the formation of a qualitatively new, more mature identity; the idea of positive and negative identities (when individuals consider deception and false meanings in its forms), etc.

The main direction of the study of regional identity at the turn of the XX–XXI centuries was constructivism, which originated in the framework of the discourse of globalistics. The formation of the constructivist approach was greatly influenced by the provisions of the socio-constructivist theory, which goes back to the works of Peter Berger, Thomas Luckmann, Fredrik Barth, Pierre Bourdieu, Manuel Castells, Michele Lamont, etc.

In the constructivist interpretation, regional / territorial identity was a «bricolage» (C. Levi-Strauss term) of geographical images, local myths and cultural landscapes that form a mental mosaic at a specific point in time (Zamyatin D.N. 2011: 198). The last decade has given new concepts and a deep ontological, postmodern, constructivist, discursive understanding of regional identity in the works of P. Gurevich, M. Krylov, S.G. Pavlyuk, O.B. Podvintsev and others; young researchers – A.A. Alaudinov, M.V. Nazukina, A.M. Karpenko, N.A. Levochkina, I. Dokuchaeva and others. A number of our works are devoted to this problem (Kazakova, 2013).

Statement of the problem

In the context of postmodern theories, identity has ceased to be self-evident and has become detached from socially hematological entities. From metaphysical, it has become contextual. The emergence of the possibility

of changing identity, its changes in the usual, unchanging matters, the autonomy of existence. The mobility and variability of the identity code led to the emergence of new versions (Rashkovsky, 2011: 151–154).

The constructivist approach to the understanding of identity led to the understanding of identity as a synthetic phenomenon. He brought a number of new phenomena to the understanding of the nature of identity: the mismatch of cultural boundaries and processes of acculturation; the increasing role of the economic and political ideals of self-determination of modern man in relation to the «generic» features («blood and soil», language, religious affiliation, etc.); unlimited possibilities for manipulation of mass consciousness by the modern state; growth of tendencies towards regionalization of space, stimulating the appearance of hybrid forms of identity, etc. (Malygina, 2015: 223).

Methods

The discourse of the subject of regional identity is an unusually debatable and lively topic. There are several reasons for this: firstly, discursiveness rejects static approaches to the consideration of identity. Secondly, the emphasis is on the cognitive picture of the perception of reality, taking into account its construction by a certain group of actors. In the era of «social mobilization», primarily political, this is more than relevant (Alaudinov, 2015: 50). And finally, in the modern era, which is distinguished by the «compression» of time and information, discursiveness is most suitable as a tool for the reflection of a dynamic and changeable reality.

Regional Identity in Cultural Discourse

The discourse of the phenomenon of regional identity has a number of features:

Firstly, it is a product of objective reality, but on the other hand – discourses are created purposefully, constructed by the efforts of the political and cultural elite. That is why the phenomenon of regional identity is logical to consider as a hybrid entity, generated by various discourses.

Secondly, the diversity of discourses gives rise to both the discord of intersecting mean-

ings, and their complementarity, which expands ideas about the nature and diversity of regional identity.

Thirdly, the inexhaustibility of approaches to the concept of regional identity is due to its continuing changes in space and time. Because of this, regional identity is a constantly generated and changeable phenomenon, it can be injected, dispersed, split up, multiplied, actualized («articulated regional identity») and weakened («disappearing regional identity») (Golovneva, 2014: 203).

Fourth, discourse is an important agent of the communication chain. Discourse is ideological, since it is always the point of view of the speakers (Bogomyakov, 2007: 11).

A number of researchers conditionally generalize cultural discourses of regional identity into groups: philosophical, historical, mythological, political, religious, artistic, etc.

The philosophical discourse contains an essentialist idea about the conditionality of regional identity by a number of factors – territorial, ethnocultural, linguistic, religious, historical and cultural, etc. The instrumentalist idea talks about the basic functions of identity, such as psychological defense in the world of alienation and the mobilization of social groups to protect their interests. The idea of constructivists is about the spatio-temporal and situational relativity of the content of regional identity.

Within the framework of historical and mythological discourse, there is a tendency of regional subjects to actualize and raise the history and culture of their region (Bogomyakov, 2007: 199). Additional, expanded bases of social consolidation, «kinship paradigms» appear in the process of the formation of civil, national identities.

Political discourse is based on the idea of Henri Lefebvre that in modern reality space representations most often are as both representations of power and ideology (Lefebvre, 2015).

The discourse of regional identity takes a religious form when sacralizing objects, canonizing texts of «sacred history» and adhering to the power of custom and tradition relating to the religious history of the region.

Artistic discourse consists in the awareness of representatives of regional culture adherents of a certain artistic tradition, expressed in folk and professional artistic creativity. Particular importance in the construction of the image of the region here belongs to the local literature, which comprehends the history and present of the region in an emotional and sensual context, through «implantation», «feeling» in the events of past years, their subjective, personal assessment (Bogomyakov, 2007:11). (For example, a study on the «Ural matrix» of the writer Alexei Ivanov, where the features of «transformation», «labor», «captivity» accurately and characteristically describe the features of the Ural identity).

Regional Identity in the Discourse of «Social Engineering»

In recent decades, new forms of «project approach» have emerged in the design of regional identity, understanding of which occurs in terms of «region-building», «network concept», «new regionalism», etc. Constructed regional identity becomes an instrument of social and political mobilization of the population, a kind of «social engineering».

«Social engineering» is a sociocultural term that represents a set of approaches of applied social sciences focused on targeted actions to change the organizational structures that determine human behavior. Often social engineering is opposed to historicism as the principle of the evolutionary development of regions. Social engineering can be implemented in the context of social projects, with maximum involvement and responsibility for its implementation of all target groups. In this case, the formed regional identity, based on the application of the method of «measuring brand identity» by D. Aaker, can be considered in three ways: «region as a product»; «region as a person»; «region as a symbol» (Aaker, 2003: 97–99). Western scientific thought has formed a broad theoretical basis for constructing a regional identity based on looking at a region as a quasi-corporation, when the region is analyzed through similar features with a large corporate structure that implements its socio-cultural and economic

projects, has unique competitive advantages, etc. (Bazhenova, Bazhenov, 2015: 151–168). Such an approach makes it possible to view the region in a wider context of interaction and mutual influence of the internal environment of the region and world society, the global world.

The identity of the region in the «quasi-corporations» discourse

«Social Engineering» allows you to adapt the positions of the system-integration theory of the enterprise to the study of regional identity. In this case, in the opinion of E. Bazhenova and S. Bazhenov, seven layers are distinguished in the space of each region, combined into two systems: mental and functional (Bazhenova, Bazhenov, 2015: 151–154). The mental system itself includes the mental, cultural, institutional and cognitive layer. The four layers of the mental system form the socio-economic genotype of the region as an interconnected set of inherited and slowly changing characteristics of regional identity. The change of this structure occurs only in a relatively long-term period, and reproduction, preservation and evolution is provided by the internal mechanisms of heredity (Bazhenova, Bazhenov, 2015: 154–158).

The functional system includes organizational-technological, imitational and the historical layer (Bazhenova, Bazhenov, 2015: 151–154). According to scientists, a multi-project approach in promoting the unique characteristics of a region as a combination of commercially attractive projects inevitably causes a multiplier effect in its development.

Conclusion

Identity, according to S. Huntington, is as obligatory as it is not distinct, since it is an implicit set that is not amenable to rigorous definition and is not subject to standard measurement methods (Huntington, 2004:16). Nevertheless, the regional focus of cultural studies proves its heuristic potential for understanding large-scale phenomena and processes of research of regional identity.

Appeal to the problems of regional identity as a socio, culture-forming bases in the region,

a factor of intensification of its social processes, collateral social sustainability and survival, is timely and relevant since the weakening

and loss of identity contributes to the transition from the «era of the equipped» to the «era of homelessness» (M. Buber).

References

- Aaker, D. (2003) *Sozdanie sil'nykh brendov [Creating strong brands]*. M., Izdatel'skii dom Grebennikova, 340 p.
- Alaudinov, A.A. (2014). Regional'naia identichnost': kontseptual'nye podkhody k issledovaniyu [Regional Identity: Conceptual Approaches to Research], *In Nauka i biznes: puti razvitiia [Science and Business: Paths of Development]*. № 9 (39), 80–86.
- Alaudinov, A.A. (2015) *Regional'naia identichnost' – osnova formirovaniia obshchnatsional'noi politicheskoi identichnosti [Regional identity is the basis for the formation of a nationwide state identity]*. Rostov-on-Don.
- Bazhenova, E., Bazhenov S. (2015) Formirovanie nauchnogo kontsepta «ekonomicheskaiia identichnost' regiona»: mezhdistsiplinarnyi podhod [Formation of the scientific concept of «economic identity of the region»: an interdisciplinary approach], *In Krymskii nauchnyi vestnik [Crimean Scientific Herald]*. № 6, 151–168.
- Bogomyakov, V.G. (2007) Regional'naya identichnost' «zemli tumenskoi»: mify i diskurs [Regional identity of the «land of Tyumen»: myths and discourse]. Ekaterinburg: Izd. dom: « Diskurs Pi».
- Golovneva, E.V. (2014) Mnogoobrazie diskursov regional'noi identichnosti [The variety of discourses of regional identity]. *In Novosti ural'skogo federalnogo universiteta. Ser. 1 Problemy obrazovaniia, nauki i kultury [News of the Ural Federal University. Ser. 1. Problems of education, science and culture]*. № 1 (123), 198–203.
- Golovneva, E.V. (2015) Regional'naia identichnost' v culture postmoderna [Regional identity in post-modern culture]. *In Novosti ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1 Problemy obrazovaniia, nauki i kultury. [News of the Ural Federal University. Ser. 1. Problems of education, science and culture]*. № 3 (141), 105–112.
- Zamyatin D.N. (2011) Identichnost' i territorii: gumanitarnj-gtjgraficheskie podhody i diskursy [Identity and territory: humanitarian-geographical approaches and discourses]. *In Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza [Identity as an object of analysis]*. M., 198–210.
- Dokuchaev, D. S. (2013) *Regional'naia identichnost' rossiiskogo cheloveka v sovremennykh usloviakh: sotsial'no-filosofskii analiz/ Aforeferat...kand. filos.nauk [Regional identity of the Russian person in modern conditions: social and philosophical analysis]. Abstract... kand.philos.sciences'*. Ivanovo, 21 p.
- Kazakova G.M. (2013) *Region kak sotsiokulturnyi fenomen [Region as a sociocultural phenomenon]*. M., NOU URAO, 164 p.
- Kazakova G.M. (2017) Vernakuliarnyi raion kak uslovie intensivatsii sotsial'nykh protsessov [Vernacular district as a condition for the intensification of social processes]. *In Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Studies]* № 9, 57–65.
- Lefebvre A. (2015) Production space. Tr. from fr. I. Staf. Moscow: Strelka Press, 432 p.
- Malygina, I. V. (2015) Metodologicheskie diskursy etnokul'turnoi identichnosti: resurs vzaimodopolnitel'nosti [Methodological discourses of ethnocultural identity: a resource of reciprocal complement]. *In Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik [Yaroslavl Pedagogical Gazette]*. № 5, 219–224.
- Manuil'sky M. A. (2018) Edinaia rossiiskaia nachii: problem formirovaniia ee idntichnosti: k itogam vs Rossiiskoi konferentsii [United Russian nation: problems of formation of its identity (to the results of the all-Russian conference)]. *In Sochiologicheskii zhurnal [Sociological journal]*. Volume 24, № 1, 176–184
- Popova O. V. (2011) Razvitie teorii politicheskoi identichnosti v zarubezhnoi i otechestvennoi politicheskoi nauke [Development of the theory of political identity in foreign and domestic political science]. *In I. S. Semenenko, L. A. Fadeeva, V. V. Lapkin, P. V. Panov. Identichnost' kak predmet politicheskogo*

analiza [Identity as a subject of political analysis. Collection of articles on the results of the All-Russian scientific-theoretical conference]. M., IMEMO RAN, 13–29.

Rashkovsky E. B. (2011) Fenomen identichnosti: arkhaiska, modern, postmodern [The phenomenon of identity: archaic, modern, post-modern] *In I. S. Semenenko, L. A. Fadeeva, V. V. Lapkin, P. V. Panov. Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza [Identity as a subject of political analysis. Collection of articles on the results of the All-Russian scientific-theoretical conference].* M., IMEMO RAN, 151–154.

Huntington, S. (2004) *Kto my? Vyzovy amerikanskoi natsionalnoi identichnosti [Who are we? Challenges of American National Identity].* M.

Erikson E. (2006) *Identichnost': unost' i krizis [Identity: youth and crisis].* Tr. from English. M.: Flinta, 342 p.

DOI: 10.17516/1997-1370-0891
УДК 394

The Metaphor of Road in Sakha Epic Space

Alina A. Nakhodkina*

*M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russian Federation*

Received 19.01.2021, received in revised form 29.12.2021, accepted 13.01.2022

Abstract. The article outlines the image of the road in the Yakut heroic epic *olonkho*, which describes the life of the Sakha people in different historical eras from various aspects. The road in the epic is a plot-forming spatiotemporal metaphor; it commonly starts in the south and leads north, repeating the pattern of the Sakha migration to Siberia. The article reveals how epic space and roads shaped the collective memory of the people who existed in the south of the Asian continent and had to move to the north. The author examines the typology and functional characteristics of the road and its unique sacred nature, identifies the features of roads and passages leading to the Under World, their out-of-borderness and significant remoteness from the sacred center of the native land. This borderline marginality is aggravated by the personality of the road and its bestial incarnation. Special attention is paid to the rituals related to the road in epic and real space. This study is based on the English translation of the Yakut heroic epic *olonkho* «Nurgun Botur the Swift» written by P.A. Oyunskey.

Keywords: road, path, metaphor, Yakut, Sakha, epic, *olonkho*, characters, rituals.

Research area: culturology.

Citation: Nakhodkina, A. A. (2022). The metaphor of road in Sakha epic space. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 15(6), 769–779. DOI: 10.17516/1997–1370–0891

Метафора дороги в эпическом пространстве саха

А.А. Находкина

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
Российская Федерация, Якутск*

Аннотация. В статье представлен образ дороги в якутском героическом эпосе Олонхо, который описывает разнообразные аспекты жизни народа саха в определенные исторические эпохи. Дорога в эпосе служит сюжетообразующей пространственно-временной метафорой; обычно она начинается на юге и ведет на север, повторяя схему миграции саха в Сибирь. В статье показано, как эпическое пространство дороги сформировало коллективную память народа о переселении людей. Автор исследует типологию и функциональные характеристики дороги, ее уникальную сакральную природу, выявляет особенности дорог и переходов, ведущих в Нижний мир, их трансграничность, значительную удаленность от священного центра родного края. Эта пограничная маргинальность усугубляется звериной персоналией дороги, которая предстает в образе чудовища. Особое внимание в работе уделено ритуалам, связанным с дорогой, в эпическом и реальном пространстве. В качестве материала исследования выбран английский перевод якутского героического эпоса Олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского.

Ключевые слова: дорога, путь, метафора, якуты, саха, эпос, Олонхо, персонажи, ритуалы.

Научная специальность: 24.00.00 – культурология.

Introduction

Roads have been a part of people's lives for many thousands of years. If something permeates a person's life that deep, it eventually turns into a universal metaphor for the path of every person's life. «First and foremost, as one of the «timeless» universal images in culture, the concept of the road has caught the researchers' attention with its inner depth. It is archetypal, as its conceptualization is based on the whole set of concepts, images, symbols, and myths associated with the universe of the road. It is noteworthy that world mythology is replete with «road» themes, for example, the adventures of the characters in the works of Homer, Defoe, J. Swift, J. Verne, etc.» (Khomchak, 2015: 264). In many nations' cultures, one can find a common mythological plot, where a protagonist is often portrayed as the most ordinary man, and while being on his journey he faces various trials causing his inner qualities and view of life to miraculously change. His life becomes more conscious. This plot appears in

many myths from various parts of the world, for example, in a series of tales of the Buddha.

In general terms, the road connects multiple points in space and has another important symbolic meaning – a symbol of transformation, overcoming, realization, and liberation. When it comes to the roots of such symbolism, one can paraphrase the well-known saying written over the ogre's palace in the medieval Spanish fairy tale: «If you come in, you will never return» to «If you leave, you will never return ... (or you will never return as the same person)». In most works, the symbol of the road is presented as the path of adventure, the formation of a character as a hero, villain, anti-hero, or as an ordinary man. There can be a lot of outcomes, but the most common of them is the becoming of a hero. While on his way, the protagonist meets different types of characters: wizards, beasts, monsters, and others. Although they may appear only for a couple of moments, in the end, their influence on the hero may be the most crucial.

The Yakut epic *olonkho* contains general concepts of the creation of the world and the universe; people in the Middle World, gods, and the inhabitants of the Under World are objectified in the epic. Depending on the actions of the hero, the epic space expands horizontally and vertically. Thus, the concept of the epic space includes the concepts of «road» and «path». The epic text reflects the natural and geographical realities of ancient times, expressed by certain toponymic groups (rivers, lakes, steppes, forests, mountains, parts of the world, etc.), and also contains information about the imaginary space that is a part of epic fantasy. Historical, cultural, poetic, linguistic, and other aspects of *olonkho* have been examined by many researchers, including V. M. Zhirmunsky, E. M. Meletinsky, I. V. Pukhov, P. A. Oyunsky, N. V. Emelyanov, V. V. Illarionov, and others. Nevertheless, the concept of the road as a part of the Yakut epic world, in particular, is one of the most challenging problems in Yakut folklore studies, and the research is yet to be completed. Analysis of this concept will allow understanding of not only the ideological and artistic content of the epic but also the traditional representation of the Sakha. The Yakut epic helps «to reconstruct patterns of historical movement» according to MacNeill (MacNeill, 2020: 166). Moreover, the research results can be used in investigating the problems of the genesis of the Sakha and «can contribute to historical research on paths and roads» (Falch, 2018: 151). The article, based on the Yakut heroic epic *olonkho* «Nurgun Botur the Swift» by P. A. Oyunsky, proposes a discussion and analysis of the image of the road and its place in the context of the Yakut epic world, including elements of the traditional worldview.

1. Brief notes on the history of the Yakuts (Sakha)

The Yakuts (also known by endonym «Sakha») are the most northern representatives of Turkic-speaking people in North-Eastern Siberia.

«The people called themselves Sakha used to live deep in the South but removed to the Far North-East during the great transmigration of peoples. The childhood of the Sakha passed

under the hot sun but their youth and maturity saw the cruel fight with the ice element of the North. Therefore, the bright and magnificent images of the hot South, kept in their memory, mixed with the dark images of the North.» (Sivtsev-Sorun Omollon, 2011: 12).

The acclaimed Russian-Polish ethnographer and Siberia explorer V. Seroshevsky wrote about the southern origin of the Yakuts in his fundamental work «Якуты» («The Yakuts»), first published in St. Petersburg in 1896. To support this hypothesis, he cites legends and draws lexical parallels between Yakut words and the words of the Mongolian and Buryat languages, as well as the other languages from the far south (Persian, Sart, Uzbek, Kalmyk, etc.). The hypothesis about the southern origin of the Sakha people was put forward by researchers and travelers of the 18th century (F. T. Strahlenberg, G. Miller, E. Fischer, J. Lindenau). This was confirmed in the works of other researchers of the 19th century (R. K. Maak, A. F. Middendorf, and others). In the 1930s, Ksenofontov began working on the first monograph of the «ancient history of the Sakha» but left it unfinished. A. P. Okladnikov also studied the origin of the Yakuts; his ideas and contents are reflected in his fundamental work on the ancient history of Yakutia, «Yakut epic (*olonkho*) and its connection to the south» (Gogolev, 1993: 3).

Russian ethnographer Ekaterina Romanova notes: «The migration of nomads from the south to the land of permanent ice and snow marked the beginning of the legendary history of the Yakuts. The complex intertwinings of historical narratives and mythological plots about horsemen compile the main cycle of ancient legends about the Yakut south-to-north migration.» (Романова, 2016: 9–10).

While the ethnogenesis and ethnic history of Siberia are being successfully studied, the history and origin of the Yakuts (Sakha) still require the close attention of researchers.

2. Magical world of the Sakha epic *olonkho*

Olonkho [olon'ho], a Yakut heroic epic that follows the exploits and adventures of mythological characters, first appeared in the eighth to ninth centuries AD. *Olonkho*, the pinnacle of oral and poetic folk art of the Sakha, is

regarded as a heroic epic about the exploits of ancient heroes, ancestors, and defenders of the Sakha people. Olonkho, one of the most ancient epic monuments of the Turkic-Mongolian nations, stands next to the Kyrgyz epic of *Manas*; Buryat and Mongolian *üligers*; and Khakass, Shor, Tuvan and Altai epics. «Olonkho is a general term for the entire Yakut heroic epic, which consists of many legends. The number of lines in it usually reaches 10–15 thousand and even more; in larger pieces of olonkho it reaches more than 20 thousand. In the past, Yakut olonkho performers created even larger olonkho works mixing various stories, but these works were never put down in writing» (Pukhov, 2013: 9).

Olonkho takes a leading place in the Yakut folklore. The first researcher and collector of the Yakut oral poetry, Russian scientist and revolutionary Ivan A. Khudyakov called olonkho «the central sort of poetry, the key instrument of education». Olonkho embodied the whole spiritual culture of the Yakut people, expressed their dreams for the future, and synthesized all the best that Yakut oral poetry has reached (Dyachkovskaya, Nakhodkina, 2016: 2399). Olonkho illustrates a magical world that, however, is arranged in a common tribal pattern. Good deities live in the Upper World, headed by the supreme ruler Urung-Aar Toyon. The Under World is inhabited by evil demons called *abaahy* (абаасы) or *ajaraïs* (аджарай). The Middle World is populated by people – descendants of deities who call themselves *Urankhai Sakha* (уранхай саха), and also by various spirits. *Aar Luuk Mas*, the Tree of Life, connects all these three worlds. Its roots go to the Under World, the trunk and crown grow in the Middle World, and its eight branches reach high into the sky – to the Upper World. The researchers classify three main epic plots: the settlement of the Middle World by a human tribe *Aiyy*; the adventures of an orphan boy *Er Sogotokh* – the Lone Man, the ancestor of the Sakha people; and, the most popular of them, the story about the defense of the Middle World from the attacks of demons – *abaahy* / *ajaraïs*. In one of the versions, the *abaahy* invade the Middle World, then cut down the sacred tree *Aar-Luuk Mas* with its eight mighty branches,

spreading in the form of the wide green islands in the Upper World, and set it on fire (Emelyanov).

The longest (thirty-six thousand lines) and the most popular Yakut epic is «*Nurgun Botur the Swift*», written by the outstanding Yakut statesman, poet, writer, researcher, and founder of the modern Yakut literary language Platon Alekseevich Oyunsky. He was the first to convert the oral olonkho into the written form. Due to its cultural and literary significance, «*Nurgun Botur the Swift*» is often called «the northern *Iliad* and the *Odyssey* of the Sakha people.» The plot of this heroic epic revolves around the main character, the mighty son of the deities, *Nurgun Botur*, who, along with his beautiful sister *Aitalyn-Kuo* and younger brother *Urung-Uolan*, goes to the *Kyladyky Valley* to protect the people of the Middle World from the constant attacks of the *ajaraïs*. An *abaahy* demon *Timir Jigistei* kidnaps *Aitalyn-Kuo*. Before saving his sister and committing himself to the graceful warrior *Kys-Nurgun*, *Nurgun Botur* must overcome many challenges and battles.

In 2005, the international organization UNESCO proclaimed Olonkho a masterpiece of the oral and intangible heritage of humanity. Being a classical example of epic tradition, olonkho demonstrates a close connection with the real Yakut life and the genuineness of the events described make Oyunsky's text a reliable historical and ethnographic source of information about the culture and the history of the Sakha people. Along with the cultural information, an important place in the complicated information continuum of olonkho belongs to cultural memory resulting from the mythologization and sacralization of the past of the indigenous Sakha people, being of collective nature and providing the cultural identity of the ethnic group (Razumovskaya, 2018: 363). The epic is essential for understanding the history, the culture, and the past of a particular ethnic group. Thus, the historical character of olonkho resides in the general features of culture, mind, history, and geographical environment.

3. Epic space

According to the modern Yakut researcher L. N. Semyonova (Semyonova, 2000: 8), if we

cut straight to the problem of artistic space, ... then it is necessary to note that the observations of M.M. Bakhtin over the nature of «mastering real time and space in literature» bear great methodological significance. (Bakhtin, 1975: 234). «Chronotope» is not just a formal and substantial category of literature, but also a vital genre-forming feature that often performs «compositional functions». In particular, regarding the narrative-compositional role of «the chronotope of encounter» and «the chronotope of road», M.M. Bakhtin emphasizes: «The encounter is one of the most ancient plot events in the epic (specifically in the novel) <...> The close connection between the encounter motif and the chronotope of the road is eminently essential. <...> In this chronotope, the consistency of spatio-temporal definitions is revealed with exceptional accuracy and clarity as well» (Bakhtin, 1975: 248).

The plot-developing role of spatial relations in the text was also noted by Yu.M. Lotman, who distinguished the concepts of «the road» and «the path». «The road» is a certain type of artistic space, and «the path» is the movement of a literary character in the space. «The path» is the manifestation (complete or incomplete) or non-manifestation of the «road» <...>» (Lotman, 1968: 47). The subordination of spatial descriptions to the plot (based on the ancient Russian literature that has not yet been emancipated from folklore) was mentioned by D.S. Likhachev. In regards to the law of «spatial superconductivity» of a fairy tale, he wrote: «The obstacles that the hero encounters on his way only appear because of the plot, not natural causes. The physical environment of the fairy tale does not seem to know resistance in the first place» (Likhachev, 1979: 336).

The real world cannot exist outside of space and time. Thus, the epic world must also have space-time coordinates. General mythological views are also slightly reflected in the worldview of the Sakha. Being based on both autochthonous and Indo-Iranian ideas, Old Turkic cosmogony was reflected in the concept of three worlds that build up the Sakha universe. In comparison to the ancient Turkic idea of several heavens, the sky in the Yakut epic also has nine layers, and the lowest of which, «khalan»,

is the most dangerous and boisterous. It is inhabited by demons (abaahy) who cause storms, thunder, lightning, and other negative meteorological phenomena ... Its dome-shaped celestial sphere hangs down like a fringe, rubbing the bent edge of the earth. It makes noises similar to furious stallions gnashing their teeth and gnawing at each other. The upper layers present a harmonious image of a blessed, sun-drenched country inhabited by gods and good spirits. «The epic space is described fragmentarily: landscape is represented in outline. Elements of the landscape such as woods, rivers, mountains, seas, and valleys are also not the object of priority description. The wood is a place of epic hero travelling, while a mountain or seashore is a place of battle» (Nakhodkina, 2018: 581).

Epic space expands horizontally and vertically depending on the movement of the hero. In the 19th century, A.N. Veselovsky indicated the specific character of the epic space in the absence of a cosmic perspective (Veselovsky, 1989: 80). S.N. Golubev draws attention to the fact that the spatial proportions system in the epic often becomes broken (Golubev, 1982: 104–105). The space is described fragmentarily: the landscape is presented as an outline. Such landscape elements as forests, rivers, mountains, seas, and valleys are also not subject to priority description. The forest is the place where the epic hero proceeds on his journey; the mountain or the seashore is the place where he enters the battle. The story revolves around the actions of the epic hero, and it seems insignificant that the transition in space is not interrupted by any events.

The epic demonstrates many instances of mentioning certain geographic locations, which may be related to a propensity for credibility. It is considered to be one of the features of epic historicism. (Sabaneeva, 2001: 88). Apart from containing the information about the imaginary space, the epic olonkho reflects the natural and geographical realities expressed by certain toponymic locations.

4. Road in the Yakut epic

The concept of the road is closely related to the epic genre of the Yakut olonkho, with its 10–20 or more thousand lines (Pukhov), long

narrative, plot twists (Emelyanov), introductions at the beginning of each song, uncommon breathing spaces, and intricate ornament of stylistic figures – epithets, similes, metaphors, hyperboles, and word pairs – which is recurrent but always as unique as the landscapes seen along the way. The epic tradition and the image of the road and the path came from the experience that the Sakha had gained in their southern nomadic days. They preserved these impressions in their epic *olonkho* in the northern territories of Siberia. *Olonkho* reflects the stages of the Sakha migration to the north. The tundra, a hostile northern territory, is described as a barren land with fantastic fauna, in contrast to the nostalgic description of the former homeland.

So they left behind Their native land
Of eight rims, They passed the alaas, They
passed the bush, They left behind The bless-
ed sunny world, Following nine bends on
the road, Passed the valley and approached
the tundra. (Oyunsky, 2014: 124, Song 3)

He passed the last meadow, Left be-
hind the last forest And leaped into the
lifeless lands, Then trotted through the vast
tundra. (Oyunsky, 2014: 162, Song 4)

His blessed valley Shone like a starlet
in the distance... He puffed the fog of the
endless tundra, He got to the Under World.
(Oyunsky, 2014: 272, Song 4)

In folklore narrative, the description of the road, as well as the magical landscape in general, is usually not given in detail. The hero pursues his journey discretely. The movement is integrally viewed as a plot structure principle in the folklore text. «...the specific path assumes numerous functions, e. g. as spatial constituent, as a connector between episodes, and as metonymic reference to the viator himself», states a contemporary researcher in the work «Roads and paths in the Arthurian epic...» (Falch, 2018: 151). Thus, there are indications of the nature, type, or direction of the road that snakes through the epic narrative. A typology of roads in the Yakut epic is diverse, it includes wide white (white is an epithet, most commonly used to emphasize the sacredness of a subject)

sacred roads with nine (a sacred number – AN) bends or curves; passage (*aartyk*) to the Under World; paths laid along impassable thicket, swamps, seashore, and mountains; mud-locked roads, the roads laid on the ground (in the Middle World), underground (in the Under World) and on the clouds (in the Upper World). Epic roads are not common ones, they are enchanted and lead either to the lair of *abaahy* demons or to the sacred places of the gods of fate. The heroes can move both horizontally, traveling in one of the three worlds of the *olonkho* universe, and vertically, moving from the Upper World to the Middle or from the Middle World to the Under, etc. Which type of road the character will come across depends on what challenges are given to him by fate. Thus, the orphan *Er Sogotokh* roams off-road in the snow and in the rain, and the *olonkho* protagonist *Nurgun Botur* mainly travels along wide roads or transports freely between worlds. Besides these functions, the *olonkho* epic roads represent long journeys (*Urung-Uolan's* search for his bride), short transitions (the *Tungus Arjaman-Jarjaman* and his actions during the day or the protagonist *Nurgun Botur* when he descends in the Under World), intense pursuits (*Nurgun* pursues the kidnapper of his sister), quests (*Er Sogotokh* looking for his parents), aimless wanderings (*Urung-Uolan* and his frantic searches), horse races (the gods race across all three worlds).

The good characters (gods and warriors) much prefer to ride on horseback. Apart from natural types of transportation, they also use clouds as supernatural ones. The main antagonists, demons, move both on the clouds and on fire-breathing, six- or eight-legged, three-headed dragons. Human opponents of the heroes travel on deer and sleds. Less powerful characters, such as the young orphan *Er-Sogotokh*, search for their relatives on foot.

She jumped up to the large white
cloud. Looking like the skin of a mare
Complete with its hooves and mane, She
flew straight up into the high sky, To the
Upper World (Oyunsky, 2014: 30, Song 1)

Filthy face, bandy legs, bloody mouth,
Blackguard, son of *Ajarais* Dropped

down From a passing cloud, Son of a demon
dropped down From a moving cloud
(Oyunsky, 2014: 38, Song 1)

Besides, gods and demons at any time can transform into different creatures, animals, birds, fish, insects, dragons, and natural phenomena such as a tornado, fog, or dew. They can also make themselves disappear.

In the epic, the road starts from the house, from «the place at the door» (Yakut. *сүөл айар*, literally «the mouth of the road») which is on the eastern side, or the entrance itself. It is not by chance that the raven is its symbol. Its mediator qualities characterize the entrance of the house as the border of one's own and another's world (Semyonova, 2000: 35). A special sacrifice ritual precedes the journey:

They slaughtered a brown horse
Where the road begins (Oyunsky, 2014: 33,
Song 1)

Another important ritual is also linked to the road. It is performed during the post-wedding journey of gorgeous Tuiaryma-Kuo. Like Lot's wife, in anguish, she looks back at her father's house and loses half of her wealth, because half of the herd returned to the former owners – her parents.

The sacred roads as divine incarnation are used for ceremonies, rituals, and trials and are mentioned in oaths and blessings:

I have ninety-nine elusive tricks That
will accompany me along The nine bends
of the winding road, And I will trample you
along The road with eight forks (Oyunsky,
2014: 131, Song 3)

My good name, Known on every
road! (Oyunsky, 2014: 299, Song 7)

The road can become salvation and serve as a metaphor for life, as in the story of the orphan Er-Sogotokh:

The newly-born baby Ran rolling
down the road... (Oyunsky, 2014: 340,
Song 8)

And ran swiftly, Naked and barefooted,
Towards the east... (Oyunsky, 2014:
348, Song 8)

Distance traveled used to be measured in various units. Time equals one *күөс* (Yakut. «soup, broth, pottage»), or «how many hours it takes to cook the pottage with meat», which is about 2 hours. Distance is one *kös*, which is equal to the passage of about 10 kilometers in length. «However, the movement itself as a cultural concept does not become the subject of direct narration; the idea of the nature of the movement and its semantics appears in the narration as a result of using specific, moving from text to text formulas. The most common formula is the change of seasons, which shows the duration of the hero's journey» (Semyonova, 2000: 84):

He did not even know How long he
had been running – He recognized spring
By the warm rains, He recognized winter
By the hoarfrost and ice... (Oyunsky, 2014:
349, Song 8)

The road in *olonkho*, which is often depicted as a path or entrance (Yakut. *аартык*) to the Under World, becomes a vital element for the epic plot. In fact, it appears as one of the ominous secondary antagonists adding dreariness to the already hostile background for the main character:

They left behind The blessed sunny
world, Following nine bends on the road,
Passed the valley and approached the tundra,
Through the macabre mouth Through
the gaping gorge Through the crumbling
stomach Of the Great Kuktui Khotun,
Making the heavens thunder Over the soaking
passage, Shooting lightning bolts Down
to the death path With rolling stones And
trembling trees, Through the Uot Chokhurutta
swamp With beetles the size of cattle,
Through the breathing Badilitta bog
(Oyunsky, 2014: 124, Song 3)

With toads the size of a cow, Through
the puffing Tinalitta marsh, Which gave
birth To speckled green lizards With spotty

tails The size of a frozen spruce... (Oyun-sky, 2014: 125, Song 3)

A wide, low passage – Ulakhan Kud-ulu Tugekh Jeleri Where drops of blood Hung everywhere Like nine black, white-headed Clipped ravens, They hung every-where Like the fat, woolly fur Of a bear hanging onto a tall tree; Where the heads of grand toyons Were made into fortune-telling scoops For shamanistic rituals. Where khotuns' Necks and heads Were sacrificed... (Oyunsky, 2014: 347, Song 8)

The road defines the borders of the native land. It is located in the borderlands or even across the border, and its spatial remoteness from the native land (Yakut. аан ийэ дойду) explains why every main road, gorge, passage, or abyss has its own, usually evil, spirit, and why the road acts as a metaphor for obstacles and difficult challenges:

The spirit of a whole, white road With nine bends, The soul of a difficult road With unknown ends, Who has bedding made of icicles, Who has the breath of a free storm, Who has an abundance of intolerable torments! (Oyunsky, 2014: 102–103, Song 2)

Taking into account the dominant role of men and traditional gender roles in patriarchal ancient Yakut society, the affiliation of the spirit of road with the female gender once again emphasizes the marginality of the image of road in olonkho and coming after that «thirty-three misfortunes»:

Muus Kunkui Khotun pass With plenty of misery... (Oyunsky, 2014: 47, Song 2)

«What makes the description of «passage to the Under World» distinctive is that special «animal-physical» code in the narrative initiates the assimilation of this locus to the body of some animal,» states the acclaimed researcher of the Yakut epic space (Semyonova, 2000: 65).

Indeed, the road in the Yakut epic acts as an independent character, and it can be interpreted as a metaphor for a human being. The epic road is like a partially functioning biolog-

ical organism, it has a gender and some other members – mouth, tongue, fangs, pharynx, stomach and digestive tract, heart, eyes, and lungs. It has a personality and retains certain freedom of action: she speaks, thinks, swallows, makes sacrifices, spits blood clots, bleeds and suffers from pain, screams, cries, and gloats. Sometimes, the road also appears as a monster in the form of a huge mouth; it harms travelers and warriors.

...they passed the bittern Of Kokhtai the Great Khotun, Sitting short of breath, Spitting blood clots, And made it squeal, They made it scream, And so they followed The bloody, slippery path As if laid with a bloody gullet, Stretched wide And thrown down From a fallen roaring bull At the age of six, Ready to swallow them; They made their way down Through the narrow crater Into the yawning abyss... They opened The passageway with eight ridges To the dreadful Under World Through its panting Poisonous throat, Through its gaping Crumbling goitre, Through its bloody Macabre mouth... (Oyunsky, 2014: 125, Song 3)

The bloody mouth, The dark shadow, The smoky tail, The sharp bill Uot Kholonoi Khotun! Will you be good to me, If I ask you to, And pay you off? If my feet Are too heavy for you, If your fiery thoughts Are not out, Could you let me pass Through your three ranges? But if you beat me down From the highest point Of the violent sky, Then I will not give you Such generous gifts. Your grubby throat Will not get Fresh blood anymore, Your bloody mouth Will not get Delicious kidney anymore, Your throat Will dry up, Your seven-by-las-long Snaky tongue Will dry up Inside your mouth, Pierce through Your palate Like a spear And poke your eyes out, Your sun will set, Death will knock at your door! He squawked, Like whipping A cast iron cauldron...

Uot Kholonoi Khotun Was deeply impressed With what she had heard. She caught her breath, She could not withstand The heavy feet of the warrior, She cried and yelled, She shouted and shrieked...

The spirit of the road

‘Alatan! Ulatan! Abitai-khalakhai!
 You, the son of The Urankhai Sakha, Have
 the heaviest feet That I have ever known...
 You have burnt My spine and heart with
 poison, You have trampled out The eye of
 my back, My heart is breaking, My lungs
 are burning, My belly is torn, I am go-
 ing to die... Abitai-khalkhai! It hurts so
 much! I cannot take it any more! Anaium-
 tonaiym!’ She cried, Gritting her teeth... ..
 (Oyunsky, 2014: 337, Song 7)

In many cases, the road resembles the demon-abaahy (smoky tail, beak-like nose), a dragon, or a magical serpent not only because of their sinuous form or lack of limbs but also because of their evil nature, more typical of the Under World demons.

5. Road in current Sakha tradition

As a modern researcher states, «folklore motifs... emerged... in various local traditions... provide a connection between conventional archaeological readings of «vernacular» landscapes, and ways in which those landscapes are seen, traversed and exploited in the present day. This includes the contexts of tourism, popular culture and the digital worlds. By making this connection, we gain a richer understanding of those landscapes in both the past and the present.» (Dunn, 2020). To this day, the Sakha people remain cautious of the road. Every time they leave home for a long trip, a ritual is performed. Before leaving, they must make an offering to the spirit of fire (feed it). Thus, the spirit of fire eats oil, fat, pieces of meat or anything good that could be found in the supplies (Efimova, 2013: 26).

During the journey, the road should be fed from time to time in certain places. If a person arrives somewhere they have never been before, they must feed the spirit of this place, and it may not necessarily be the spirit of fire. They can simply put an offering in a secluded place, at the base of the tree, or throw a couple of home-made *olad'i* (small pancakes) into a large river or lake and ask the spirits of the land to look after them. Upon arrival, they should treat

the spirits of fire and road with *olad'i* in order to celebrate their safe return. Nowadays, the custom is strictly observed mostly by hunters and fishermen, since they are fully dependent on the forces of nature, in contrast to domestic ones. A shot of vodka is often poured into the fire, which, however, is a deviation and violation of tradition. This custom of adding strong alcoholic drinks to make the fire brighter also came from the hunters. They were sure that the forces of nature, embodied in Aan Ukhkhan Toyon, the god of fire, and Baai-Baianai Toyon, the god of hunt, approve of their hunting or fishing trip.

In such utilitarian algys-blessings, as noted by a modern researcher, the addressers asked for protection from the master spirits of the Middle World: the spirits of fire, home (*balagan*), land, universe, taiga (wild Siberian forest), water, rivers, lakes, roads, and crossroads. (Efimova, 2013: 16). The messages were received by the master spirits of the Middle World, among which the *aartyk itchi*, «the master of the roads», is mentioned. The so-called *shaman trees* (шаман-дерево), that serve in the epic as «the whole network of narrative signposts» (Wood, 2016: 13), which can be found near the roads and federal highways, have become a distinctive interpretation of the old-established custom of worshiping the spirits of the mountains. The shaman tree is usually hastily decorated with scraps of colorful ribbons and ropes instead of traditional *salamah*, a sacred rope woven from black and white horsehair. The travelers and drivers offer coins and food as a gift and ask for blessings during the trip.

6. Conclusion

The article examines the image of the road in the Yakut heroic epic *olonkho*, which describes the life of the Sakha people in different historical eras from various aspects. «The topic of ethnic studies of northern peoples» is considered to be up to date, as N. Koptseva states in her article. She also shares her glimpses of «the peculiarity of the cultural Yakut space» saying «Modern Yakutia experiences the most interesting processes of ethnic and cultural identification associated

with the active participation of various social groups in cultural processes» (Koptseva, 2019: 1130–1131).

Olonkho, which is one of the most ancient epic Turkic-Mongol monuments, stands out along with the Kyrgyz Epic of Manas, Buryat and Mongolian *üligers*, and Khakass, Shor, Tuvan and Altai epics. Olonkho occupies an important place in the spiritual life of the Sakha people. The heroic epic olonkho covers all life spheres of the Sakha people, brings in focus the worldview of the entire ethnos, and preserves information about the understanding of space-time environment, cultural, political, and economic relations, history, traditions, customs, and the way of life in general.

«The key idea of the spatiotemporal concept is that space is the subject of the narrative and everyday human life, mental experience, cultural languages being conditioned to a greater extent by the category of space than the category of time» (Milyugina, et al., 2015: 106). The road in the Yakut epic is a plot-

forming spatiotemporal metaphor. The road in olonkho commonly starts in the south and leads north, repeating the pattern of the Sakha migration to Siberia. The road is the incarnation of life and nature that was conceptually known to the Sakha nomads as harsh, difficult, but surmountable. Paraphrasing Filippello, construction of history through the prism of the road offers new insights into complex understandings of ethnic and social identity, and rethinking of past experience (Filippello, 2017).

The article examines the typology and characteristics of the road and its unique sacred nature, identifies the features of roads and passages leading to the Under World, their out-of-borderness, and significant remoteness from the sacred center of the native land. This borderline marginality is aggravated by the personality of the road – the evil creature – and its bestial incarnation. Special attention is paid to the rituals related to the road in epic and real space.

References

- Bakhtin M. M. (1975) *Formi vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike* (Forms of time and chronotope in novel. Essays on historical poetics). In *Bakhtin M. M. Issues of literature and aesthetics, Researches of different years*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publishing House, 234, 248.
- Dunn, S. (2020) Folklore in the landscape: the case of corpse paths. In *Time and Mind*, Informa UK Limited, trading as Taylor & Francis Group. DOI: 10.1080/1751696X.2020.1815291.
- Dyachkovskaya, V., Nakhodkina, A. (2016) Translation Strategies in the Yakut Heroic Epic. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 10 (9). DOI: 10.17516/1997-1370-2016-9-10-2398-2405.
- Emelyanov, N.V. (1983) *Suzheti rannih yakutskikh olonkho* [The plots of early Yakut olonkho]. Moscow: Nauka.
- Efimova L. S. (2013) *Yakutskii algys: spetsifika zhanra, poetika* [Yakut algis-blessing: specifics of genre, poetics]. Specialty 01/10/09 – folklore. Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Philology. Elista.
- Falch, S. (2018) *Roads and paths in the Arthurian epic: Wolfram von Eschenbach's contribution to a topographical description technique in Parzival*. *Jahrbuch für Regionalgeschichte*, 36, 151–178.
- Filippello, M. (2017) *The Nature of the Path: Reading a West African Road*, University of Minnesota Press. 1–217.
- Gogolev, A.I. (1993) *Yakuti (voprosi etnogeneza i formirovaniya kulturi. [The Yakuts (issues of ethnogenesis and formation of culture)]*. Yakutsk: Yakutsk State University Press.
- Golubev, S.N. (1982) *Osobennosti drevnefrantsuzskogo epicheskogo yazika i ih zhanrovaya obuslovlennost'* [Peculiarities of the Old-French epic language and their genre conditionality]. Leningrad, dissertation, 104–105.

Khomchak E. G. (2015) Kontseptualnaya model dorogi v russkoi yazikovo kartine mira [Conceptual model of a road in the Russian language picture of the world]. In *Scientific notes of the National University «Ostrov Academy». Philological series*, 52.

Koptseva, N.P. (2019). Introduction to the thematic issue «topical research in the field of modern social sciences, culture studies and art history». In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 12 (7), 1130–1131.

Likhachev D. S. (1979) *Poetika drevnerusskoi literature [Poetics of Old-Russian literature]*. Moscow: Nauka, 336.

Lotman Yu. M. (1968) Problema khudozhestvennogo prostranstva v proze Gogol'ya [The problem of artistic space in Gogol's prose]. In *Works on Russian and Slavic philology. XI. Literary criticism*. Tartu, 47.

MacNeill, R.J. (2020) Routes as latent information – spatial analysis of historical pathways on the peripheries of the Victorian gold fields. In *Historical Methods*, 53 (3), 166–181. DOI: 10.1080/01615440.2020.1728458.

Milyugina, E., Stroganov, M. (2015) Down Russian rivers: A travelogue of the modern era. In *Quaestio Rossica*, 3 (2), 106–116. DOI: 10.15826/qr.2015.2.098

Nakhodkina, A. (2018) The image of the North in epic space. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences* 10 (2018 9), 579–589. DOI: 10.17516/1997–1370–0250

Oyunsky, P. A. (2014). *Nurgun Botur the Swift*. English translation under the supervision of Alina Nakhodkina, Folkestone, Renaissance Publishing House. 506 p.

Pukhov, I.V. (2013). *Olonkho – drevniy epos yakutov [Olonkho the ancient Yakut epic]*. Yakutsk, Saidam Publishing House.

Razumovskaya, V. (2018). Olonkho 'Nurgun Botur the Swift' By Platon Oyunsky as a 'Strong' Text of the Yakut Culture. In *Journal of History Culture and Art Research*, 7(4), 363. DOI: 10.7596/taksad.v7i4.1858

Romanova, E.N., Ignatieva, V.M., Diakonov, V.M. (2016) Stepnaya saga konevodov Arktiki: ot drevnih vremen do nedavniy sobytii [The steppe saga of the Arctic horse breeders: from ancient times to recent events]. In *Ethnographic Review No. 4*. 9–19.

Sabaneeva, M.K. (2001) *Khudozhestvenniy yazik frantsuzskogo epasa. Opit filologicheskogo sinteza [The artistic language of French epic. The experience of philological synthesis]*. St-Petersburg State University Press, 88.

Semyonova, L.N. (2000) *Semantika epicheskogo prostranstva I ee rol' v syuzhetoobrazovanii (na material yakutskogo epasa olonkho) [Semantics of the epic space and its role in plot (on the material of the Yakut epic olonkho)]*. Moscow, Russian State Humanitarian University, dissertation.

Seroshevsky, V. (1993 [1896]). *Yakuti: rezul'tati etnograficheskogo ocherka [The Yakuts: Results of an ethnographical study]*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.

Sivtsev-Sorun Omollon, D. K. (2011) *O yakutskom epase olonkho [About Yakut epos olonkho]*. Yakutsk: North-Eastern Federal University Press.

Veselovsky, A.N. (1989) *Istorecheskaya poetika [Historical poetics]*. Moscow, 80.

Wood, C. (2016) 'I am going to say ...': A sign on the road of herodotus' logos. In *Classical Quarterly*, 66 (1), 13–31. DOI: 10.1017/S0009838816000069

DOI: 10.17516/1997-1370-0902
УДК 332.12:339.138

Instruments for Sustainable Development of Territories in the Context of Synergistic Crisis

Tatyana G. Butova^{*a}, Natalya V. Klimovich^a,
Elena P. Danilina^b, Larisa A. Danchenok^c,
Shakizada U. Niyazbekova^{d,e} and Sergei I. Mutovin^{a,f}

^a*Siberian Federal University*

Krasnoyarsk, Russian Federation

^b*Krasnoyarsk State Medical University*

named after Professor V.F. Voino-Yasenetsky

Krasnoyarsk, Russian Federation

^c*Plekhanov Russian University,*

Moscow, 117997, Russian Federation

^d*Moscow Witte University,*

Financial University under the Government of the Russian Federation

Moscow, Russian Federation

^f*FSI Research Institute*

Federal Penal Service of the Russian Federation

Moscow, Russian Federation

Received 01.02.2022, received in revised form 07.02.2022, accepted 10.02.2022

Abstract. Even in the context of a synergistic crisis, the concept of sustainable development remains a powerful humanitarian impetus for ensuring sustainable development of socio-economic systems, including territories. This fact draws increased attention to the differentiation of theoretical and applied research of modern technologies to ensure implementation of sustainable development goals. Availability of safe local food products, which ensure satisfaction of population as end consumers, as well as social and economic sustainability of territories, due to the demand for products of local producers and environmental sustainability due to saving of material resources, are local goals for the territories that implement the key goal of ensuring the standard of living for their population. The use of marketing technologies and product branding as a tool for sustainable development of territories to assess consumer satisfaction with food quality ensures sustainable demand for food products and sustainability of local producers' activities, as well as determines effective criteria for choosing models of state regulation and support for local producers in the process of implementing the concept of sustainable development of territories.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: tgbutova@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5037-5562 (Butova); 0000-0001-7958-2581 (Klimovich); 0000-0002-1987-5283 (Danchenok); 0000-0002-3433-9841 (Niyazbekova)

Keywords: synergistic crisis of socio-economic development of territories, tools for sustainable development of territories, place branding as a tools for sustainable development of territories, methods for assessing consumer satisfaction with local food quality, models for state regulation and support of local producers.

Research area: ethnography, ethnology and anthropology.

Citation: Butova, T. G., Klimovich, N. V., Danilina, E. P., Danchenok, L. A., Niyazbekova, Sh. U., Mutovin S. I. (2022). Instruments for sustainable development of territories in the context of synergistic crisis. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(6), 780–790. DOI: 10.17516/1997-1370-0902

Инструменты устойчивого развития территорий в условиях синергетического кризиса

Т.Г. Бутова^а, Н.Н. Климович^а, Е.П. Данилина^б,
Л.А. Данченко^в, Ш.У. Ниязбекова^{г,д}, С.И. Мутовин^{а,е}

^аСибирский федеральный университет

Российская Федерация, Красноярск

^бКрасноярский государственный медицинский университет

имени В. Ф. Войно-Ясенецкого

Российская Федерация, Красноярск

^вРоссийский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Российская Федерация, Москва

^гМосковский университет имени С.Ю. Витте

Российская Федерация, Москва

^дФинансовый университет при Правительстве РФ

Российская Федерация, Москва

^еФГУ НИИ ФСИН России

Российская Федерация, Москва

Аннотация. Концепция устойчивого развития даже в условиях синергетического кризиса остается мощным гуманитарным мотиватором обеспечения стабильности социально-экономических систем, в том числе территорий. Это актуализирует дифференциацию теоретических и прикладных исследований современных технологий реализации целей устойчивого развития. В качестве локальных целей территорий, реализующих ключевую цель обеспечения качества жизни населения, выступает доступность качественных, безопасных экологически чистых пищевых продуктов местных производителей, что формирует удовлетворенность населения (конечных потребителей) и, как следствие, экономическую устойчивость территорий за счет спроса на продукцию местных производителей, экологическую стабильность за счет экономии материальных ресурсов на производство и потребление, поддержание и сохранение здоровья людей и в итоге социальную устойчивость. Использование маркетинговых технологий, в частности товарного брендинга как инструмента устойчивого развития территорий на основе оценки удовлетворенности потребителей качеством пищевых продуктов, позволит поддерживать спрос на пищевые продукты местных производителей и, таким образом, обеспечивать их деятельность, а также

определять эффективные критерии выбора моделей госрегулирования для поддержки местных производителей в реализации концепции устойчивого развития территорий.

Ключевые слова: синергетический кризис социально-экономического развития территорий, инструменты устойчивого развития территорий, брендинг как инструмент устойчивого развития территорий, методика оценки удовлетворенности потребителей качеством пищевых продуктов местных производителей, модели государственного регулирования поддержки местных производителей.

Научное направление: 07.00.07 – этнография, этнология и антропология.

Introduction

The Concept of Sustainable Development (The Concept) has undergone various development stages since its inception at the United Nations Conference on Environment and *Development* (UNCED) in Rio de Janeiro. It was subjected to criticism and its goals and strategies were revised. Numerous studies of the Concept are devoted to its adaptation to the modern requirements of the complex global environment, but its fundamental principles and goals, as well as challenges of their implementation have remained almost unchanged (Drexhage & Murphy, 2010; Klarin, 2018).

Based on the analysis of scientific publications and practical documents, it can be stated that one of the reasons for challenges in achieving the Concept goals is insufficient scientific substantiation of practical activities, implementation tools in particular (Klarin, 2018). Necessity and the goals of sustainable development declared in such global documents on sustainable development as UNEP Report, the UN Environment Program (Sustainable Development Goals, 2015), before the adoption the final documents of the Paris *UNC* climate *Conference* in 2015, do not contain guidelines for ensuring sustainable development strategies, their clear goal setting, as well as tools for their implementation. This fact can be explained by their objective differentiation due to various levels of territories and existing conditions for their development.

Meanwhile, the analysis of legislative documents in the implemented Principles and Goals of Sustainable Development in countries and, in particular, the Concept of transition of the Russian Federation to sustainable development (The Concept of Transition,

1996), as well as the strategy for sustainable development of the Russian Federation until 2020—“Strategy 2020”, has demonstrated their declarative nature. The lack of a clear indication of the relevance of scientific substantiation of practical activities to implement the Concept of Sustainable Development in the context of stable evolvement of developed and developing economies explains the decrease in publication activity on the issue over the past decade.

Current intensification in publications devoted to sustainable development in recent years. In our opinion, is caused by the modern global conditions of human life, which the authors of the current research define as a synergistic crisis in economic, environmental, and social spheres, complicated by the viral (Covid-19) pandemic, which increases a negative and even threatening result for each sphere of life. The crisis has led to a very sharp and strong decline in all economic indicators and aggravated the crisis in other areas. This actualized the search for a way out of this situation. Along with the measures to end the pandemic, developed countries took measures to stabilize their economies, which were tools for survival (Simen & Sheresheva, 2020; Belov, 2020; Soldatova & Pivkina, 2020). Russia also developed priority measures for the sustainable development of its economy, which are largely aimed at ensuring the economy survival in the context of the spreading coronavirus infection (Plan of Priority Measures, 2020). However, sustainable development presupposes not only short-term measures, but strategic actions to harmonize development.

The synergistic crisis focused attention to the Concept of Sustainable Development, provoking criticism from some authors (Klarin,

2018), and attitude to sustainable development as a tool for preservation and development of human society from others (Korchak, 2020; Ferova, 2019; Falliko, 2020).

Supporting the necessity to implement the Concept of Sustainable Development of Territories as places of residence in modern context (Gushchina, Kondratovich & Polozhentseva, 2019; Korchak, 2020; Piskun & Khokhlov, 2019), the authors consider its implementation possible based on creating science-based mechanisms.

Theoretical framework

The article presents the results of the recent studies analysis. Content analysis of publications has demonstrated the fact that they are mainly devoted to theoretical research aimed at determining the essence of the Concept of Sustainable Development and its basis: principles, goals, SD models, or description of existing environmental problems. The analysis of the research results has shown that the 27 principles of sustainable development adopted by the UN remain unchanged, are declarative in nature and are not aimed at creating practical documents for the strategies implementation. The documents developed for the implementation of sustainable development strategies are based on its goals. Noting the development of opinions on their interpretation – in 2015, the UN adopted the 2030 Agenda for Sustainable Development, which established 17 sustainable development goals (SDGs) containing 169 targets (Sustainable Development Goals, 2015) – the analysis carried out by the authors demonstrated that since the SDGs are not legally binding, states are expected to establish national mechanisms to achieve them. However, the lack of structured and measurable goals slows down these processes.

The authors believe that creation of mechanisms for achieving sustainable development goals requires their adaptation to the country and territorial levels, which actualizes the need for applied research, with the priority tasks to systematize goals and indicators for assessing their implementation based on structural elements of the Concept (Ferova, Lobkova, Tanenkova & Kozlova, 2019). To

achieve this, it is necessary to transfer theoretical studies of sustainable development models into the area of applied research. The currently existing approaches to the models of the Sustainable Development Concept do not have fundamental differences. Some authors consider environmental, social, and economic sustainability to be the “pillars” of sustainability (Klarin, 2018), others consider the sustainable development model “in three moral imperatives”, which include human needs satisfaction, ensuring social justice, and compliance with environmental restrictions (Holden, Linnerud & Banister, 2014). Russian scientists also support an integrated approach to the sustainable development model. Including economic, social, and environmental sustainability (Sudin & Mutovin, 2014).

Inclusion of the three subsystems into sustainable development models requires systematization of their sustainability goals based on highlighting the key goal. Analyzing the point of view of many researchers, some authors confirm that economic growth cannot be one of the key goals (Holden, Linnerud & Banister, 2014). The publications analysis has shown that most authors define people’s living standard as one of the key integrated goals. The authors of the present paper support this point of view and consider it to be the main idea of the present research.

Analysis of the scientific rationale of tools for achieving the goals of sustainable development of territories made it possible to identify priority areas of the applied research in the modern context:

1. Analysis of tools for sustainable development of any territories from countries to municipalities connected with the growing importance of local communities in the SD goals implementation (Korchak, 2020; Gushchina, Kondratovich & Polozhentseva, 2019);

2. Analysis of tools and technologies for ensuring the economic subsystem sustainability as a basis for social and environmental sustainability (Belov, 2020; Economic Development of the Russian Federation, 2019; Sergeeva, Taktarova & Agamagomedova, 2019; Shchepakin, Frisovna, Bzhennikova, Tolmacheva & Bazhenov, 2018; Simen & Sheresheva, 2020);

3. Determination of indicators for assessing territorial management bodies' activities and the choice of models for the state regulation of economic sustainable development of territories (Piskun & Khokhlov, 2019; Ferova, Lobkova, Tanenkova & Kozlova, 2019).

As can be seen from the analysis of the applied research priority areas, the Concept of Sustainable Development in modern conditions does not have a separate area for overcoming the crisis. The authors support this vision, since the sustainable development strategy formulation should have a multi-vector significance: as a way to overcome the crisis, as well as preventive measures to ensure life safety of the territories' population and an effective tool for long-term development.

Methods

The purpose of the applied research carried out by the authors is to determine the tools for ensuring the quality of life of the territories' population, and it required accomplishing the following tasks:

- analysis of measures developed in different countries for a sustainable way out of the crisis;
- identification of basic indicators of the quality of life, allowing to implement the integrated goal of ensuring the quality of life of the population;
- analysis of tools and technologies to ensure sustainability of the economic subsystem of territories;
- development of state regulation models to ensure the sustainability of local producers' food products quality;
- development of proposals for the use of the applied research results in the practice of regulation of sustainable economic development of territories.

The tasks fulfillment is ensured by using the methods of content analysis of scientific publications and documents on the research topic, conducting a targeted marketing study of consumer satisfaction with the quality of food products (Butova, 2020). During the research, the authors have developed an original method of food groups typification based on the "customer satisfaction" criterion, which acts as a

potential for product branding and was tested on the results of studying consumer satisfaction with the quality of food products manufactured in the Krasnoyarsk Krai. The results obtained made it possible to identify the problems in production of 11 products of local manufacturers, which are included into the Russian basket of goods (Federal Law "On the Consumer Basket as a Whole in the Russian Federation", 2012), and develop models of state regulation to ensure the sustainability of demand for quality food products of local producers, determined based on the criterion of satisfaction of the population with quality, which market positions act as the basis for sustainable development of territories.

Results and Discussion

The scientific publications analysis has demonstrated that the researchers' focus on the implementation of the Concept of Sustainable Development has recently shifted from the global and national levels to the territorial one. Although the attention to the sustainable development of territories was drawn even at the 1st International UN Conference in 1976, the synergistic crisis demonstrated the increasing importance of local communities in solving most local daily tasks. This led to the actualization of the search for the tools to implement SD goals in the territories as the main link in implementing the key goal of ensuring the quality of life and identification of the tools adaptive to local market problems (Korchak, 2020).

The issues of maintaining a business with minimal losses are of a particular relevance (Kirgizova, 2020). Small and medium-sized businesses, which make up a huge part of the economy in different countries are the economy sectors that require immediate attention. This explains such a significant attention to small and medium-sized enterprises in countries that develop measures for a sustainable way out of the crisis for many countries (Simen, Sheresheva, 2020; Belov, 2020). However, the content analysis of the publications has shown that in the sectoral context more attention within these measures is paid to supporting online commerce, sustainable tourism, leisure sector, and Internet companies. Let us

note that in Russia, the emphasis is made on food security (Sergeeva, Taktarova, Agamagomedova, 2019), which is reflected in “Provision of Essential Commodities and Population Support” within the measures to support the Russian economy during the pandemic (Priority Action Plan, 2020).

The authors consider such attention to food security reasonable, especially in the context of a synergistic crisis, when food products are being transformed from food into products for wellbeing, as evidenced by numerous publications in the media, especially on the Internet. This shifts the focus, firstly, only from quantitative indicators of food production to qualitative ones – safety and environmental friendliness, and, secondly, from sectoral and national indicators of production growth to regional and local territories. This fact actualizes the role of food products that ensure the quality of life of their population in the implementation of strategies for sustainable development of territories, and therefore the need for scientific substantiation of tools for increasing the population’s demand for local food products, including state regulation.

A retrospective analysis of the proposals for state support of small and medium-sized manufacturers demonstrated that the problems were acute, and their solution was basically seen in the introduction of monetary tools through lending, tax exemptions, etc. (“Made in Russia” – a new project from the authors of “The Quality Mark”, 2016). Meanwhile, these tools have not brought the expected results of growing demand for Russian high-quality food products and, moreover, have not stimulated manufacturers to produce safe and high-quality products. In addition, the quantitative indicators of the growth in demand for Russian goods and the strategy of import substitution aimed at increasing the volume of food production stimulated the growth of falsified domestic food products and led to a decrease in their quality (Demakova, Butova, Bukharova, Klimovich, Danchenok, 2020).

The need to increase demand for domestic producers’ goods led to the search for new non-monetary tools to influence quality goods production. In 2014, a project to select a na-

tional “Quality Mark”, which was to be used to indicate high-quality Russian goods, following the similar Soviet mark was launched in Russia, however the project was not implemented.

Attention to the sustainable development of the territories’ local markets due to the growth in the production of local manufacturers’ goods based on improving their awareness, keeping the market share under the pressure of imported goods led to the development of the project “Made in Russia”, where marketing technologies, primarily promotions, were identified as the key tool for supporting the goods (“Made in Russia”, 2016).

Supporting such an up-to-date direction of the “Made in Russia” project as development of the institution of regional programs to support locally produced goods such as regional quality marks and “Made in N Region” programs, it is necessary to note that promotion tools. In particular, the exaggerated importance of PR technologies associated with place branding, do not contribute to the project effectiveness.

The authors consider formulation of the effect of the country of origin in the “Made in Russia” project, expressed in the model of consumer behavior, according to which the consumer makes a choice, as the correct approach to state support for the demand for local producers’ goods in Russian territories. However, the authors believe that the task of the state and business to convert the existing consumer patriotism into sustainable intentions to buy Russian goods on the domestic market formulated in the project should be based not so much on patriotism but on significant motivation, which. In the authors’ opinion, for food products’ consumers are manifested in the assessment of safety, high quality, as well as the awareness of brands and the reputation of manufacturers.

These arch of the criteria for the state support of local. Producers, in the authors’ opinion, should be focused on consumers’ assessment of the quality of food products as the most important essential commodities, and local producers that provide not only satisfaction of needs, but customer satisfaction. Conceptually, the quality of food products is considered by the authors as a tool to ensure the quality of life, as well as a tool to stimulate the population demand

for food products of local producers, ensuring their sustainable functioning.

In this way, the article authors offer to use such marketing technologies as marketing research and food products promotion as tools for sustainable development of territories (Butova, Demakova, Ulina, Egoshina, Mutovin & Danilina, 2020; Shchepakina, Frisovna, Bzhennikova, Tolmacheva & Bazhenov, 2018). Identification of food products for the development of relevant to their quality, according to consumers' assessments. Instruments of state support and regulation of local producers, has been carried out by the authors using the method of food groups typification according to such criterion as the "level of customer satisfaction". The research results made it possible to identify 4 types of product types according to the level of customer satisfaction with their quality. Within each type, groups of food products were identified, and their rating was compiled based on the level of customer satisfaction (Table 1).

The field study results analysis has demonstrated that:

- the amount of Krasnoyarsk customers satisfied with food quality is insignificant – only about a quarter of the respondents noted a high degree of satisfaction with the products of only 4 product groups out of 11. Many

respondents are only partially satisfied with the quality of 5 product groups. This indicates significant potential for sustainable growth in food quality;

- the most urgent problem lies in the fact that the share of consumers who are completely or partially dissatisfied with the quality of food is significant in the group of fish and meat products, which play an important role in ensuring a healthy diet. Meanwhile, the Krasnoyarsk Krai is rich in natural resources for fish processing and for meat products manufacturing. Therefore, improving quality of the seproduct groups should be considered as one of the priority tasks of both manufacturers and government regulators of regional and local consumer markets;

- the existence of food groups, to which quality consumers are indifferent. Meanwhile, these products make up daily diet of people, and their quality, according to nutritionists and doctors, has a significant impact on the state of health.

The desk research carried out by the authors demonstrated that customer satisfaction results coincide with the results of monitoring the quality of food products of the Krai producers, which showed an increase in falsified and inadequate to regulatory documents' requirements product quality from 43% in 2014 to 75%

Table 1. Food commodity groups typification based on customer satisfaction by food products' quality

Types of commodity groups	Rating of commodity groups by satisfaction level	Share of consumers, %
1. A group of products which quality fully satisfies consumers	1 milk 2 bread 3 confectionery products 4 eggs	24,5 23,4 22,9 22,7
2. A group of products which quality partially satisfies consumers	1 bread 2 confectionery products 3 eggs 4 milk, vegetables	46,5 44,8 43,8 42,9 – 42,7
3. A group of products which quality fully or partially does not satisfy consumers	1 fish and fishery products 2 meat and meat products 3 bread, pasta 4 vegetables	78,8 65,6 14,6-14,4 13,4
4. A group of products, which quality is not of interest to consumers	1 flour 2 vegetableoil 3 herbal teas	34,5 33,1 32,9

(Compiled by the authors based on the research results)

in 2018 (Demakova, 2020). This necessitates the development of differentiated measures of state regulation of sustainable growth in the quality of food products in the implementation of the goal of ensuring the quality of life of the Concept of Sustainable Development territories' population.

Food products of local producers identified as a result of the applied research using the method of commodity groups typification with a high degree of consumer dissatisfaction with the quality, especially fishery and meat products, first require serious work to improve their quality, and only after that the growth in product output will be accompanied by a proportional increase in demand. In particular due to their promotion as products of confirmed high quality.

Meanwhile, the study results indicate that in the regional state program of the Krasnoyarsk Krai for agriculture development there is an outstripping the real situation conclusion that local products are of high quality, and only an increase in food production will provide an increase in their sales and improvement in the quality of life of the population. Under conditions of a synergistic crisis caused by both economic problems and the pandemic leading to human losses and the loss of labour capacity of the population, it is unacceptable to bate demands for food quality in the program documents on the social and economic development of territories, since it might cause dissatisfaction of consumers with food, and, as a result, dissatisfaction of the population with the economic, social and environmental subsystems of sustainable development of a territory, as well as dissatisfaction with the activities of local authorities, leading to economic losses of households, social tension, and violation of the Principles of Sustainable Development.

In addition, the competitiveness of local producers' food products decreases, which leads to a decrease in demand for their products and displacement from local markets. This fact not only fails to ensure sustainable growth in production, but, on the contrary, deteriorates financial situation of local producers and leads to bankruptcy. As a result of inefficient use of natural, economic, and labor resources, developing

territories are transformed into depressed ones, using only natural resources. Due to such management, instead of a sustainable development strategy, the territory exists in accordance with a survival strategy, which, as environmentalists note, causes the destruction of the environment which people live in. And we no longer mean harmonious as sustainable development of an individual and even social stability, we mean preserving people's vital capacity, their places of residence and life activity.

Based on the applied research results, the authors proposed an indicator of consumer satisfaction with the quality of food products, as an indicator for assessing the quality of people's life, as the main goal of sustainable development of territories, and a method of food groups typification on its basis. The developed method makes it possible to formulate relevant to the economic state of the territories goals and models of improving state support for local producers within the framework of sustainable development strategies.

The method testing has allowed the authors to formulate economic goals and models for state regulation of sustainable development of territories:

1. A group of food products with a high level of consumer satisfaction with product quality:

The goal is to maintain stability of the population's satisfaction with the quality of local manufacturers' food products.

The government regulation model is multifunctional support for the sustainability of food quality from local producers to stimulate competitive food production.

2. A group of food products with an insignificant level of consumer satisfaction with product quality:

The goal is to ensure a steady growth in the population's satisfaction with the quality of local producers' food.

The model of state regulation is monetary and technological stimulation of high-quality food production by local producers to increase their competitiveness.

3. A group of food products with a low level of consumer satisfaction with product quality:

The goal is to ensure sustainable consumer interest in the quality of local manufacturers' food products;

Government regulation model is monitoring of counterfeit and falsified food products of local producers' competitors on local markets; application of differentiated measures to ensure food safety in local markets; effective control over the territories' producers of low-quality food; stimulating production of quality food products from local producers; public promotion.

4. A group of food products with low consumer interest in the quality of local producers' food.

The goal is to ensure sustainable attractiveness of local products.

The model of state regulation is promotion of rational consumer behavior of the population, importance of consuming local food and attention to food products' quality; support of local producers from the government bodies to improve production and technological conditions.

The use of the criterion of consumer satisfaction with the quality of local producers' food allows to provide their direct involvement in the process of regulation and support of local producers of territories based on the results of their assessment in programs for the implementation of sustainable development strategies within the framework of government regulation models, depending on the opportunities and state of

economic, social and ecological subsystems of territories both in crisis situations and to ensure sustainability of the SD goals implementation.

The authors see identification of new marketing tools for involving consumers in the process of sustainable development of local producers. In particular, technologies for public promotion of competitive high-quality products as a further direction of applied research on the Concept of Sustainable Development.

Conclusion

The monetary and organizational tools that are currently being applied in the context of the synergetic crisis for ensuring the sustainable functioning of local producers are standard, and not adapted to support producers who are aimed at ensuring the quality of life of the population.

The use of marketing promotion tools without regard to the quality and safety of local food products by end consumers in place branding technologies are not effective for state support for the development of the demand for local food products.

Using the method of food commodity groups typification based on the criterion of "consumer satisfaction level" to form a list of potential territorial brands of food products can become a tool for state support of the sustainable development of production and. In the aggregate, sustainable economic development of territories.

References

- Butova, T.G., Demakova, E.A., Ulina, S.L., Egoshina, O.L., Mutovin, S.I. & Danilina, E.P. (2020). Methodological approach to forming criteria for selecting food products for territorial branding. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 13(11), 1880–1892. DOI: 10.17516/1997-1370-0692
- Demakova, E.A., Butova, T.G., Ulina, S.L., Klimovich, N.V. & Danchenok, L.A. (2021). Food products branding as a new vector for improving state support for local producers. In *IOP Conference Series: Earth Environmental Science*. Available at: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/677/2/022039/pdf>.
- Butova, T.G., Demakova, Ye.A., Mutovin, S.I. et al. (2021). *Brending territorii: razvitie nauchnogo podkhoda k prikladnym issledovaniyam: monografiia [Place branding: development of a scientific approach to applied research: Monograph]*. Krasnoyarsk, Sibirian Federal University, 246 p. ISBN 978-5-7628-4428-3.
- Drexhage, J. & Murphy, D. (2010). Sustainable development: from Brundtland to Rio 2012. In *United Nations Headquarters. 1st Meeting by the High Level Panel on Global Sustainability, United Nations, New York*.
- Plan pervoocherednykh meropriatii po obespecheniiu ustoichivogo razvitiia ekonomiki v usloviakh ukhudsheniia situatsii v svyazi s rasprostraneniem novoi koronavirusnoi infektsii (2020) [Plan of Priority

Measures to Ensure Sustainable Economic Development under Conditions of a Deteriorating Situation in the Context of the Spread of a New Coronavirus Infection(2020)].

Ferova, I.S., Lobkova, E.V., Tanenkova, E.N & Kozlova, S.A. (2019). Tools for Assessing Sustainable Development of Territories Taking Into Account Cluster Effects. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 4 (12), 600–626.

Gushchina, I.A., Kondratovich, D.L., & Polozhentseva, O.A. (2019). Assessment of the interaction of local communities and local governments in the murmansk region: the experience of sociological research. In *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 11(1), 48–53.

Hák, T., Janousková, S. & Moldan, B. (2016). Sustainable Development Goals: A need for relevant indicators. In *Ecological Indicators*, 60, 565–573. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1470160X15004240?via%3Dihub>

Holden, E., Linnerud, K., Banister, D. (2014). Sustainable development: our common future revisited. In *Global Environmental Change*, 26, 130–139.

Klarin, T. (2018). The concept of sustainable development: from its beginning to the contemporary issues. In *Zagreb International Review of Economics and Business*, 21(1), 67–94. Available at: https://www.researchgate.net/publication/326164068_The_Concept_of_Sustainable_Development_From_its_Beginning_to_the_Contemporary_Issues

Korchak, E.A. (2020). The role of local communities in achieving sustainable development. In *Regional Economy and Management: Electronic Scientific Journal*, 4 (64). Available at: <https://eee-region.ru/article/6411/>

Piskun, E.I. & Khokhlov, V.V. (2019). Economic development of the Russian Federation's regions: factor-cluster analysis. In *Economy of Region*, 15(2), 363–376. Available at: <https://doi.org/10.17059/2019-2-5>.

Measures to ensure sustainable economic development in the context of deterioration of the situation due to COVID-19. Available at: https://economy.gov.ru/material/news/ekonomika_bez_virusa/plan_pervoocherednyh_meropriyatij_po_obespecheniyu_ustoychivogo_razvitiya_ekonomiki_v_usloviyah_uhudsheniya_situacii_v_svyazi_s_rasprostraneniem_novoy_koronavirusnoy_infekcii.html

Shchepakina, M., Frisovna, E., Bzhennikova, J., Tolmacheva, O. & Bazhenov, Y. (2018). The impact of supply chain management on marketing frontiers in competitive business building. In *International Journal of Supply Chain Management*, 7(5), 865–876.

Simen, E. & Sheresheva, M.Y. (2020). PRC government policy regarding chinese small and medium enterprises in the context of COVID-19 pandemic. In *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik [Public Administration. E-Journal]*, 79. Available at: DOI:10.24411/2070–1381–2020–10047.

Belov, V. (2020). Posledstviia pandemii koronavirusa dlia ekonomiki Germanii [Consequences of the coronavirus pandemic for the German economy]. In *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN [Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS]*, 2, 83–90. Available at: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran220208390>.

Kirgizova, N.P. & Durnynin, V.V. (2020). Choosing a strategy for company's survival after the pandemic. In *Stolypinsky Vestnik [Stolypinsky Bulletin]*. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybor-strategii-vyzhivaniya-kompaniy-posle-pandemii/viewer>.

Ratobyl'skaya, D. (2020). Strategii vyzhivaniia mal'kh i srednikh biznesov vovremia pandemii [Survival strategies for small and medium-sized businesses during the pandemic]. Available at: <https://vc.ru/u/484425-daria-ratobyl'skaya/122079-strategii-vyzhivaniya-malykh-i-srednih-biznesov-vo-vremya-pandemii>

Sergeeva, I.A., Taktarova, S.V., Agamagomedova, S.A. (2019). Teoreticheskie aspekty obespecheniia prodovol'svennoi bezopasnosti [Theoretical aspects of ensuring food security]. In *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnologiiakh, prirode i obshchestve [Models, Systems, Networks in the Economy, Technology, Nature and Society]*, 3 (31), 62–70.

Soldatova, S.S. & Pivkina, K.R. (2020). Ekonomicheskie posledstviia pandemii «COVID-19» dlia Rossii [Economic consequences of the COVID-19 pandemic for Russia]. In *Nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal dlia studentov i prepodavatelei «StudNet» [Scientific and Educational Journal for Students and Teachers «StudNet»*, 2 (3), p. 260–265.

Falliko, A. (2020). Mirovaia ekonomika vyidet iz pepla pandemii drugoi [The world economy will come out of the ashes of the pandemic different]. In *The Kommersant*, 22.04.2020. Available at: <https://www.kp.ru/daily/26504/3373419>

Sud'in, K.N., Mutovin, S.I. (2014). *Instrumenty ustoichivogo razvitiia Severnykh territorii: opyt regional'nykh issledovaniy: monografiia* [Instruments for sustainable development of the Northern Territories: the experience of regional studies: monograph]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University, 161 p.

O Kontseptsii perekhoda Rossiiskoi Federatsii k ustoichivomu razvitiuu: Ukaz Prezidenta RF ot 01.04.1996 № 440 [The concept of the transition of the Russian Federation to sustainable development (approved by the Decree of the President of the Russian Federation No. 440 of April 1, 1996)].

Sustainable Development Goals. Available at: <https://www.undp.org/sustainable-development-goals>

Strategiya-2020: Novaia model' rosta – novaia sotsial'naia politika. Itogovy doklad o rezul'tatakh ekspertnoi raboty po aktual'nykh problemam sotsial'no-ekonomicheskoi strategii Rossii na period do 2020 goda [Strategy 2020: A New Growth Model – a New Social Policy. Final Report on The Results of Expert Work on Topical Issues of Socio-Economic Strategy of Russia for the Period up to 2020]. Available at: <https://www.hse.ru/strategy2020>

Federal'nyi zakon «O potrebitel'skoi korzine v tselom po Rossiiskoi Federatsii» ot 03.12.2012 N. 227-FZ [Federal Law «On the Consumer Basket as a Whole in the Russian Federation» of 03.12.2012 No. 227-FZ]

«Sdelano v Rossii» – novyi proekt ot avtorov «Znaka kachestva». Chinovniki ne ostavliaiut popytok podniat' rossiiskuyu promyshlennost' s pomoshch'iu piara [«Made in Russia» is a new project from the authors of the quality mark. officials do not abandon attempts to raise russian industry with the help of pr]. Available at: <https://www.sostav.ru/publication/sdelano-v-rossii-20040.html>

DOI: 10.17516/1997-1370-0886
УДК 101.1:316

Formation of the Ethnic Component Management Consciousness in the Prevention of the Ethno-Social Crisis (Socio-Philosophical Aspect)

Karine S. Arutiunian*

*Ryazan State Radio Engineering University named after V.F. Utkin
Ryazan, Russian Federation*

Received 30.08.2021, received in revised form 18.10.2021, accepted 11.01.2022

Abstract. The radical transformations that engulfed modern society not only led to qualitative changes in the social structure ethnosocial sphere, but also influenced its dynamics. This is often accompanied by an increase in tension in interethnic relations, the justification of conflict situations, which poses a threat to all spheres of social life. The absence of the ethnic component in the management consciousness leads to the fact that negative tendencies (aggressiveness in defending their own interests, cruelty of the positions of national parties) lead to an increase in ethnophobia, stereotypes that increase intolerance, which becomes the potential for ethnic destruction.

Therefore, it is quite relevant to research the formation of the ethnic element of management consciousness for the effective solution of crisis problems in the conditions of the ethnosocial sphere, the development of the management paradigm adequate to modern realities. The purpose of the article is conducting the socio-philosophical analysis of the formation ethnic component of the management consciousness in the prevention conflict situations in the ethnosocial sphere. The author uses methods of the analysis, synthesis, systematization, generalization, comparison, as well as the method of modeling and synergy.

The scientific significance of the work consists in finding answers to the complex philosophical question related to the need to the form ethnic component (for example, the tolerance component) in the structure of management consciousness in order to prevent conflict situations in the ethnic sphere. The practical component of the work is aimed introducing into social philosophy the scientific category «ethnic component of management consciousness,» which contributes to the deep analysis of the nature and essence of ethnicity, the management of the ethnosocial environment, and the formation ethnic values of the modern society. The important factor in the formation of the ethnic component (tolerance) of the future managers is a field education and information resources, which will be aimed at creating the unified system of the values, which is subsequently necessary for making effective management decisions. In this situation, demands deep comprehension and reconsideration of category and a concept of social

philosophy, philosophy of the management, the theories of the management connected with questions problem management of the society, the conflicts of the ethnic sphere. The urgent need will be not only the introduction into the theoretical and methodological arsenal philosophy of the category «ethnic component of the management consciousness,» but also its further development and development. This research is the contribution to the methodological base of the social philosophy, ethnophilosophy, the theory of the management.

Keywords: management consciousness, tolerance, social crisis, social modernization, ethnicity, public consciousness, ethno-social sphere, globalization, multiculturalism.

Research area: social philosophy.

Citation: Arutiunian, K. S. (2022). Formation of the ethnic component management consciousness in the prevention of the ethno-social crisis (socio-philosophical aspect). J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(6), 791–798. DOI: 10.17516/1997-1370-0886

Формирование этнического компонента управленческого сознания в предотвращении кризиса этносоциальной сферы (социально-философский аспект)

К.С. Арутюнян

*Рязанский государственный радиотехнический университет им В. Ф. Уткина.
Российская Федерация, Рязань*

Аннотация. Радикальные преобразования, охватившие современное общество, не только привели к качественным изменениям в социальной структуре этносоциальной сферы, но и повлияли на его динамику. Это нередко сопровождается ростом напряженности в межнациональных отношениях, обоснованием конфликтных ситуаций, что создает угрозу во всех сферах социальной жизни. Отсутствие этнического компонента в управленческом сознании приводит к тому, что негативные тенденции (агрессивность в отстаивании собственных интересов, жестокость позиций национальных сторон) приводят к росту этнофобий, стереотипов, усиливающих интолерантность, которая становится потенциалом этнической деструктивности.

Поэтому вполне актуально исследование формирования этнического элемента управленческого сознания для эффективного решения кризисных проблем в условиях этносоциальной сферы, выработки управленческой парадигмы, адекватной современным реалиям. Цель статьи – провести социально-философский анализ формирования этнического компонента управленческого сознания в предотвращении конфликтных ситуаций в этносоциальной сфере. Для изучения данной проблематики автор использует методы анализа, синтеза, систематизации, обобщения, сравнения, а также метод моделирования и синергетики.

Научная значимость работы заключается в поиске ответов на сложный философский вопрос, связанный с необходимостью формирования этнического компонента

(например, компонента толерантность) в структуре управленческого сознания для предотвращения конфликтных ситуаций в этнической сфере. Практическая составляющая работы направлена на введение в социальную философию научной категории «этнический компонент управленческого сознания», которая способствует глубокому анализу природы и сущности этничности, эффективному управлению этносоциальной средой, развитию этнической ориентированности современного общества. Важными факторами формирования этнического компонента (толерантности) у будущих менеджеров являются сфера образования и информационные ресурсы, которые будут направлены на создание единой системы ценностей, впоследствии необходимой для принятия эффективных управленческих решений. В этой ситуации требуют глубокого постижения и переосмысления категории и понятия социальной философии, философии управления, теории менеджмента, связанные с вопросами проблемы управления обществом, конфликтами в этнической сфере.

Насущной необходимостью стало не просто введение в теоретический и методологический арсенал философии категории «этнический компонент управленческого сознания», но и его дальнейшая разработка и развитие. Данное исследование – это вклад в методологическую базу социальной философии, этнофилософии, теории управления и менеджмента.

Ключевые слова: управленческое сознание, толерантность, социальный кризис, социальная модернизация, этничность, общественное сознание, этносоциальная сфера, глобализация, мультикультурализм.

Научное направление: 09.00.11 – социальная философия.

Введение. Стремительное изменение современного мира делает его существование флуктуативным и неустойчивым. Среди причин этого можно назвать интенсивное развитие информационных технологий, охватывающих все сферы общественной жизни, процессы глобализации, создающие предпосылки глобальной нестабильности, колебания социально-экономической и национальной политики, порождающей кризисные тенденции дальнейшего становления общества. Для социальной стабильности, устойчивого развития, а также определенного уровня безопасности личности и общества в условиях трансформации необходимо философски осмыслить формирование этнического элемента (толерантности) в структуре управленческого сознания в разрешении конфликтных ситуаций в контексте новых реалий. В рамках проведенного исследования можно выделить ряд моментов, необходимых для формирования нового структурного элемента в управленческом сознании. Один из них –

образование новых систем ценностных ориентаций: символы, ценности, знания, идеалы, которые создают единое пространство для формирования «этнического элемента» управленческого сознания. Только управленческая стратегия, основанная на взаимном уважении, взаимной озабоченности судьбами этнических общностей, понимании и осознании «Другого» этноса, способна снизить кризисный потенциал трансформации современного общества и сформировать управленческое сознание будущих специалистов в области управления и менеджмента в русле толерантности.

Кризисные тенденции этносоциальной сферы (например, связанные с конфликтом ценностей) способствуют проявлениям неустойчивости и нестабильности общества прежде всего из-за отсутствия такого понятия, как толерантность в управленческом сознании менеджеров руководящих структур (дезориентация управляющих механизмов). Следовательно, изучение практического потенциала формирования

управленческого сознания с «этническим» элементом должно стать важной задачей ученых (специалистов в области философии управления, теории менеджмента, этносоциологии и т. д.), представителей органов власти, а также всей общественности.

Постановка проблемы и цель исследования. Проблемы социального развития этносоциальной сферы, радикальные изменения повседневности, приводящие к неустойчивым процессам в условиях глобализации, актуализируют исследование роли этнического компонента управленческого сознания в разрешении кризисных тенденций современного общества.

Социальная трансформация, охватывающая все сферы общественной жизни, направлена на формирование «кризисного общества», основными признаками которого выступают непрерывно изменяющаяся реальность, неоднозначность и незавершенность проходящих трансформаций, которые усиливают конфликтогенность, находящую выражение в превалировании дезинтеграции над интеграцией, деструктивности над созидательностью.

Об этом свидетельствуют современные работы как зарубежных, так и российских ученых. Философские проблемы социального кризиса системно проанализированы F. Romero (Romero, 2019), M. D. Burroughs (Burroughs, 2018), W. Tangjia (Tangjia, 2014), Ю. В. Ухановой (Uханova, 2018), И. Н. Колядко (Kolyadko, 2016). Вопросы, связанные с социальной модернизацией как предпосылкой социального кризиса, отражены в трудах Н. М. Голика (Golik, 2012). Понятие этничности как социального феномена прослеживается в работах М. Т. Тологоновой, (Tologonova, 2019), М. М. Кучукова (Kuchukov, 2020).

Решение данной проблемы будет найдено, если этнический компонент (элемент толерантности) будет сформирован в системе управленческого сознания (как формы общественного). Цель данного исследования – осуществить социально-философский анализ формирования этнического компонента (толерантности) управленческого сознания как главного фактора в разрешении

кризисных тенденций в этносоциальной сфере.

Результаты исследования. Современное общество представляет собой сложную, неустойчивую и развивающуюся систему, в которой этносоциальная сфера превратилась в неотделимую подсистему. Кризисные тенденции, вызванные появлением «общества риска», недостаточностью политики мультикультурализма, глобализацией, обусловили необходимость формирования этнического компонента управленческого сознания по снижению негативных тенденций.

Этносоциальную сферу можно рассматривать как реальность, существующую объективно и субъективно. Первая формируется под воздействием социальных, экономических, политических факторов, вторая представляет собой наличие этнического индивида, наделенного определенными знаниями, ценностями, идеалами, стереотипами, формирующими его этническое сознание.

В данном исследовании использованы методы моделирования и синергетики, позволяющие раскрыть структурные компоненты и сущность этносоциальной сферы. Теоретическую модель социальной реальности, сконструированную П. Бергером и Т. Лукманом, можно применить при исследовании этносоциальной реальности (Berger, P. Lukman, 1995). Здесь необходимо выделить субъектов социального действия (представителей этнической группы), которые будут носителями управленческого сознания, обладающими не только управленческими, но и этническими знаниями (знаниями в области толерантности), обязательными для принятия эффективных управленческих решений, направленных на «конструирование» объекта – принятие ценностей, норм, идеалов «Другого этноса».

Синергетический подход позволяет исследовать этносоциальную сферу как систему с обычаями, обрядами, ценностями, особенностями сознания и одновременно как мир непрерывных трансформаций, изменений, модернизации идентичности,

ассимиляции и аккультурации. Данная позиция учитывает специфику саморазвития как в результате взаимодействия различных сфер общественной жизни, так и в результате активного воздействия различных этнических групп с целью получения ожидаемых результатов. Менеджеры (субъекты этносоциальной сферы) находятся в ситуации бифуркации, то есть выбора того или иного пути развития. В результате этническая система, выходя из прежнего состояния, приобретает неравновесный характер. В этой ситуации важную роль играет управление и управленческое сознание с этническим элементом по приведению системы в состояние стабильности.

Управление межэтническими конфликтами в этносоциальной сфере определяется трансформационными процессами, охватывающими все стороны общественной жизни. В частности, социальная модернизация (как результат глобализации) представляет собой совокупность экономических, демографических, психологических и политических изменений, которые претерпевает общество традиционного типа в процессе перехода в новые условия.

Социальная модернизация порождает сдвиг духовной сферы, а именно ценностных ориентаций. С начала XX в. не ослабевает интерес к теории ценностей. По мнению Л.Н. Столовича, «... двадцатый век внес коррективы в духовную сферу общества, а именно в систему ценностей, носителями которого являются представители различных этнических групп, этнических общностей и т. д.» (Stolovich, 2004).

Таким образом, кризис ценностей означает не их тотальное уничтожение, а изменение внутренних структур. Одна из главных ценностей XX в. – процесс формирования уникальности и неповторимости личности, результатом чего стало осознание индивидом этнической идентичности, то есть принадлежности к определенной этнической группе и неприятия «Другого». По мнению Ж.Т. Тощенко, радикальные изменения, охватившие все слои общественной жизни (экономический, политический, научный,

технический, духовный), привели к противоречиям в общественном сознании и несовместимости структурных элементов (Toshhenko, 2004).

Чтобы решить задачу достижения социальной стабильности и устойчивого развития, а также обеспечить необходимый уровень безопасности этнического индивида в изменяющихся условиях, необходимо философски осмыслить «форму» управленческого сознания в контексте реалий глобализации. Управление этносоциальной сферой сталкивается со сложностью такого явления, как социальный кризис, вызванный модернизацией современного общества, поэтому важно выделить подходы исследователей к природе самого кризиса.

У. Бек и Э. Гидденс ввели понятие социального риска как результата социального кризиса. Первый дал ему следующие характеристики: «риск всегда создается в социальной системе; риск является функцией качества социальных отношений и процессов, риск является результатом модернизации и активизируется процессами глобализации» (Beck, 1992). Э. Гидденс определяет современное общество как «общество риска», основными признаками которого можно назвать случайность, неопределенность, неоднозначность (Giddens, 1994).

С. Хантингтон пришел к выводу, что социальный кризис во многом связан с культурными различиями между цивилизациями. Столкновение цивилизаций – самая большая угроза международной стабильности и причина неустойчивости современного общества. Модернизация дает толчок весьма значительным сдвигам на уровне сознания, а именно в ценностных ожиданиях, установках (Huntington, 1996). Автор делает вывод, что «... модернизация приводит к ценностным изменениям в общественном сознании, порождая кризис, неопределенность».

Ф. Фукуяма единственным путем выхода из кризиса считает обращение к демократическому устройству (Fukuyama, 1990).

По мнению П. Друкера, выход из кризиса будет возможен, когда информаци-

онное общество перейдет в «общество знания», где определяющим признаком станет знаниевый элемент, определяющий дальнейшее развитие государства. В таком обществе индивид должен не только обладать знанием, но и управлять им как основным ресурсом принятия управленческих решений по регулированию кризисных тенденций в этносоциальной сфере (Druker, 1994).

Э. Тоффлер утверждает, что кризис изменяет вектор общественного развития в направлении становления фрагментарного мира с нестабильными траекториями развития (Toffler, 2009). Следовательно, кризис, вызванный глобализацией, приводит к разрушению природной, социальной и духовной среды, подвергающейся небывалому давлению со стороны технической цивилизации.

А. Богданов утверждает, что под кризисом подразумевается перелом социального действия, имеющего характер борьбы двух сторон (Bogdanov, 1989).

А. С. Ахиезер для разрешения кризиса вводит понятия инверсии и медиации. Инверсия представляет собой циклический процесс, в то время как медиация предлагает новый виток развития общества и выход из кризисной ситуации (Akhiezer, 1995).

Еще раз отметим: этнический компонент управленческого сознания способен снизить кризисный потенциал модернизации современного общества. Этнические нормы и предписания становятся важными регуляторами поведения людей, образуя ценностно-нормативное ядро социальной интеграции и контроля, реализуя регулятивную функцию управления в этносоциальной среде.

Исходя из сказанного, обозначим пути решения кризисных тенденций в этносоциальной сфере.

Элементы управленческого сознания должны формировать новые символы, понятия, образцы, которые создавали бы социокультурное пространство, основой которой станет ценностный консенсус и толерантность. Глобализационные процессы, охва-

тившие культурную сферу, ориентированы на создание фрагментарных культурных образцов, которые могут вызвать напряжение и углубить взаимное непонимание представителей разных этносов, сформировать радикальную реакцию на сохранение культуры, не способствующую созданию единого культурного пространства.

Управленческое сознание в условиях этносферы представляет собой совокупность знаний, ценностей, принципов, норм, идей, теорий, взглядов, которые, с одной стороны, отражают реальную управленческую ситуацию, проявляющуюся в интересах, потребностях, намерениях и целях этносов данного этнического пространства, а с другой – направлены на преобразование и разрешение этнической ситуации. Основным элементом управленческого сознания в урегулировании межнациональных отношений (этнический компонент) включает в себя духовную культуру этноса, этноязык, этнические потребности и интересы, идеологию, представления, этнический характер, чувства, психологию, этнические стереотипы, этническую идентификацию и т. д.

Толерантность управленческого сознания будет способствовать развитию этносоциальной сферы, что связано с обновлением общества, с возрастанием потребностей, активной деятельностью людей. Ускорение темпов общественной эволюции, преобразования естественного ареала и искусственной среды обитания, изменение самого индивида существенно повлияли на всю систему взаимодействия этносов. Глобализация развивает этническое многообразие, включая культурные различия и социальную фрагментацию.

Формирование этнического компонента управленческого сознания происходит в сфере образования, в основу которого положен поликультурный принцип. Предметное содержание дисциплин, направленное на ретрансляцию культурных установок и ценностей, воспитание толерантности по отношению к другим народам, культурам, вмещает в себя этнические и цивилизационные ценности. Впоследствии

сформированная система таких ценностей позволит будущим управленцам предотвращать кризисные тенденции в этнической сфере.

Еще одним инструментом формирования этнического компонента управленческого сознания назовем современные информационные технологии, направленные на образование интегрального общества, основанного не только на глобальных ценностях, но и на признании отдельно взятых культур. Основными ценностями данного общества будут толерантность и культура, основанная на принятии мира и ненасилия, что создаст дополнительные предпосылки для предотвращения столкновений государств, укрепления их сотрудничества и партнерства.

По словам И. А. Ильина, «... люди современной эпохи не должны предаваться иллюзии: кризис, переживаемый нами, не есть кризис, сущность кризиса имеет духовный аспект, заложенный в самом бытии. Разрешение социального кризиса можно преодолеть только в том случае, если будет сформирована единая система духовных ценностей» (Илин, 1993).

Развитие «новой формы общества» требует глобального управленческого сознания, необходимого для разрешения межнациональных конфликтов. При этом в его структуре должен присутствовать этнический компонент, поскольку без сохранения уникальности этносов, их признаков невозможно представить будущее человечества.

Именно этнический компонент управленческого сознания дает возможность выделить этнос как самостоятельный субъект. Меняющаяся общественная, политическая, культурная ситуации посылают человечеству новые вызовы, но благодаря управленческому сознанию можно

предполагать и предвидеть результаты межнациональных отношений, то есть оно играет огромную роль в существовании и функционировании всех этнических общностей: поддерживает единство изнутри этноса и становится ведущим фактором объединения индивидов вокруг ценностей той или иной группы, необходимого для предотвращения межнациональных конфликтов с помощью управленческой и организационной культуры. Этнический элемент сознания (информация о собственной этнической культуре, традициях и обычаях) формирует определенные представления о других общностях. Полученные знания постепенно расширяются, но вместе с тем в сознании индивида вырабатываются и закрепляются стереотипы поведения и мышления, характерные для его этноса.

Заключение. Современную эпоху можно охарактеризовать как период «нового неравновесного времени и пространства», когда кризис цивилизации приобретает глубокий и системный характер, а общество становится нестабильным и неравновесным, в нем возрастают неопределенность и риски.

В процессе трансформации необходимо разработать и предложить миру вариант разрешения межнациональных конфликтов в этносоциальной сфере, объединив народы с помощью управленческого сознания с этническим элементом и направив их на новые идеи и концепции глобального интернационализма.

В нашем понимании этнический компонент управленческого сознания — это совокупность управленческих знаний, ценностей, норм, стереотипов поведения с этническими признаками и ценностями, направленными на достижение стабильного состояния социальной системы «глобальное общество — толерантность».

Список литературы / References

- Axiezer, A. (1995) Rossiya: nekotorye problem sociokulturnoj dinamiki [Russia: some problems of socio-cultural dynamics], In *Mir Rossii* [The world of Russia], 1, 3–57.
- Beck, U. (1992) *Risk Society: Toward a new modernity*. London: Sage Publications, 525p.

- Berger, P. Lukman, T.(1995) *Socialnoe konstruirovaniye realnosti [Social construction of reality]*. Moscow, Academia-centr, 323 p.
- Bogdanov, A. (1989) *Tektologiya (vseobshchaya organizatsionnaya nauka) [Tectology (universal organizational science)]*. Moscow, Ekonomika, 351 p.
- Burroughs, M. (2018) How to survive a crisis: reclaiming philosophy as a public practice, In *Palgrave Communications*, 8, 1–5.
- Druker, P. (1994) *Effektivnyy upravlyayushhiy [Effective Manager]*. Moscow, Buk Chember: Internesh-nl, 266 p.
- Fukuyama, F. (1990) Konecz istorii? [The end of story], In *Voprosy filosofii [Philosophy issues]*, 3, 134–148.
- Giddens, A. (1994) *The consequences of modernity*. Cambridge: Polity Press, 186 p.
- Golik, N. (2012) Socialnaya modernizatsiya: sootnosheniye racionalnykh i vneratsionalnykh ustanovok [Social modernization: ratio of rational and non-rational attitudes], In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya [Bulletin of Volgograd State University. Series 7. Philosophy]*, 3(18), 104–109
- Huntington, S. (1996) *The clash of civilizations and Remaking of world order*. New York: Simon and Shuster, 367 p.
- Ilin, I. (1993) *Put k ochevidnosti [The Way to the Obvious]*. Moscow, Respublika, 430 p.
- Kolyadko, I. (2016) Socialnyy krizis kak predmet sociosinergeticheskoy interpretatsii [Social crisis as a subject of sociosynergetic interpretation], In *Filosofiya i socialnye nauki [Philosophy and Social Sciences]*, 4, 82–86.
- Kuchukov, M. (2020) Polisubektnaya etnichnost kak fenomen civilizatsionnoy specifiky rossiyskogo sociuma [Polysubject ethnicity as a phenomenon of the civilizational specifics of Russian society], In *Filosofskaya mysl [Philosophical thought]*, 1, 1–12.
- Romero, F. (2019) Philosophy of science and the replicability crisis, In *Philosophy Compass*, 14(11), 1–14.
- Stolovich, L. (2004) Ob obshchechelovecheskikh cennostyakh [On Universal Values], In *Voprosy filosofii [Philosophical thought]*, 7, 86–97.
- Tangjia, W. (2014) A philosophical analysis of the concept of crisis, In *Frontiers of philosophy in China*, 19(2), 254–267.
- Tologonova, M. (2019) O ponyatii «etnichnost» [On the concept of «ethnicity»], In *Nauka: novye tekhnologii i innovatsii Kyrgystana [Science: new technologies and innovations of Kyrgyzstan]*, 9, 143–147.
- Toffler, E. (2009) *Tretya volna [Third wave]*. Moscow, AST, 795 p.
- Toshhenko, Zh. (2004) Fantomy obshchestvennogo soznaniya i povedeniya [Phantoms of public consciousness and behavior], In *Socis [Socis]*, 12, 3–16.
- Uxanova, Yu., Smoleva, E. (2018) Socialnoe samochuvstvie regionalnogo soobshchestva v usloviyakh krizisa [Social well-being of the regional community in times of crisis], In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya [Bulletin of St. Petersburg University. Sociology]*, 11 (3), 284–300.

DOI: 10.17516/1997-1370-0887
УДК 7.03; 75.04

Ancient Works of Art of Central Siberia

**Ksenia A. Degtyarenko, Julia N. Menzhurenko,
Dariya S. Pchelkina and Anna A. Shpak***

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 29.12.2021, received in revised form 30.01.2022, accepted 03.02.2022

Abstract. The research interest in the study of ancient cultures of Central Siberia does not lose its relevance. In this regard, the territory of the Northern Angara region deserves special attention. The archaeological material obtained during the Boguchan expedition makes it possible to further study ancient cultures, including through art historical research methods.

In the study and interpretation of the archaeological materials of the Boguchan expedition, their artistic representational capabilities remain poorly studied. The identification of the art-historical aspects of the study of archaeological monuments allows us to restore the ceremonial and everyday aspects of the life of cultures of different epochs inhabiting the territory of the Boguchanskaya hydroelectric power station flooding and preserve the basic cultural and historical knowledge about them. The interpretation of the data obtained during the analysis of the art history analysis allows us to talk about the presence of signs and symbols of a literary text that are read to identify its meaning on a wide socio-cultural scale.

The results of this study can be used in the further study of the cultures of the region in question, as well as in the study of their cultural ties with neighboring territories.

Keywords: Northern Angara region, ancient cultures of Central Siberia, archaeological monument, cultural monument.

The research was funded by RFBR, Krasnoyarsk Territory and Krasnoyarsk Regional Fund of Science, project number 20–49–240001.

Research area: cultural studies, art history.

Citation: Degtyarenko, K. A., Menzhurenko, J. N., Pchelkina, D. S., Shpak A. A. (2022). Ancient works of art of Central Siberia. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(6), 799–810. DOI: 10.17516/1997-1370-0887

Древние художественные произведения Центральной Сибири

К.А. Дегтяренко, Ю.Н. Менжуренко,

Д.С. Пчелкина, А.А. Шпак

Сибирский федеральный университет

Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Не теряет своей актуальности интерес к древним культурам Центральной Сибири. В этом отношении особое внимание заслуживает территория Северного Приангарья. Полученный в ходе Богучанской экспедиции археологический материал дает возможность дальнейшего изучения древних культур, в том числе посредством искусствоведческих методов исследования.

При анализе и интерпретации материалов Богучанской экспедиции мало внимания уделено их художественным репрезентативным возможностям. Искусствоведческие аспекты исследования археологических памятников позволяют восстановить обрядовую и бытовую стороны культур разных эпох на территории затопления Богучанской ГЭС и сохранить основные сведения о них. В частности, речь идет о наличии знаков и символов художественного текста, считываемых для выявления его широкого социокультурного масштаба.

Результаты данного исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении культур рассматриваемого региона, а также при исследовании их взаимосвязей с соседними территориями.

Ключевые слова: Северное Приангарье, древние культуры Центральной Сибири, археологический памятник, памятник культуры.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20–49–240001.

Научные специальности: 24.00.00 – культурология, 17.00.00 – искусствоведение.

Археологический памятник

как объект искусствоведческого анализа

Во второй половине XX века в западной археологии происходят значительные изменения в определении понятия «археологическая культура», вследствие чего многие из существовавших археологических культур были переосмыслены: в русле археологической традиции – когда четко обозначенная традиция (технология) в определенный исторический период охватывает несколько культур региона (например, традиция колоколовидных кубков, традиция шахтовых могил) – либо в русле локальных археологических периодов – когда одна или несколько смежных культур объединены

культурно-историческим этапом, а существование таких культур продолжается и по окончании рассматриваемого периода.

Археологическую культуру можно рассматривать и как совокупность материальных памятников определенной эпохи, территории, отражающую своеобразие артефактов. В свою очередь понятие «памятник культуры» также имеет большое количество научных интерпретаций. В 1972 г. был официально признан и зафиксирован в Конвенции ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия»¹

¹ Рекомендация о сохранении и современной роли исторических ансамблей. Принята Генеральной конференцией ЮНЕСКО. Найроби. 26 ноября 1976 г.

термин «культурное наследие». С этого времени понятие «памятник культуры» стало неотъемлемой частью тезауруса культурного наследия как форма единичного объекта, несущего определенную общественную и научную ценность. В отечественной науке переход к новым парадигмам в интерпретации понятия «памятник культуры» в полной мере произошел в 1988 г. – с ратификацией международной Конвенции «Об охране всемирного культурного и природного наследия».

Множество разнообразных определений памятника истории и культуры до этого времени содержало перечисление внешних признаков памятников, их основных типов и видов, функций. Памятники культуры определялись как народное достояние, часть из них – как мировое культурное наследие, подлежащее охране государством.

Большое эвристическое значение имеет теория культуры Д. В. Пивоварова, на основании которой разрабатываются концептуальные и методологические основы для анализа различных памятников культуры (Amosova, et al., 2019, Avdeeva, et al., 2020, Avdeeva & Degtyarenko, 2021, Kistova, 2020, Koptseva, et al., 2018, Leshchinskaya, 2021, Shimanskaya, 2020, Sitnikova & Li., 2020). Культура предстает как процесс идеалобразования, памятники культуры – как особые формы воплощения идеалов, эталонов и ценностей определенной эпохи в истории искусства или общечеловеческой культуры в целом (Avdeeva, et al., 2020, Kistova, et al., 2016, Kistova, et al., 2019, Kolesnik, et al., 2018, Kostriykina, 2021).

Новые подходы к определению памятников связаны с выявлением общности их внешних свойств, функций или ценностных характеристик. Например, идею подлинности памятника развивали многие ученые. И. А. Кирьянов (Kir'yanov, 1979) выделил два типа – «памятник-подлинник» как результат исторического действия (его разрушение ведет к утрате прямых следов исторического события) и «памятник-символ», созданный в память об уже свершенном событии (он может быть улучшен, изменен, перенесен на другое место и т. д.).

Суть противопоставлений этих двух видов раскрыл И. Михайловский (Mikhailovskii, 1981), выразив ее более точно в терминах «непреднамеренные» и «преднамеренные» памятники. А. М. Кулемзин (Kulemzin, 2001), в продолжение этой темы, предложил дифференцировать по степени достоверности информации памятники-символы (носители заведомо ложной информации) и памятники-подлинники (носители правдивой информации).

Представители ценностного подхода вносили свой вклад в формирование понятия «памятник» начиная с 70-х годов XX в. Помимо историко-культурных аспектов давалось понятие материальной и утилитарной (Е. В. Михайловский, А. С. Щенков) ценностей; разрабатывались варианты иерархии ценностей и т. д.

А. Н. Дьячков (D'yachkov, 1990) предложил новую концепцию. В ее рамках памятник есть часть предметного мира культуры: «... памятник истории и культуры – одна из функций предметного мира культуры, выделяемая людьми для осуществления передачи общественно значимых культурных и технологических традиций из прошлого в будущее».

П. В. Боярский рассматривает термин с позиций «ноосферной» теории Вернадского (Boyarskii, 1990).

Е. Н. Селезнева работала над определением понятия в контексте историко-культурной среды, включая и среду памяти, которую она понимает не только как способ, но и как причину существования истории (Selezneva, 1990).

Феноменологический подход к определению понятия «памятник культуры» заключается в следующем: «Значение памятника заложено в самом предмете как феномене, который в какой-то момент является сознанию, то есть становится видимым. Далее происходит своего рода воспроизведение, актуализация его горизонтов значения как памятника средствами реактивации сознания» (Molodkina, 2007).

Можно отметить, что современные подходы под памятником культуры подразумевают объекты, наделенные историче-

ской, художественной и культурной ценностями в неразрывной связи друг с другом, с окружающей средой, а также с учетом их пространственно-временных связей.

На основании изученных концепций памятник культуры, посредством которого происходит передача культурных традиций из прошлого в будущее, может быть представлен как репрезентант (способ воспроизводства и передачи смысла, внутри и при помощи которого конструируется тот или иной образ мира) специфичных характеристик одной или нескольких культур.

Археологический памятник также выступает компонентом и определенно-го исторического периода, и современной культуры. Его актуальность определяется рядом вариативных трактовок разными социальными субъектами, что выражается в конкретных культурных практиках.

Можно заключить, что археологический памятник в широком смысле представляет собой физический объект, который стал частью социокультурного пространства, связанной с конкретным историческим периодом и сохраняющейся до настоящего времени как реликт (в виде предметов материальной культуры; культурного слоя почвы; ландшафтной территории). Такой памятник обладает научной ценностью в археологическом аспекте и культурным значением, конструирует культурно-историческую среду современного мира.

Среди множества культурных контекстов, в которые входит всякий культурно значимый археологический памятник, особое место занимает эстетический. Наиболее полное, чувственно насыщенное восприятие памятника определяется именно эстетической составляющей как средоточием множества культурных «звучаний», значений и смыслов.

С. Ю. Каменский рассматривал археологический памятник в аксиологическом контексте. Он отмечает факт «... неразделенности художественной и материально-бытовой сфер как при создании большинства вещей прошлого, так и при их современном прочтении (когда мы восхи-

щаемся рукоятками ножей, искусно выполненными каменными орудиями и т. д.), что выражает специфику восприятия артефактов древности» (Kamenskij, 2008).

Археологический памятник как эстетический объект содержит ряд аспектов. К примеру, эстетический потенциал археологического объекта как реликта прошлого. В первую очередь речь идет о характеристиках объекта как произведения архаичного художественного творчества, произведения искусства (живописи, архитектуры, скульптуры). В искусствоведении, таким образом, внимание обращено только на некоторые археологические объекты, а точнее, на некоторые характеристики таких объектов (проводится искусствоведческий анализ особенностей археологического объекта). Отечественные исследования в области эстетики археологии наблюдаются и в советский (Formozov, 1980), и в современный период (Andreev, 2013).

Л. С. Выготский в работе «Психология искусства» указывает, что знаки есть продукт развития общества, который закрепляет в себе культуру социума и транслирует их (Vigotskij, 2017). Художественная картина мира при анализе археологических находок формируется, в частности, характеристикой элементов обряда, через которые проявляются некоторые наиболее общие концепции культуры.

В настоящем исследовании дан искусствоведческий анализ археологического памятника, обнаруженного в ходе раскопок, проводимых коллективом ученых под руководством П. В. Мандрыки в зоне затопления Богучанской ГЭС, территорию которой относят к району Северного Приангарья. Эта местность долгое время оставалась слабо изученной.

Одним из первых советских ученых провел археологические работы в низовьях Ангары А. П. Окладников (Okladnikov, 1974), хотя объектом его научной деятельности была территория верхнего течения реки. Он отмечает общность быта, хозяйственной и промысловой деятельности представителей культур, проживающих по верхнему течению Ангары и на Лене,

ввиду схожести неолитических находок, что подтвердили дальнейшие раскопки в этом районе.

Р.С. Васильевский (Vasilevskii, 1988) в исследованиях 1917–1940-х гг. отмечает использование этнографических данных при интерпретации археологического материала как особую черту сибирской археологии.

С 1970 г. проходило изучение зон затопления Усть-Илимской и Богучанской ГЭС путем стационарных раскопок. При быстрых темпах работы материал не получал документального описания, накопление археологических фактов значительно опережало их интерпретацию.

Основными итогами работы Н.И. Дроздова и Д.И. Дементьева «Археологические исследования на Средней и Нижней Ангаре» 1974 г. стали учет местонахождений, предварительная хронологическая классификация материала, определение состояния сохранности и выяснение перспективности будущих стационарных исследований.

Р.С. Васильевский в статье «Археологические исследования на Средней Ангаре» 1978 г. отмечает ряд различий между материалами нижнего и верхнего течений Ангары, который мог быть следствием взаимосвязи ангарских племен с соседними (Vasilevskii, 1978).

Н.И. Дроздов в диссертации «Каменный век Северного Приангарья», основываясь на материале стоянки Усть-Кова, разделил неолит Северного Приангарья на три этапа. Основными признаками при делении этих этапов стали особенности орнамента и формы керамической посуды.

Историография изучения археологических находок неолита и бронзового века на территории Северного Приангарья приведена в публикации Д.Н. Лохова и С.П. Дударека (Lokhov, Dudarek, 2017).

Новый виток в исследованиях, связанных с изучением Северного Приангарья и введением в научный оборот новых археологических памятников, приходится на 2010-е гг., когда активно начинают вестись спасательные работы в зоне затопления Богучанского водохранилища.

Так, например, изучением и описанием археологических находок стоянки Кода-3 (погребального комплекса, изделий из камня, керамики, кости, металла), их датировкой и типологизацией занимались ученые Института археологии и этнографии СО РАН (Slavinskii, Anokin, Rybalko, Kazakova, Milyutin, 2012). С.А. Когай, И.М. Бердников анализируют находки на территории археологического объекта «Деревня Мартынова», в частности керамические изделия неолитического периода (Kogai, Berdnikov, 2013). А.Н. Чеха представила результаты технико-типологического анализа археологических памятников устья реки Кутарей эпохи неолита и палеометалла, на основе которого были выявлены ближайшие связи с памятниками соседних территорий (Checha, 2019).

Большое количество работ по изучению археологических памятников включает в себя исследование погребальных комплексов. В качестве примера можно привести следующие.

Ю.Н. Гаркуша, А.Е. Гришин и Ж.В. Марченко описали погребальные комплексы могильника Капонир, рассматривая особенности погребения, погребальных конструкций, погребального инвентаря (Garkusha, Grishin, Marchenko, 2013). Авторы фиксируют этнокультурные контакты населения Северного Приангарья и Байкальской Сибири, а также Восточной Сибири (на основе элементов шаманского костюма). Ученые П.О. Сенотрусова, П.В. Мандрыка, О.Е. Пошехонова, используя археолого-антропологический подход, исследовали археологические находки могильника Проспихинская Шивера IV (Senotrusova, Mandryka, Poshechonova, 2014). Зафиксирована специфика погребального обряда, сделана попытка реконструкции обрядовых элементов народов, ранее населяющих территорию Северного Приангарья. Анализ погребальных комплексов посвящена работа С.П. Дударека и Д.Н. Лохова (Dudarek, Lokhov, 2014), где отдельным вопросом рассмотрена датировка погребений. Результаты исследования свидетельствуют также о сходстве археоло-

гических материалов Северного Приангарья и Прибайкалья.

**Искусствоведческий анализ
находок археологического комплекса
Проспихинская Шивера-IV
Богучанской экспедиции 2009 г.**

Летом 2009 г. в зоне затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС экспедицией Сибирского федерального университета под руководством П. В. Мандрыки проводились раскопки многослойного археологического комплекса Проспихинская Шивера-IV, находящегося на 15-метровой трассе правого берега Ангары, в 1,1–1,2 км выше устья реки Коды. Полученные материалы датируются от периода неолита до эпохи развитого средневековья.

Обнаруженный могильник относится к первому культурному слою. 12 объектов, открытые за полевой сезон, отражали так называемый обряд кремации «на стороне». Найдены маленькие погребальные ямы прямоугольной или округлой формы. В составе зафиксированного инвентаря преобладают бронзовые и железные изделия, встречаются предметы из рога и стекла.

Материалом для искусствоведческого анализа выбран наконечник ремня – один из десяти элементов (три обоймы, пять блях-накладок и пряжка) поясного набора, принадлежащего погребению № 10 описываемого археологического комплекса,

на всех изделиях которого отмечены следы воздействия огня (рис. 1, 2).

Исследуемый памятник датируется IV – 12–14 вв. – переходным моментом от раннего к классическому средневековью.

Ажурный наконечник ремня

Ширина ремня, исходя из размера обойм, составила 2,2–2,3 см., а толщина – не более 0,4 см. Изделие бронзовое, размер 7,5 x 2,2 x 0,3 см. Технология изготовления неизвестна. Данная накладка крепилась с помощью пяти загнутых навстречу друг другу шпеньков. Обратная сторона плоская.

Форма изделия вытянутая, его правый край по внешнему контуру напоминает заостренный лепесток, а левый представлен двумя полукружиями, на внешней стороне которых имеется по одному каплевидному выступу. Верхний и нижний боковые края фигурные. Они имеют рифленый ободок, образованный перлами, с внутренней и внешней стороны.

В ходе рентгенофлуоресцентного анализа, проведенного в лаборатории археологии, этнографии и истории Сибири Гуманитарного института СФУ в 2010 г. (Tishkin, 2010), выявлено, что поясной набор изготовлен представителями одной мастерской (схожесть технологии изготовления и материала). Вся совокупность отмеченных в ходе исследования характеристик свидетельствует о специальном заказе этого комплекта для мужчины-воина, который

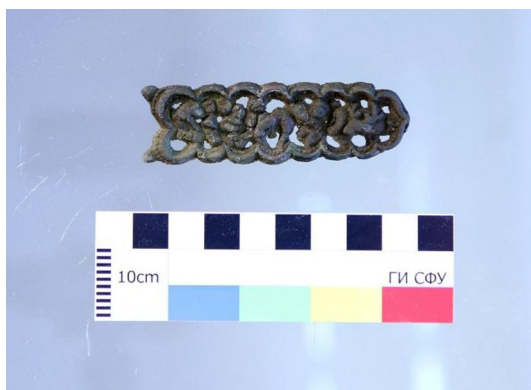

Рис. 1. Ажурный наконечник ремня
Fig. 1. Openwork belt tip

Рис. 2. Ажурный наконечник ремня (вид сзади)
Fig. 2. Openwork belt tip

занимал высокое социальное положение. Исходя из контекста зафиксированного могильника, это мог быть представитель так называемой двойной элиты (местной аристократии).

Подобную форму имеет наконечник ремня, являющийся элементом украшения конского снаряжения, из кургана № 5 комплекса Быково-IV (Шелаболихинский район Алтайского края), которое крепилось также с помощью двух шпеньков, расположенных сверху и внизу. Наконечник относят к Сросткинской культуре и датируют 2-й половиной IX – 1-й половиной X в. (Gorbunova, 2009), что, возможно, говорит о культурных заимствованиях между территориями Северного Приангарья и Алтая.

В исследуемой нами находке преобладает ажурная орнаментация растительного и животного характера. Можно предположить, что в данном изделии существовала трехчастная композиция, разделенная растительными элементами.

Единственным четко просматриваемым элементом является фигура оленя в правой части наконечника – лежащее на согнутых ногах животное с опущенной головой. В расслабленной позе читаются спокойствие, гармония и уравновешенность.

Изображение оленя – распространенный мотив в скифо-сибирском искусстве звериного стиля. В скифской культуре основополагающим было тотемное значение оленя (Abaev, 1949), считавшегося образом верхнего мира. Вместе с тем существует иная интерпретация: рога оленей сопоставимы с деревьями, (помимо разветвленности и роста вверх они раз в год опадают, что отражает природный круговорот). Такой образ репрезентирует «мир живых, ныне существующий» (Raevskij, 2006). Однако исследуемой археологической находке свойствен ряд различных черт в иконографии образа – известным изображениям скифо-сибирского звериного стиля присуще декорирование в оформлении анатомических деталей животного.

Можно также предположить наличие других образов: в средней части композиции угадывается фигура животного с антропоморфным изображением на спине, оно представлено в профиль, головой вправо.

Подобные композиции «человек (всадник) на звере» встречаются в изобразительном искусстве народов Урала и Западной Сибири в раннем железном веке и средневековье (Arefev, Karacharov, 2003) (рис. 3).

Левую часть композиции составляют предположительно два антропоморфных

Рис. 3. Фигурки-подвески с композициями «всадник на звере», найденные в погребениях Сайгатинского I могильника (X–XII вв., Западная Сибирь)

Fig. 3. Pendant figurines with «horseman on a beast» compositions found in the burials of the Saigatinsky I burial ground (X–XII centuries, Western Siberia)

изображения и образ медведя, сидящие полукругом справа налево. Это может быть отсылка на ритуал медвежьего праздника (воплощение мифа об умирающем и воскресающем звере). В мифологии народов Сибири медведь понимался как сторож мира мертвых, иногда он участник творения мира (из-за версии, что когда-то был небожителем, но низвергнут с небес приглядывать за людьми (Shmidt, 1989). Ритуал связан с вертикальной и горизонтальной моделью Вселенной, где медведь выступает связующим звеном, также выполняющим защитную функцию в промысловом деле (Raevskij, 2006).

Таким образом, композиция репрезентирует систему мироустройства, в которой фиксируется посредническая роль священных животных и культовых обрядов в формировании отношений между земным миром и миром Богов.

По анализу одного элемента, входящего в поясной набор, трудно реконструировать бытовые и обрядовые стороны культур рассматриваемого региона, поэтому необходимо обратиться к значениям обрядовых и бытовых функций всего поясного набора.

Учитывая специфику декоративно-прикладного искусства и уникальность самого произведения, можно говорить о том, что оно совмещает в себе утилитарное и сакральное значение.

Утилитарные функции: подпоясывание одежды, средство переноски мелких вещей (Rabinovich, 1986) – «нож и мешочек с трубкой и табаком, огниво с прибором, мешочек с чашкою» (Sychev, 1973).

Обрядовые функции связаны с завязыванием: «Издревле веревка – ужище... узел, узы, на уза, узда... были видимым знаком фактического обладания» (Afanasjev, 1865). На этом сходстве пояса, завязывающегося вокруг талии, с веревкой – знаком собственности – строится вся система свадебных обрядов с участием пояса. Также отмечено значение «спасительного средства» при лечении болезней (Afanasjev, 1865). Охранительная функция заключена и в способности защищать от проявлений нечистой силы (Maslova, 1984).

Кроме того, пояс свидетельствовал о присутствии силы: «счастье дающий пояс», обязательно снабженный оберегами-амулетами, ножами и всем, что необходимо (Mify, predanija, skazki hantov i mansi, 1990). У славянских народов считалось, что он увеличивает мужскую силу (Maslova, 1984).

Как и любой предмет гардероба, пояс служил знаком социального положения его владельца: «Эта вещь, неотделимая от живого человека, символизирующая его связь с миром людей, была знаком принадлежности к социуму» (Tradisionnoe mirovozzrenije turkov Yujnoj Sibiri, 1988). Юношу, прошедшего обряд инициации, опоясывали боевым поясом, на котором носили оружие, и это служило знаком воинской возмужалости (Lipetz, 1984).

С глубокой древности пояс обладал сложным комплексом значений, «... он отождествлялся с Кругом-Вселенной, выступал в роли оберега, обладал магической функцией» (Dobjanskij, 1990). С эпохи военной демократии пояс приобретает дополнительное значение – он становится своеобразным символом войны, и в военно-аристократической среде «... его значение соотносится с принадлежностью его владельца к определенному и достаточно высокому социальному слою общества» (Dobjanskij, 1990).

Таким образом, бытовая функция пояса заключалась в подпоясывании одежды, ношения мелких вещей, оружия, а обрядовая имела значения оберега или амулета, символа обладания, знака отличия в обществе, в роду и принадлежности воинскому сословию, знака наделения силой, ловкостью и другими чудесными качествами, способствующими удаче в военном и промысловом деле.

Заключение

Опираясь на сведения, полученные при рассмотрении археологической находки – наконечника ремня, изучение функционального наполнения поясных наборов, а также основываясь на данных рентгенофлюоресцентного анализа поясного набора, элементом которого является выбранный

для исследования артефакта, можно сделать следующий вывод.

Богатое декоративное оформление наконечника поясного набора и его символическое значение совпадают со значением всего поясного набора, который рассматривается как бытовая вещь, совмещающая в себе и утилитарные функции, и глубокое смысловое значение, отражающее мифологическую и ритуальную основу культуры. Можно предположить, что поясной набор, включающий ажурный наконечник, действительно принадлежал мужчине-охотнику, воину, имевшему высокое социальное положение, и отражал избранность носившего этот комплект человека.

Проявленные в изображении археологической находки знания о системе мироустройства, посреднической функции священных животных и культовых обрядах, несут в себе смысловую значимость ис-

следуемого артефакта. Наконечник ремня здесь можно рассматривать связующим звеном между миром Богов и миром человека. Тогда поясной набор, частью которого выступает исследуемая находка, будет читаться как узловой элемент, способствующий связи двух миров и несущий охранительную функцию представителей сакрального пространства его обладателю.

Для более полного представления о культурах Приангарья и аспектах их обрядовой и бытовой деятельности требуется провести ряд дополнительных исследований, в которых можно использовать результаты данной работы. При дальнейшем изучении предполагается преобразование данных и более точное восстановление культурной ситуации рассматриваемого региона, а также более полное воссоздание мифологического и культового содержания культуры.

Список литературы / References

- Abaev V.I. (1949) *Osetinskij jazyk i fol'klor* [Ossetian language and folklore]. Moscow. 608 p.
- Afanas'ev A.N. (1865) *Nauzy. Primer vlijaniya jazyka na obrazovanie narodnyh verovanij* [Nauzy. An example of the influence of language on the formation of folk beliefs]. Moscow, p. 209.
- Amosova, M.A., Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A., et other (2019). Ethnocultural identity in the works of Krasnoyarsk artists. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 12 (8), 1524–1551.
- Andreev V.M. (2013) Archaeological monument as an aesthetic object. In *Mir Nauki, kultury, obrazovaniya*, 6 (43).
- Aref'ev V.A., Karacharov K.G. (2003) Vsadnik na medvede [The Bear Rider] In *Obrazy i sakral'noe prostranstvo drevnih jepoh*. Ekaterinburg: Akva-Press, 31–34.
- Avdeeva Y.N., & Degtyarenko K.A. (2021) Vizualizaciya obraza ketov kak sovremennaya kul'turnaya praktika [Visualization of the image of the Kets as a modern cultural practice]. In *Severnnye arhivy i ekspedicii* [Northern archives and expeditions], 5(2), 16–31. DOI:10.31806/2542-1158-2021-5-2-16-31.
- Avdeeva, Y.N., Degtyarenko, K.A., Kolesnik, M.A., et al. (2020). Architectural Space in the Paintings by Vincent van Gogh. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 13 (6), 838–859.
- Avdeeva, Y.N., Degtyarenko, K.A., Koptseva, N.P. (2020). Compensatory role of symbolic mediators in constructing ethnocultural identity. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 13(5), 702–715.
- Barkova L.L. (1990) *Obraz olenja v iskusstve drevnego Altaja (po materialam Bol'shih Altajskih kurganov)* [The image of a deer in the art of ancient Altai (based on the materials of the Great Altai Mounds)]. In *ASGJe*, 30, 55–66.
- Bojarskij P.V. (1990) *Vvedenie v pamjatnikovedenie* [Introduction to Monument studies]. Moscow.
- Chekha A.N. (2019). Kamennaya industriya sloya 2 stoyanki Ust'e Reki Kutarei (Severnoe Priangar'e) [Stone industry of layer 2 of the site Mouth of the Kutarei River (Northern Priangarye)]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History. Philology], 18 (3), 62–73.

Djachkov A. N. (1990) Monumenty v sisteme predmetnogo mira kul'tury [Monuments in the system of the objective world of culture]. In *Monumenty i sovremennost': Monumenty v kontekste istoriko-kul'turnoj sredy*. Moscow. Pp. 41–52.

Dobzhanskij, V.N. (1990). *Nabornye pojasa kochevnikov Azii [Typesetting belts of Asian nomads]*. Novosibirsk: NGU, 164.

Dudarek S. P., Lokhova D. N. (2014). Pogrebal'nye komplekсы bronzovogo veka Severnogo Priangar'ya. Voprosy khronologii i kul'turnoi prinadlezhnosti [Burial complexes of the Bronze Age in the Northern Angara region. Questions of chronology and cultural affiliation]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya» [Bulletin of the Irkutsk State University. Series «Geoarcheology. Ethnology. Anthropology»]*. Vol. 7, 54–80.

Formozov, A.A. (1980) *Pamyatniki pervobytnogo iskusstva na territorii SSSR [Monuments of primitive art on the territory of the USSR]*. Moscow, 136.

Garkusha, Yu. N., Grishin, A. E., Marchenko, Zh. V. (2013). Srednevekove pogrebal'nye komplekсы mogil'nika Kaponir (Severnoe Priangar'e) [Medieval burial complexes of the Kaponir burial ground (Northern Priangarye)]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History. Philology]*, 12 (5), 221–232.

Gorbunova T. G., Tishkin A. A., Gorbunova T. G., Havarin S. V. (2009) Srednevekove ukrasheniya konskogo snarjazheniya na Altae: morfologicheskij analiz, tehnologii izgotovleniya, sostav splavov: monografija [Medieval decorations of horse equipment in Altai: morphological analysis, manufacturing technologies, composition of alloys: monograph]. Barnaul: Azbuka, 144.

Kamenskij, S. YU. (2008) Arheologicheskie pamyatniki kak ob'ekty kul'turnogo naslediya (aksiologicheskij aspekt) [Archaeological sites as objects of cultural heritage (axiological aspect)] // *Izvestiya Ural'skogogosudarstvennogo universiteta*. № 55. Ser. 2, 16–25.

Kir'janov I. J. (1979) Sistematizacija, principy otbora i vyjaveniya pamjatnikov trudovoj slavy russkogo naroda [Russian people's monuments of labor glory, systematization, principles of selection and identification of monuments of labor glory of the Russian people]. In *Monumenty trudovoj slavy russkogo naroda*, 5–7.

Kistova, A.V. (2020). Sinteticheskaya model' kul'tury i kul'turnye praktiki [Synthetic model of culture and cultural practices], In *Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2 (6), 111–121.

Kistova, A.V., Pimenova, N.N., Reznikova, K.V., et other (2019). Religion of dolgans, nganasans, nenets and enets. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 12(5), 791–811.

Kistova, A., Pimenova, N., Reznikova, K., et other (2016). Place management: Decoding the visual image of a Siberian city. In *Journal of Applied Economic Sciences*, 11(6), 1143–1155.

Kogai S. A., Berdnikov I. M. (2013). Neoliticheskie materialy mestonakhozhdeniya Derevnja Martynova (Severnoe Priangar'e) [Neolithic materials from the Martynova village (North Angara region)]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya [Bulletin of the Irkutsk State University. Series: Geoarcheology. Ethnology. Anthropology]*, (2), 124–136.

Kolesnik, M.A., Libakova, N.M., Sertakova, E.A. (2018). Enets language in the studies of domestic and foreign scientists, In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 11(4), 546–560.

Koptseva, N., Reznikova, K.V., Razumovskaya, V.A. (2018). The construction of cultural and religious identities in the temple architecture. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 11 (7), 1021–1082.

Kostrykina, N.V. (2021). Tvorchestvo krasnoyarskogo dokumentalista I. Zajcevoj kak fenomen regional'noj i nacional'noj kul'tury [Creativity of the Krasnoyarsk documentary filmmaker I. Zaitseva as a phenomenon of regional and national culture], In *Severnnye arhivy i ekspedicii [Northern archives and expeditions]*, 5(2), 103–112. DOI:10.31806/2542–1158–2021–5–2–103–112.

Kulemzin A. M. (2001) *Ohrana pamjatnikov RF kak istoriko-kul'turnoe javlenie [Protection of monuments of the Russian Federation as a historical and cultural phenomenon]*. Tomsk.

Leshchinskaya, N.M. (2021). Kul'turologicheskie podhody k analizu proizvedenij dekorativno-prikladnogo iskusstva [Cultural approaches to the analysis of works of arts and crafts arts]. In *Severnye arhivy i ekspedicii* [Northern archives and expeditions], 5 (2), 9–15. DOI:10.31806/2542–1158–2021–5–2–9–15.

Lipec R. S. (1984) Obrazy batyra i ego konja v tjurko-mongol'skom jepose [Images of a batyr and his horse in the Turkic-Mongolian epic]. Moscow, 67.

Lokhov D. N., Dudarek S. P. (2017). Istoriya izucheniya neolita i bronzovogo veka Severnogo Priangar'ya: chast' 1 (XVIII v.– 20–30-e gg. Xx V.) [The history of the study of the Neolithic and Bronze Age of the Northern Angara region: part 1 (XVIII century – 20–30s. XX century)]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of the Irkutsk State University. Series: Geoarcheology. Ethnology. Anthropology], 22, 102–123.

Maslov S. E. (1952) *Enisejskaja pis'mennost' tjurkov* [Enisei writing of the Turks]. Moscow, Lenin-grad, 95.

Maslova G. S. (1984) *Narodnaja odezhda v vostochnoslavjanskikh tradicionnyh obyčajah i obrjadah XIX – nachala XX vv.* [Folk clothing in East Slavic traditional customs and rituals of the XIX – early XX centuries]. Moscow, 46.

Mify, predaniya, skazki hantov i mansi [Myths, legends, fairy tales of the Khants and Mansi]. (1990). Moscow, 301–302.

Mihajlovskij E. V. (1981) Restavracija pamjatnikov arhitektury [Restoration of architectural monuments]. In *Mihajlovskij Vosstanovlenie pamjatnikov kul'tury*. Moscow.

Molodkina A. V. (2007) K voprosu o fenomenologii pamjati (na primere arhitekturno-pri-rodnogo monumenta) [On the question of the phenomenology of memory (on the example of an architectural monument)]. In *Vestnik Stolichnogo un-ta. Filosofija*, 6.

Murasheva V. V. (2000) *Drevnerusskie remennye nabornye ukrashenija (H–XIII vv.)* [Ancient Russian belt-mounted ornaments (X–XIII centuries)], 136.

Okladnikov A. P. (1974) *Neoliticheskie pamyatniki Angary (ot Shchukino do Bureti)* [Neolithic monuments of Angara (from Shchukino to Buret)]. Novosibirsk, 318 p.

Rabinovich M. G. (1986) *Drevnerusskaja odezhda IX–XIII vv.* [Ancient Russian clothing of the IX–XIII centuries.] In *Drevnjaja odezhda narodov Vostochnoj Evropy*. Moscow, 85.

Raevskij D. S. (2006) *Mir skifskoj kul'tury* [The world of Scythian culture]. Moskva: Jazyki slavjanskikh kul'tur. P. 600.

Raevskij D. S. (2006) *Mir skifskoj kul'tury* [The world of Scythian culture]. Moskva: Jazyki slavjanskikh kul'tur, 600.

Savvaitov P. I. (1896) *Opisanie starinnyh russkikh utvarej, odezhd, oruzhija, ratnyh dospehov i kon-skogo pribora, v azbuchnom porjadke raspolozhennoe* [Description of ancient Russian antiques, clothes, weapons, military armor and horse equipment, arranged in alphabetical order]. 355.

Selezneva E. N. (1990) Istoriko-kul'turnaja sreda kak sreda pamjati [Historical and cultural environment as a medium of memory]. In *Monumenty i sovremennost': Monumenty v kontekste istoriko-kul'turnoj sredy*. Moscow.

Senotrusova, P. O., Mandryka, P. V., Poshekhonova, O. E. (2014). Osobennosti pogrebal'noi obryadnosti srednevekovogo naseleniya Severnogo Priangar'ya (po materialam mogil'nika Prospikhinskaya Shivera IV) [Features of the funeral rituals of the medieval population of the Northern Angara region (based on materials from the Prospikhinskaya Shivera IV burial ground)]. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], (1 (24), 103–114.

Shimanskaya, K. I. (2020). Art-mediator kak uchastnik hudozhestvennoj kommunikacii [Art mediator as a participant in artistic communication]. In *Severnye Arhivy i Ekspedicii* [Northern archives and expeditions], 4(4), 109–115. DOI:10.31806/2542–1158–2020–4–4–109–115.

Shmidt E. (1989) *Tradicionnoe mirovozzrenie severnykh obshchinyh ugrov po materialam kul'ta medvedja* [The traditional worldview of the northern Ob Ugrians based on the materials of the bear cult]. Leningrad, 18.

Sitnikova, A. A., & Li, S. (2020), Tri kartiny kitajskih sovremennykh hudozhnikov gorodskogo okruga Hulunbuir (avtonomnyj rajon Vnutrennyaya Mongoliya) [Three paintings by contemporary Chinese art-

ists from Hulunbuir Urban District (Inner Mongolia Autonomous Region)]. In *Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 4(3), 118–129. DOI: 10.31804/2542–1816–2020–4–3–118–129.

Slavinskii, V. S., Anoikin, A. A., Rybalko, A. G., Kazakova, E. A., & Milyutin, K. I. (2012). Arkheologicheskie komplekсы stoyanki Koda-3 (Severnoe Priangar'e) [Archaeological complexes of the Koda-3 site (Northern Priangarye)]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History. Philology]*, 11 (7), 194–205.

Sychev D. V. (1973) *Iz istorii kalmyckogo kostjuma [From the history of the Kalmyk costume]*. Jelista, 70.

Tishkin A. A. (2010) *Torevtika v drevnih i srednevekovyh kul'turah Evrazii: sbornik trudov [Torevtics in ancient and medieval cultures of Eurasia: a collection of works]*. Barnaul: Azbuka, 188.

Tradicionnoe mirovozzrenie tjurkov Juzhnoj Sibiri [The traditional worldview of the Turks of Southern Siberia]. (1988). 183.

Tulchinskij G. L. (2018) K probleme smysla v social'noj semiotike: glubokaja semiotika kak konceptual'noe rasshirenie social'noj semiotiki [On the problem of meaning in social semiotics: Deep Semiotics as a conceptual extension of social semiotics]. In *Slovo.ru: Baltijskij accent*, 4, 15–26.

Vasil'evskii R. S. (1978) Arkheologicheskie issledovaniya na Srednei Angare (nekotorye predvaritel'nye rezul'taty rabot Angaro-Ilimskoi ekspeditsii 1967–1974 gg.) [Archaeological research in the Middle Angara (some preliminary results of the work of the Angara-Ilim expedition 1967–1974)]. In *Drevnie kul'tury Priangar'ya*. Novosibirsk, 131–150.

Vasil'evskii R. S. (1988) *Arkheologicheskie pamyatniki Severnogo Priangar'ya [Archaeological sites of the Northern Angara region]*. Novosibirsk: Nauka, 225 p.

Vygotskij L. S. (2017) *Psihologija iskusstva [Psychology of art]*. St. Petersburg, 320.

DOI: 10.17516/1997-1370-0855
УДК 314.742

What Migrants Do Economically Developed Countries Attract and How They Do It: Analysis of International Cases

Nataliya S. Ivanova, Evgeni A. Varshaver
and Anna L. Rocheva*

*Group for Migration and Ethnicity Research
Center for Regional Research and Urban Studies of
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Moscow, Russian Federation*

Received 18.10.2021, received in revised form 23.11.2021, accepted 30.11.2021, published online 02.12.2021

Abstract. The modern stage of the migration history of humankind implies that migrants are considered a resource for demographic and economic development, and economically developed countries are fighting for migrant human capital, designing and implementing various mechanisms to maximize the flow of migrants with characteristics that will contribute to the development of the host country. At the moment, Russia does not fully participate in this global competition, and the question of how to do this most effectively requires careful scrutiny of the extensive experience that economically developed countries have accumulated in this area. The aim of the article, therefore, is to describe exactly which migrants, on what grounds and through what mechanisms, have been attracted by the host societies starting from the second half of the 20th century. The article identifies five main types of migrants, which quite often become the object of interest of economically developed countries and, as a result, special efforts to attract them: «compatriots», «qualified migrants», «students», «temporary labor migrants» and «humanitarian migrants.» Each type is described in terms of what demand of the host society it can help to respond to and what tools are used to attract it, and is also illustrated by the example of one of the host countries working effectively with this type of migrants. In conclusion, the article discusses what measures can help Russia join the global competition for migration resources.

Keywords: attraction of migrants, compatriots, qualified migrants, students, temporary labor migrants, humanitarian migrants.

The article is written on the basis of research work within the framework of the state assignment of the RANEPA for 2021.

Research area: sociology.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: natalya.ivanova.0709@gmail.com, varshavere@gmail.com, anna.rocheva@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1140-2334 (Ivanova); 0000-0002-5901-8470 (Varshaver); 0000-0002-3181-9698 (Rocheva)

Citation: Ivanova, N.S., Varshaver E.A. Rocheva A.L. (2022). What migrants do economically developed countries attract and how they do it: analysis of international cases. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(6), 811–825. DOI: 10.17516/1997-1370-0855

Каких мигрантов привлекают экономически развитые страны и как они это делают: анализ международного опыта

Н.С. Иванова, Е.А. Варшавер, А.Л. Рочева

*Группа исследований миграции и этничности
Центр региональных исследований и урбанистики
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ
Российская Федерация, Москва*

Аннотация. Современный этап миграционной истории человечества предполагает, что мигранты рассматриваются как ресурс демографического и экономического развития, а развитые страны борются за мигрантский человеческий капитал, разрабатывая и внедряя разного рода механизмы для максимизации потока мигрантов с такими характеристиками, которые будут способствовать развитию принимающей страны. На сегодняшний момент в этой глобальной конкуренции Россия в полной мере не участвует, и вопрос о том, как включиться в нее с наибольшим позитивным эффектом, требует рассмотрения того солидного опыта, который в этой части накопили экономически развитые страны. Задача статьи, таким образом, состоит в том, чтобы описать, каких именно мигрантов, на каких основаниях и посредством каких механизмов привлекали принимающие общества начиная со второй половины XX века. В статье выделяются пять основных типов мигрантов, которые достаточно часто становятся объектом интереса экономически развитых стран и, как следствие, специальных усилий по их привлечению и отбору: «соотечественники», «квалифицированные мигранты», «студенты», «временные трудовые мигранты» и «гуманитарные мигранты». Каждый тип описывается с точки зрения того, какие потребности принимающего общества он может помочь закрыть и какие инструменты применяются для его привлечения, а также иллюстрируется примером одной из принимающих стран, эффективно с этим типом мигрантов работающих. В заключении обсуждается, какие меры могут помочь России включиться в глобальную конкуренцию за миграционные ресурсы и занять в ней достойное место, а также на какие типы мигрантов нашей стране стоит обратить внимание в первую очередь.

Ключевые слова: привлечение мигрантов, соотечественники, квалифицированные мигранты, студенты, временные трудовые мигранты, гуманитарные мигранты.

Статья написана на основании научно-исследовательской работы в рамках государственного задания РАНХиГС на 2021 г.

Научная специальность: 22.00.00 – социологические науки.

Введение

Последние десятилетия характеризуются существенными изменениями в том, что касается концептуальных подходов к миграции и миграционной политике в экономически успешных странах. До Второй мировой войны – в период концептуального расцвета национальных государств – миграция не рассматривалась как что-то полезное для общества и ограничивалась частью – и это касается прежде всего неевропейских стран: к «полезной» миграции относилась только миграция из бывших метрополий и других европейских стран, а приезд мигрантов из прочих стран мира считался нежелательным и зачастую был запрещен на законодательном уровне. Закон об иммиграции и гражданстве, принятый в США в 1965 году, а также ряд аналогичных законов, принятых в других странах, например Канаде и Австралии, ознаменовали переход к новой эпохе в миграционной истории человечества, в рамках которой мигранты рассматриваются как ресурс демографического и экономического развития, и развитые страны борются за мигрантский человеческий капитал вне зависимости от страны его происхождения и «культурного сходства» с населением принимающей страны. Это, впрочем, не значит, что страны совсем не выбирают мигрантов. Современные эффективные миграционные политики – это система стимулов и фильтров, которая позволяет максимизировать приток человеческого капитала на разных основаниях и использовать его наиболее эффективным образом для развития страны.

Российская миграционная политика в настоящее время носит консервативный и преимущественно фильтрующий характер. Будучи, по сути, дополнением к демографической и экономической политике, она рассматривает мигрантов исключительно в качестве «вспомогательного средства для решения демографических проблем и связанных с ними экономических проблем» (Указ Президента ..., 2018). Фактически же Россия ограниченно способствует переселению т. н. соотечественников из стран ближнего и дальнего зарубежья и, в целом, не мешает притоку «инокультурных ми-

грантов» из стран СНГ – частью в качестве рабочей силы, частью в качестве постоянных жителей. Демографические и экономические прогнозы, однако, указывают на то, что делать ставку на естественное воспроизводство – ошибочная стратегия, и единственный способ преодолеть демографические ограничения экономического роста – это привлечение мигрантов, более того – значительно более интенсивное, чем сейчас (Vishnevsky, 2013; Демография, 2021). Это, в свою очередь, означает, что России как минимум необходимо рассмотреть иные «миграционные резервуары», нежели она использует сейчас, оценить возможности, которые дает привлечение мигрантов из «новых» стран, а также риски, с которыми это привлечение сопряжено. В перспективе это позволило бы России включиться в конкуренцию за мигрантов и при должных усилиях в этой конкуренции преуспеть. Любой иной сценарий предположительно приведет к демографическим потерям и экономическому отставанию.

Вызовы, с которыми сталкивается наша страна, в этом смысле далеко не уникальны, и изучение опыта развитых стран позволит «срезать углы», о которые ударялись общества, бывшие в вопросе привлечения мигрантов пионерами. В этой статье мы попробуем подойти к этому вопросу максимально широко и описать, каких именно мигрантов, на каких основаниях и посредством каких механизмов привлекали принимающие общества со второй половины XX века. Мы выделили пять основных типов мигрантов, которые достаточно часто становятся объектом интереса этих стран и, как следствие, специальных усилий по их привлечению и отбору: соотечественники, квалифицированные мигранты, студенты, временные трудовые мигранты и гуманитарные мигранты. Эти названия носят условный и не всегда корректный характер, однако именно они закрепились в общественном дискурсе о миграции и будут использованы в этой статье. Каждый тип – кроме общего описания – иллюстрируется страновым примером. В заключении статьи будут приведены рассуждения относительно

но позиции России на глобальном рынке мигрантов и возможностей по уточнению миграционной политики.

Теоретическая рамка исследования

Эта работа находится в контексте исследований, посвященных, с одной стороны, миграционным потокам, с другой – миграционной политике и ее ограничениям. Миграционные потоки и их детерминанты – классическая тема в исследованиях миграции. Считается, что теория миграции началась с работ Э. Равенштайна, в которых он сформулировал т. н. законы миграции, стремившиеся объяснить миграционные потоки в Великобритании конца XIX века (Ravenstein, 1885). Последующая теория миграции носила дисциплинарный характер, и только в XXI веке исследователи стали предпринимать повторные попытки выявить детерминанты миграции во всем их множестве. Последней и наиболее полной работой в этом направлении стала выпущенная в 2020 году статья за авторством М. Чайки и К. Рейнпрехта, в которой они на основании метаанализа более чем 600 работ выявили 24 фактора, посредством которых исследователи объясняли миграционные потоки, и сгруппировали их по девяти измерениям (Czaika, Reinprecht, 2020). Среди этих измерений – демография, экономика, окружающая среда, человеческое развитие, индивидуальные характеристики, политические институты, безопасность, социально-культурная сфера, наднациональные явления. В другой работе за авторством Дагласа Мэсси подводятся содержательные итоги 150 лет исследований миграции и формулируются выводы относительно миграционных потоков и закономерностей, лежащих в их основании (Massey, 1999). Согласно этой работе, например, наиболее интенсивная миграция происходит далеко не из самых бедных стран и социальных групп в этих странах – мигрируют «высший нижний» и «нижний средний» классы как среди стран, так и внутри них. Связано это с тем, что миграция – это предприятие, на которое требуются деньги, более того, чтобы она произошла, отправляющая страна должна

быть включена в глобальную капиталистическую систему. В этой же работе приводятся закономерности, описывающие то, каким именно образом миграционная политика способна воздействовать на миграционные потоки. Основным общим выводом состоит в том, что у современных государств, несмотря на их кажущуюся мощь, инструментов радикальным образом изменить миграционную ситуацию мало. Это не значит, впрочем, что миграционная политика проходит без последствий для миграционных потоков, однако эффектом ее являются т. н. непреднамеренные последствия. Так, например, попытка прекратить миграцию из Мексики в США, носившую на тот момент циркулярный характер (в этом смысле она была похожа на миграцию из стран Средней Азии в Россию), привела к тому, что мексиканцы, испугавшись того, что они больше в США не въедут, отказались выезжать, и это привело к первому в этом контексте кризису нелегальных мигрантов. Миграционные потоки, таким образом, согласно этим обобщениям, детерминированы гораздо более мощными силами, чем миграционная политика государств, однако одновременно с этим можно утверждать, что, принимая эти силы во внимание, государства могут способствовать тому, чтобы миграционные потоки соответствовали их потребностям.

Методология исследования

Исследование осуществлено кабинетными методами, прежде всего путем анализа релевантной литературы. Сочетались индуктивные и дедуктивные методы анализа, в частности, исследователи, отталкиваясь от уже знакомых им по другим исследованиям страновым случаям, подбирали литературу для более глубокого их изучения; затем в ходе коллективного анализа формулировались обобщения и новые случаи, равно как и литература, подбирались исходя из сделанных обобщений и обнаруженных пробелов в понимании. Этот процесс аналогичен процедурам, известным как создание теоретической выборки в рамках обоснованной теории А. Стросса, Б. Глейзера и Дж. Корбин (Glaser, Strauss,

1967; Страусс, Корбин, 2001). Литература была организована в кейсбук, каждая строчка которого источник, а столбец либо его конспект, либо более частный элемент его описания. Всего в кейсбуке 74 строчки. Выводы, сделанные по результатам анализа литературы и случаев, верифицировались всеми соавторами статьи.

Результаты исследования

В этом разделе каждый тип будет детально описан на предмет общей логики, в рамках которой потребность в нем испытывают современные государства, и механизмов привлечения и отбора мигрантов, к нему относящихся, а затем для каждого типа будут приведены страновые примеры. Тип «соотечественники» будет проиллюстрирован случаем Израиля, «квалифицированные мигранты» – Сингапуром, «студенты» – Германией, «временные трудовые мигранты» – Южной Кореей, а «гуманитарные мигранты» – Швецией.

«Соотечественники»

Представления о «своих» и «чужих», пропущенные через призму вестфальского порядка, породили довольно причудливую категорию, которую можно обозначить как «соотечественники, проживающие за рубежом», или «диаспора». В эту совокупность те или иные группы людей включаются с известной долей условности и приблизительности, однако общая логика состоит в том, что это люди, когда-то уехавшие из страны, их ныне «собирающей», или же их потомки. Эта категория во многих странах с эксплицитной миграционной политикой является приоритетной к переезду, и тому есть хорошее объяснение на стыке экономического и институционального подхода. Так, в той мере, в какой миграция является экономической и демографической потребностью развивающихся обществ, политики вынуждены так или иначе думать над «резервуарами» миграции. Вместе с тем, обычно миграция – тема в политическом смысле взрывоопасная, и, поскольку политики среди прочего пытаются обезопасить себя, среди всех иностранцев они выбирают тех,

к переезду которых в принимающем обществе отнесутся с наименьшим напряжением. Вот поэтому от контекста к контексту именно «соотечественники» оказываются приоритетными мигрантами. Но кто в разных контекстах считается соотечественником? Зачастую это люди, или «практикующие» культуру принимающей страны вдали от нее, или те, кто может доказать свое родство с теми, кто когда-то оттуда уехал, при том, что зачастую сделать это сложно, не говоря о том, что часто на территории нынешней «собирающей» страны были совсем другие политические образования. В результате, скажем, Германия, которая начиная с послевоенного периода активно привлекает «соотечественников», ориентируется скорее на членство предков потенциального «соотечественника» в немецких общинах и на то, определялся ли он в качестве «немца» в эмиграции (Dietz, 1999). Наиболее выраженным примером политики привлечения «соотечественников», равно как и мифологичности представления о том, кто именно считается таковым, является случай Израиля.

Евреями на протяжении последних двух тысячелетий назывались члены конфессиональных общин, исповедовавших иудаизм. Членство в этих общинах не было непроницаемым, и частью такие общины занимались активным прозелитизмом, а частью в иудаизм нееврейские сообщества переходили вне связи с активными усилиями еврейских общин, но вместе с тем во многих контекстах эти общины сохраняли существенную культурную автономию и эндогамию на общинном уровне. В конце XIX века на волне расцвета идеологии национализма евреи начинают рассматриваться как один из народов мира и появляется сионистское движение, цель которого состоит в создании еврейского государства, которое руководители этого движения решают разместить на территории, известной как Палестина и бывшей на тот момент частью Османской империи. Эта территория была выбрана в связи с тем, что, согласно бытовавшим в еврейских общинах представлениям, в 70 году н. э. предки членов

этих общин были изгнаны оттуда армией Римской империи. В первой половине XX века осуществляется активное заселения евреями этой территории, и в 1948 году провозглашается создание Израиля, в первые годы существования которого принимается т. н. закон о возвращении. Его суть состоит в том, что каждый еврей может «вернуться» в Израиль (Закон о Возвращении, 1950) и ему в этом будет оказана всяческая поддержка, относящаяся к самому акту переезда, а также к последующей «абсорбции» в израильском обществе. Те же, кто покинул Израиль с начала последовавшей за созданием государства войны, а речь шла в основном об арабском населении, лишаются земельной собственности (Absentees' Property Law, 1950) и, в целом, возможности вернуться туда, где они жили до войны (Abu Shakrah, 2000). Таким образом, в миграционной политике Израиль ориентировался не на факт проживания людей на этой территории, а исключительно на миф о связи между этой территорией и общинами евреев, существовавшими в XX веке.

Иммиграция евреев в Израиль называется «репатриация», или «возвращение», ответственной за нее является специальное министерство – Министерство репатриации и интеграции (Министерство алии и интеграции б. д.), которому в отправляющих странах оказывают разного рода поддержку еврейские некоммерческие организации, самый известный здесь Сохнут (Алия б. д.). Задача таких организаций – «разбудить еврейское самосознание», т. е. фактически объяснить тем, у кого, по мнению Израиля, есть «еврейские корни», что они на самом деле евреи, а значит, могут переехать в Израиль на постоянное место жительства. Основным методом такой работы служат разного рода культурные мероприятия, в т. ч. направленные на молодежь. Хотя эмиграция евреев в Израиль не единственная цель функционирования таких организаций, формирование среди евреев желания это сделать, без сомнения, относится к ключевым. Желаящие «репатрироваться» обращаются в израильское консульство, где они доказывают принад-

лежность своих родственников по восходящей линии (а значит, и свою) к евреям. Далее консульство обеспечивает покупку «новым репатриантам» билета до Израиля, и там, получив соответствующий статус, они оказываются объектом уже интеграционной политики, в частности в течение определенного времени получают «подъемные», а также различные льготы, бесплатно учат иврит и имеют возможность получить высшее образование. Всего за время существования Израиля этим или иным образом было привлечено порядка 3,3 миллиона человек (Immigration to Israel ..., 2020).

«Квалифицированные мигранты»

До определенного момента – по причине нераспространенности высшего образования или в связи со спецификой труда в индустриальную эпоху – принимающие страны рассматривали мигрантов почти исключительно как ресурс демографического развития и рабочую силу. Период после Второй мировой войны и далее характеризуется тем, что страны начали конкурировать за т. н. квалифицированных мигрантов. Последние понимались, в целом, в двух смыслах: во-первых, как имеющие некоторый уровень образования, в т. ч. профессионального вне зависимости от специализации, во-вторых, как имеющие некоторую квалификацию, необходимую в каждый момент времени для развития принимающей страны. Именно этот принцип заложен в т. н. балльную систему, которую, в частности, используют такие страны, как Канада и Австралия. Важно, однако, что «квалифицированные мигранты» – это одна из самых требовательных и «калькулирующих» категорий, и страны, активно таких мигрантов привлекающие, прекрасно понимают, что они находятся в ситуации жесткой конкуренции за миграционный ресурс. Успех в этой конкуренции зависит частью от разного рода показателей страны, напрямую с миграцией не связанных (например, экономического развития или качества политических институтов), частью – от усилий страны, непосредственно нацеленных

на привлечение мигрантов (Tabor et al., 2015). К последним относятся, например, упрощение процедуры признания квалификации, а также создание гибкой системы статусов для иностранцев, в т. ч. сопряженных с получением гражданства. В каждом конкретном случае, впрочем, различить два этих блока факторов сложно, более того, часть стран в своем экономическом развитии делает ставку в первую очередь на мигрантов, и, скажем, руководство эмирата Дубай сознательно создает городскую среду, привлекательную для потенциальных мигрантов. Рассмотрим способы привлечения «квалифицированных» мигрантов на еще одном классическом примере – примере островного государства Сингапур.

Двухвековая история этого когда-то исключительно портового города тесно связана с миграцией. Долгое время Сингапур входил в состав Британской империи, из других частей которой, а также из Китая в портовый город приезжали мигранты, преимущественно низкоквалифицированные. Массовый приток высококвалифицированных мигрантов начался в 1980-х годах, когда правительство тогда уже независимого Сингапура провозгласило переход к экономике, основанной на знаниях, и на сегодняшний день в этом островном государстве самая высокая в мире пропорция квалифицированного иностранного человеческого капитала к местному. В 1988 году стартовала первая программа, призывающая переехать в Сингапур специалистов из Гонконга, а в дальнейшем список стран, откуда приглашались квалифицированные мигранты, был расширен – так было положено начало политики по привлечению иностранных талантов. Основополагающая программа в рамках этой политики «Manpower 21: Vision of a Talent Capital» (Manpower 21 ..., 1999) определяла, что Сингапур должен обеспечить среду для высококвалифицированных работников, поддерживать предпринимателей и продвигать получение качественного образования и профессиональных навыков иностранцами в Сингапуре. Работа по привлечению велась в двух направлениях. В рамках первого направле-

ния Сингапур распространял информацию о возможностях трудоустройства в Сингапуре, для чего было создано специальное агентство с офисами по всему миру, и о возможностях получения образования в сингапурских вузах, включая стипендиальные программы для иностранных студентов. Постепенно эта информация стала распространяться и посредством «сарафанного радио». Вторым направлением миграционной политики по привлечению иностранных талантов стало совершенствование бюрократической системы для специалистов из-за рубежа. В частности, было разработано четыре типа резидентных статусов для иностранцев, один из которых (PER – Personalized employment pass) предназначен для высококвалифицированных специалистов или людей с высоким доходом, получить его можно в индивидуальном порядке без «привязки» к работодателю, а обработка заявки в онлайн-формате, как правило, занимает семь рабочих дней (Eligibility and requirements... n. d.). Это позволило сократить бюрократические проволочки при получении статуса высококвалифицированными специалистами, желающими работать в Сингапуре. Важно также, что государство сделало ставку на развитие городской инфраструктуры (экологической обстановки, здравоохранения, транспорта), культурной городской жизни, а также снизило налоги для лиц с высокими доходами. В целом, усилия Сингапура по привлечению квалифицированных специалистов привели к тому, что на сегодняшний день Сингапур считается одной из самых популярных стран для переезда образованных мигрантов (Potential Net Migration Index n. d.).

«Студенты»

Страны, которые нацелены на привлечение человеческого капитала, часто ориентируются не только на «готовых» профессионалов, но и на студентов. Расчет миграционной политики, направленной на эту категорию, обычно состоит в том, что студенты менее привередливы, чем уже «готовые» профессионалы, и что их адап-

тация к принимающему обществу, проходя в стенах университета, будет, в целом, эффективнее. Эта эффективность обусловлена тем, что иностранные студенты обычно моложе, чем квалифицированные мигранты, а более молодой возраст способствует более легкой интеграции, а кроме того, получение образования в другой стране, как правило, предполагает изучение ее языка, знакомство с ее основными институтами, включая рынок труда и жилья, а также приобретение культурных компетенций и социальных связей как с другими мигрантами, так и с местными. Кроме того, иностранные студенты, желающие после окончания обучения найти работу в принимающей стране, не сталкиваются с необходимостью прохождения каких-либо специальных процедур для признания своих дипломов, а значит, их трудоустройство происходит легче. Заинтересованные в привлечении иностранных студентов страны вводят стипендиальные программы, позволяют студентам работать во время получения образования и стараются облегчить переход из статуса студента в статус квалифицированного мигранта с полноценным доступом к рынку труда. В число стран с наибольшим количеством иностранных студентов входит Германия – рассмотрим этот кейс подробнее.

Начиная с периода «немецкого экономического чуда» после Второй мировой войны Германия активно принимает мигрантов, однако в зависимости от времени категории этих мигрантов менялись: масштабный приток, как предполагалось, «временных» трудовых мигрантов сменился миграцией членов их семей, после которых Германия стала принимать гуманитарных мигрантов, а также этнических немцев и евреев из стран бывшего СССР, а с начала 2000-х годов – иностранных студентов. Привлечение иностранных студентов объясняется в рамках двух разных прагматик: с одной стороны, иностранные студенты рассматриваются как демографический ресурс, потенциальные квалифицированные мигранты с высоким интеграционным потенциалом, с другой – увеличение числа иностранных студентов – это часть про-

цесса интернационализации немецкого образования, который предполагает не только привлечение студентов из-за рубежа, но и интенсификацию обучения немецких студентов в других странах, а также стимулирование научного международного обмена. Обе цели эксплицитно проявились в немецкой миграционной политике с начала 2000-х годов (Hoffmeyer-Zlotnik, Grote, 2019; Wolter, 2020) с принятием соответствующих законодательных инициатив, первым из которых считается принятый в 2005 году Иммиграционный Акт, который облегчал правила пребывания иностранных студентов в Германии. В начале 2000-х годов Германия поставила цель, согласно которой к 2020 году число иностранных студентов должно достигнуть 350 000 человек, и эта цель была достигнута на три года раньше (Trines, 2019). Более того, по числу иностранных студентов Германия лидирует среди неанглоязычных стран. Такая популярность Германии среди иностранных студентов объясняется не только эффективностью работы по их привлечению, которая проводится на федеральном уровне, уровне земель и отдельных университетов, не только большим числом щедрых стипендиальных и подготовительных программ и высоким качеством образования, но и его доступностью: еще в 1976 году в Западной Германии был принят закон, который запрещал взимание платы за обучение, а сегодня он действует практически во всех немецких землях. В результате, получение образования в Германии вне зависимости от гражданства не требует больших затрат. Кроме того, к мерам по привлечению иностранных студентов можно отнести принятый в 2012 году закон, в соответствии с которым срок, в течение которого иностранные выпускники немецких университетов могут искать работу в Германии, увеличился с 12 до 18 месяцев. Если в течение этого времени им удастся найти работу, соответствующую их специальности и удовлетворяющую требованиям к доходу, они могут получить «голубую карту» – документ, который переводит иностранца в категорию высококвалифицированных специалистов,

открывает доступ к рынку труда не только Германии, но и других стран ЕС, а также предоставляет возможность привезти членов семьи (FAQ... n. d.).

«Временные трудовые мигранты»

Самая многочисленная категория мигрантов – это те, кого в соответствии с по-разному измеряемым уровнем квалификации, дохода или образования относят к неквалифицированным мигрантам или называют временными трудовыми мигрантами. Все эти определения, однако, отличаются высокой степенью условности. В принимающей стране мигранты могут занимать рабочие места, не соответствующие их более высокому уровню квалификации, в свете того что «транзит» квалификации в миграции далеко не всегда носит совершенный характер, а также соглашаться на уровень дохода, который считается низким в принимающей стране и довольно высоким – в отправляющей. Что же касается временности, то исторические примеры – прежде всего привлечение мигрантов по программам «гастарбайтеров» в послевоенную Европу – показывают, что миграция, которая рассматривается принимающими странами как временная, всегда порождает миграцию постоянную (Castles, 1986). В целом, позиция этой категории мигрантов в принимающем обществе двояка: с одной стороны, в них нуждается рынок труда, поскольку даже самая высокотехнологичная экономика предполагает рабочие места, которые будут считаться низкооплачиваемыми, непрестижными и «грязными» и заполнить которые местными жителями по разным причинам слишком дорого или просто невозможно. С другой стороны, редкие принимающие общества готовы к тому, что такие мигранты могут становиться их полноправными членами, в результате чего чаще всего привлечение таких мигрантов идет рука об руку со строгими ограничениями, накладываемыми на время, которое они могут провести в принимающей стране, и на возможности для их интеграции и натурализации. Привлечение «временных трудовых» мигрантов может происходить дву-

мя основными способами. В соответствии с первым принимающая страна вводит требования для отбора иностранных работников, разрабатывает правила их пребывания на своей территории, включая разного рода ограничения, и открывает для них границы. Второй способ предполагает систему организованного набора на базе специально заключенных межгосударственных двусторонних соглашений и рассматривается как требующий более высокой вовлеченности принимающего государства и дающий большую степень контроля над миграционными потоками. Примером страны, привлекающей эту категорию мигрантов вторым способом, является Южная Корея.

Долгое время Южная Корея считалась страной эмиграции и только к концу XX века в связи с периодом экономического развития и политической стабильности 1980-х годов изменила свой статус на иммиграционный. Приток иностранной рабочей силы в 1990-е годы заставил Корею озаботиться разработкой миграционной политики, в результате чего в 2003 году была введена система разрешений на работу EPS (Employment Permit System) (Oh et al., 2012; Cho et al., 2018), в рамках которой иностранные рабочие рассматривались в качестве приглашенных гостей, которые в будущем уедут обратно в свои страны. Система была запущена в 2004 году, когда Южная Корея подписала двусторонние соглашения с шестью азиатскими странами (Филиппины, Таиланд, Монголия, Индонезия, Шри-Ланка и Вьетнам), а к 2008 году список отправляющих стран увеличился еще на десять (Узбекистан, Пакистан, Камбоджа, Китай, Непал, Бангладеш, Кыргызстан, Мьянма, Восточный Тимор, Лаос). Отличительной особенностью этой системы является то, что абсолютно весь путь – от отбора кандидатов до трудоустройства – регулируется двусторонними межправительственными соглашениями и курируется государственными органами, а значительная часть взаимодействий между этими органами, работодателями и иностранными соискателями происходит онлайн. На специально созданную онлайн-платформу работодатели за-

грузают свои вакансии, а иностранные соискатели, прошедшие медицинский осмотр и тестирование навыков, загружают свои видеовизитки, в которых коротко рассказывают о себе. Для каждой вакансии центры занятости выбирают по несколько кандидатов, из которых работодатель выбирает одного, ему высылается приглашение для оформления визы и прочих необходимых документов, а трудовой договор с ним заключается на год. Четко организованный процесс найма иностранных работников позволил существенно сократить издержки на миграцию, благодаря чему на сегодняшний день Корея считается одной из самых дешевых стран для миграции в мире, а низкая стоимость «входа в миграцию», как считается, позволяет мигрантам не задерживаться в Корее дольше положенного срока, чтобы окупить свои расходы. Кроме того, уменьшению числа мигрантов с просроченными документами способствовала и широкомасштабная информационная кампания, которая в деталях рассказывает, сколько человеку потребуется потратить на тест по корейскому языку, медицинский осмотр, страховку, социальное обеспечение, обучение и проч. Система EPS позиционируется как программа временного трудоустройства иностранных граждан, что помогло существенным образом купировать недовольство местного населения присутствием иностранцев на рынке труда и одновременно очень ограничило возможности для долгосрочной миграции и интеграции воспользовавшихся этой программой иностранцев.

«Гуманитарные мигранты»

Объяснение, зачем принимающему государству гуманитарные мигранты, к которым относятся беженцы и лица, ищущие убежище, как правило, дается через призму этики и гуманитарных соображений: подразумевается, что государства обязаны предоставлять убежище нуждающимся и людей нельзя возвращать в страны, где они будут подвержены преследованиям, а их человеческие права будут нарушаться (Gibney, 2018). В свете этого эта категория

мигрантов очень отличается от предыдущих категорий, в отношении которых действия принимающих государств трактуются через призму некоторого расчета, а кроме того, иным образом будет оцениваться привлекательность принимающих стран со стороны этой категории мигрантов. Наибольшее число гуманитарных мигрантов пребывают на территории стран, соседствующих с теми, где происходят конфликты или иные события, приводящие к возникновению волн вынужденных мигрантов, как правило, это развивающиеся страны, которые не входят в число наиболее привлекательных стран в глазах потенциальных беженцев (Global Trends ..., 2019). Привлекательность принимающих стран для этой категории мигрантов складывается под влиянием нескольких факторов, в числе которых благоприятная миграционная политика в отношении беженцев, позволяющая быстро получить стабильный правовой статус. Источниками информации зачастую служат социальные сети, в связи с чем вероятность узнать о какой-то стране повышается, если в ней уже живут родственники и знакомые, возможно, приехавшие как раз как гуманитарные мигранты, а точность информации, полученной таким образом, не всегда высока. Впрочем, редкие принимающие страны предпринимают усилия по повышению своей привлекательности в глазах гуманитарных мигрантов. Скорее, если говорить о целенаправленных усилиях, речь может идти о программах по отбору наиболее «подходящих» кандидатов среди лиц, ищущих убежище. Такой отбор может носить имплицитный характер, когда необходимые для полноценной интеграции документы, прежде всего разрешение на работу, выдаются только тем, кто удовлетворяет определенным условиям. Например, в Турции беженец может получить разрешение на работу, только если документы за него подаст работодатель, а все условия его трудоустройства, включая уровень минимальной зарплаты, соответствуют заданным государством критериям (Leghtas, 2019). В Иордании получить разрешение на работу можно как через работодателя,

так и самостоятельно, но во втором случае требуется, чтобы квалификация соискателя позволяла трудоустроиться по профессиям, на которых не хватает местных работников (Stave, Hillesund, 2015). В Австралии эта система отбора носит эксплицитный характер: решение о выдаче визы беженца принимается не только на основании того, что человек подвергается преследованиям, но и с учетом «способности австралийского сообщества обеспечить постоянное поселение», то есть принимая во внимание, есть ли у заявителя поддержка в Австралии, а также каковы перспективы трудоустройства соискателя, его опыт работы, квалификация, уровень владения английским языком (Karlsen, 2016). Одной из наиболее привлекательных для гуманитарных мигрантов стран в течение последних лет остается Швеция, она же на протяжении этого времени принимает значительное число мигрантов этой категории.

Первые беженцы прибыли в Швецию еще во время Второй мировой войны, но наиболее масштабные потоки беженцев относятся к более позднему времени: в 1980-е годы Швеция стала принимать беженцев из стран Ближнего Востока и Африки, в 1990-е – из стран бывшего «Восточного блока», в 2000-е – из Сомали, Ирака, Ливии, Сирии (History, 2020). В отличие от многих других европейских стран, которые принимают беженцев только по квоте ООН, Женевской конвенции или в рамках Дублинского регламента, Швеция помимо этих программ проводит и самостоятельный отбор среди лиц, ищущих убежище. Если человек получает статус беженца, он имеет право на получение временного или постоянного вида на жительство, а после четырех лет проживания в Швеции – на получение гражданства. Кроме того, статус беженца открывает доступ к ряду финансовых и иных льгот, а также дает возможность получить вид на жительство членам семьи (Residence permits ..., 2021). В отличие от многих других стран Швеция обеспечивает щедрые социальные условия не только для беженцев, но и для тех, чьи кейсы находятся в стадии рассмотрения.

Так, лица, ищущие убежище, имеют право на медицинское обслуживание, школьное образование, жилье, оформление паспорта иностранца, а те, кто не живут в центре для гуманитарных мигрантов, также имеют право на денежную помощь, покрывающую расходы на одежду, телефон и питание. В целом, лояльные условия миграционной политики в отношении гуманитарных мигрантов способствуют увеличению числа беженцев в стране, информация о чем распространяется по социальным сетям и укрепляет образ Швеции как страны, дружелюбной к гуманитарным мигрантам, а значит, привлекательной для них. Все это отражается и в цифрах: около четверти населения страны на сегодняшний день имеют миграционный бэкграунд, из них значительная часть – это как раз беженцы или их потомки.

Выводы и рекомендации для миграционной политики

Миграционные потоки, таким образом, в той мере, в какой соответствующие усилия не противоречат общей логике складывания и поддержания таких потоков, могут быть сознательно и относительно эффективно модулируемы государствами, заинтересованными в притоке мигрантов в целом, а также отдельных групп мигрантов. Такой приток может закрывать целый ряд потребностей современных государств, и среди наиболее распространенных демографический дисбаланс, недостаток рабочих рук в тех или иных сегментах рынка труда, потребность в квалифицированных работниках для развития капиталоемких производств, а также собственно капитала, который привлекается в том числе за счет привлечения его носителей (The Macroeconomic Effects ..., 2020). Среди наиболее типичных групп мигрантов, которые привлекаются государствами, «соотечественники», «квалифицированные мигранты», «студенты», «временные трудовые мигранты» и «гуманитарные мигранты». Различаются и факторы, за счет воздействия на которые возможно такое привлечение, в частности

«квалифицированные мигранты» – это категория, чувствительная к разнообразию характеристик принимающего общества, среди которых уровень жизни, качество городской среды, политические свободы и проч., в то время как «временные трудовые мигранты» привлекаются при сочетании таких факторов, как существенное различие уровня зарплат в отправляющей и принимающей странах, наличие в принимающей стране небольшого контингента мигрантов из этой страны, а также существование в отправляющей стране «культуры миграции» – набора норм и представлений, согласно которым миграция является возможным и одобряемым поведением, более того, она возможна в конкретную принимающую страну. Дифференциация потоков, впрочем, не отменяет того, что потоки эти в значительной степени взаимосвязаны, и, скажем, наличие в принимающей стране контингента студентов из некоторой отправляющей страны может способствовать последующему притоку в принимающую страну мигрантов, в том числе квалифицированных, в то время как прием беженцев в сочетании с наличием программы по воссоединению семей влечет за собой приток родственников беженцев, зачастую беженцами не являющимися и также обладающими разным уровнем квалификации.

Конкретные инструменты привлечения мигрантов можно разделить на две большие категории – инструменты, предполагающие работу непосредственно с миграционными потоками, и инструменты, предполагающие воздействие на принимающий контекст с целью повышения степени его привлекательности для мигрантов. Миграционный поток в этом отношении можно уподобить реке, которую заставить течь вверх хотя и можно, но сложно и дорого, и целесообразнее попытаться воздействовать на ее русло. Вместе с тем не стоит впадать и в излишний детерминизм. По подсчетам фонда Гэллапа, порядка 15 % населения земного шара хотят уехать из страны, при этом в отдельных государствах эта цифра доходит до 80 % (Potential Net Migration Index n. d.).

Более того, известно, что желанием мигрировать характеризуются не самые высокодоходные группы в потенциальных отправляющих обществах, и грамотная политика по привлечению мигрантов предполагает внимательный анализ миграционного потенциала, как агрегированного на страновом уровне, так и зачастую неравномерно распределенного внутри каждой страны. На основании этого анализа выделяются целевые группы и в их отношении проводятся мероприятия по инициации и поддержанию миграционных потоков.

Россия стоит перед демографическими вызовами, замедляющими экономический рост, и миграция может стать ответом на эти вызовы. Эффективность этого ответа, однако, на данный момент ограничена характеристиками миграционной политики, реализуемой в настоящее время. Контуры обновленной миграционной политики должны основываться на следующих соображениях. Прежде всего, конкуренция за глобальный миграционный ресурс – вне зависимости идет ли речь о квалифицированной или неквалифицированной миграции – может иметь успех лишь в случае отказа от установки на привлечение исключительно «культурно близких» мигрантов и перехода к политике, где ключевым соображением является польза для принимающего общества, а мигранты привлекаются и отбираются вне зависимости от их национального, культурного, религиозного или этнического происхождения. Фильтры, связанные с «культурной близостью», повышая барьеры для «инокультурных» мигрантов, снижают и качество миграции, а современные успешные общества за редким исключением носят принципиально космополитичный характер.

Вместе с тем, в той мере, в какой иноэтническая миграция даже в той форме, в какой она существует в данный момент, вызывает острые общественные обсуждения, космополитизация миграции не может осуществляться без предварительного и параллельного осуществления мер, направленных на объяснение целесообразности этой политики обществу. Страны, которые сейчас

активно принимают мигрантов вне зависимости от их происхождения, зачастую сталкивались с такими вызовами и успешно отвечали на них, и, таким образом, накоплена определенная практика изменения общественного отношения к вопросам привлечения иноэтничных мигрантов, которая может быть каталогизирована и со временем внедрена в российских условиях.

Космополитизация, а также увеличение числа мигрантов поднимают и более широкие вопросы, связанные с интеграцией мигрантов. В настоящее время Россия почти не занимается вопросами интеграции мигрантов, специального законодательства на этот счет не принято, и интеграция иноэтничных иностранных мигрантов во многом оставлена на откуп им самим. В ситуации интенсификации и культурной диверсификации миграционных потоков вопрос интеграции должен решаться в гораздо более системном ключе, объектом интеграционной политики должны стать разные категории мигрантов, а ее инструменты должны не только носить рестриктивный характер, а включать в себя разного рода помогающие и стимулирующие меры.

Сама по себе готовность привлекать мигрантов из других стран и появление соответствующей интеграционной инфраструктуры, однако, не обеспечит приток мигрантов. Этот приток, как следует из международного опыта и соответствующей литературы, является функцией от усилий, осуществленных в трех направлениях. Первое направление связано с ростом привлекательности России как страны для жизни и работы. Эта привлекательность многокомпонентна, существует обширная литература на эту тему, и к факторам, которые привлекают мигрантов, относятся уровень экономического развития, безопасность, городская среда, климат и экология, а также многое другое. Второе направление – это информирование потенциальных мигрантов о возможностях жизни и работы в России. Это информирование может носить как общий характер, предполагающий способствование росту «популярности»

России как страны в целом, так и частный, в рамках которого описываются возможности России как страны для миграции. Третье направление – это организация или способствование появлению миграционной инфраструктуры, предполагает такие меры, как интенсификация транспортного сообщения между странами, снижение институциональных барьеров для въезда, осуществление информационного сопровождения миграции и проч. На пересечении этих соображений возможно создание кампаний и политик, направленных на привлечение мигрантов из конкретных стран и социальных групп, а также на рост спроса на Россию как на принимающую страну в целом; все эти меры, сработав, в свою очередь, рано или поздно дадут возможность фильтровать потоки и выбирать из них наиболее привлекательных по тем или иным причинам мигрантов.

Все это, впрочем, не означает, что Россия должна открыть границы для всех желающих без разбора. Общая идея состоит в том, что, хотя скорее всего Россия не сможет претендовать на «глобального квалифицированного мигранта», прочие мигранты также существенным образом различаются между собой, и должна вестись разноплановая работа, направленная на изыскание возможностей по максимизации мигрантского человеческого капитала в существующих ограничениях. Выделение категорий потенциальных мигрантов, осуществленное в данной статье, находится в этой стезе, и если «соотечественников» Россия в той или иной мере привлекает, к «студентам», «неквалифицированным трудовым мигрантам» и в некоторой степени к «гуманитарным мигрантам» как к ресурсу для временной и постоянной миграции нашей стране стоит присмотреться несколько внимательнее. Нужно, впрочем, помнить, что миграционный поток тем интенсивнее и усилий по его привлечению требуется тем меньше, чем выше уровень жизни в принимающей стране. Работа в этом направлении, таким образом, является также важным элементом миграционной политики, понимаемой в широком смысле.

Источники

Алия (б. д.) Еврейское агентство для Израиля [<https://www.jewishagency.org/ru/aliyah/>] (дата обращения: 08.06.2021).

Демография (2021) Федеральная служба государственной статистики [<https://rosstat.gov.ru/folder/12781>] (дата обращения: 08.06.2021).

Закон о Возвращении (1950) Кнессет Государства Израиль [<https://main.knesset.gov.il/ru/activity/pages/law.aspx?LawId=1>] (дата обращения: 08.06.2021).

Министерство алии и интеграции (б. д.) Правительство Государства Израиль [https://www.gov.il/ru/departments/ministry_of_aliyah_and_integration] (дата обращения: 08.06.2021).

Указ Президента РФ от 31.10.2018 N622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» (2018) Собрание законодательства РФ. 05.11.2018. N45. ст. 6917.

Absentees' Property Law (1950) *The Knesset of Israel* [https://knesset.gov.il/review/data/eng/law/knsl_property_eng.pdf] (дата обращения: 08.06.2021).

Eligibility and requirements for Personalised Employment Pass (n. d.) *Ministry of Manpower, Singapore* [<https://www.mom.gov.sg/passes-and-permits/personalised-employment-pass/eligibility-and-requirements>] (accessed: 08.06.2021).

FAQ: What is the EU Blue Card? Who is eligible for it? Where can I get it? (n. d.) *Federal Foreign Office, Germany*. [<https://www.auswaertiges-amt.de/en/aamt/zugastimaa/buergerservice/faq/02a-what-is-the-blue-card/606754#:~:text=In%20Germany%20the%20EU%20Blue,of%20taking%20up%20gainful%20employment>] (accessed: 08.06.2021).

History (2020) *Migrationsverket* [<https://www.migrationsverket.se/English/About-the-Migration-Agency/Migration-to-Sweden/History.html>] (accessed: 08.06.2021).

Immigration to Israel 2019 (2020) *Central Bureau of Statistics, Israel* [https://www.cbs.gov.il/he/media-release/DocLib/2020/223/21_20_223e.pdf] (accessed: 08.06.2021).

Potential Net Migration Index (n. d.) *Gallup, Inc.* [<https://news.gallup.com/migration/interactive.aspx>] (accessed: 08.06.2021).

Residence permits for those granted refugee status (2021) *Migrationsverket* [<https://www.migrationsverket.se/English/Private-individuals/Protection-and-asylum-in-Sweden/When-you-have-received-a-decision-on-your-asylum-application/If-you-are-allowed-to-stay/Residence-permits-for-those-granted-refugee-status.html>] (accessed: 08.06.2021).

Список литературы / References

Abu Shakrah J. (2000) *Palestinian Refugees: A Discussion Paper*. American Friends Service Committee [[https://www.afsc.org/sites/default/files/documents/2000 %20Palestinian%20Refugees-%20A%20Discussion%20Paper.pdf](https://www.afsc.org/sites/default/files/documents/2000%20Palestinian%20Refugees-%20A%20Discussion%20Paper.pdf)] (accessed: 08.06.2021).

Castles S. (1986) The guest-worker in Western Europe – An obituary. *International Migration Review*, 20(4): 761–778.

Cho Y., Denisova A., Yi S. & Khadka U. (2018) *Bilateral Arrangement of Temporary Labor Migration: Lessons from Korea's Employment Permit System*. Washington, DC: World Bank [<https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/30471/130020-WP-P156586-PUBLIC-1-Korea-Report-Singles-bleeds.pdf>] (accessed: 08.06.2021).

Czaika M., Reinprecht C. (2020) Drivers of migration. A synthesis of knowledge. *IMI Working Paper Series*, 163: 1–45 [<https://www.migrationinstitute.org/publications/drivers-of-migration-a-synthesis-of-knowledge/@download/file>] (accessed: 08.06.2021).

Dietz B. (1999) Ethnic German Immigration from Eastern Europe and the Former Soviet Union to Germany: the Effects of Migrant Networks. *IZA Discussion Paper No 68*: 1–24 [<http://ftp.iza.org/dp68.pdf>] (accessed: 08.06.2021).

- Gibney M. J. (2018) The ethics of refugees. *Philosophy Compass*, e12521: 1–9.
- Glaser B., Strauss A. (1967) *The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*. Chicago: Aldine Publishing.
- Global Trends: Forced Displacement in 2019 (2019) *United Nations High Commissioner for Refugees* [<https://www.unhcr.org/5ee200e37.pdf>] (accessed: 08.06.2021).
- Hoffmeyer-Zlotnik P., Grote J. (2019) Attracting and retaining international students in Germany. Study by the German National Contact Point for the European Migration Network (EMN). *Federal Office for Migration and Refugees (Germany) Working Papers 85*: 1–87. [https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/default/files/11a_germany_international_students_en.pdf] (accessed: 08.06.2021).
- How do OECD countries compare in their attractiveness for talented migrants? (2019) *Migration Policy Debates No 19*: 1–18 [<https://www.oecd.org/els/mig/migration-policy-debates-19.pdf>] (accessed: 08.06.2021).
- Karlsen E. (2016) Refugee resettlement to Australia: what are the facts? *Parliament of Australia Library* [https://www.aph.gov.au/about_parliament/parliamentary_departments/parliamentary_library/pubs/rp/rp1617/refugeeresettlement] (accessed: 08.06.2021).
- Leghtas I. (2019) *Insecure Future: Deportations and Lack of Legal Work for Refugees in Turkey*. Washington, DC: Refugees International [<https://www.refugeesinternational.org/reports/2019/9/18/insecure-future-deportations-and-lack-of-legal-work-for-refugees-in-turkey>] (accessed: 08.06.2021).
- Manpower 21: Vision of a Talent Capital (1999) *Singapore: Ministry of Manpower*. [<https://eresources.nlb.gov.sg/printheritage/download.aspx?id=018c083e-1cdc-4115-888d-7d94fc15ccbd>] (accessed: 08.06.2021).
- Massey D. S. (1999) Why Does Immigration Occur?: A Theoretical Synthesis. In: Hirschman C., Kasinitz P. & DeWind J. (eds.) *The Handbook of International Migration: The American Experience*. N.Y.: Russell Sage Foundation: 34–52.
- Oh J.-E., Kwan D.K., Shin J.J., Lee S.-L., Lee S.B. & Chung K. (2012) Migration profile of the Republic of Korea. *Migration Research and Training Centre of the International Organization for Migration Research Report Series 2011–01* [http://web.archive.org/web/20210505152804/https://publications.iom.int/system/files/pdf/mp_korea.pdf] (accessed: 08.06.2021).
- Ravenstein E. G. (1885) The Laws of Migration. *Journal of the statistical society of London*, 48(2): 167–235.
- Stave S. E., Hillesund S. (2015) *Impact of Syrian refugees on the Jordanian labour market*. Geneva: International Labour Organization [https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/—arabstates/—ro-beirut/documents/publication/wcms_364162.pdf] (accessed: 08.06.2021).
- Strauss A., Corbin J. (2001) *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, protsedury i tekhniki* [Basics of Qualitative Research: Grounded Theory, Procedures, and Techniques]. Moscow: Editorial URSS (In Russian).
- Tabor A. S., Milfont T. L. & Ward C. (2015) International Migration Decision-Making and Destination Selection among Skilled Migrants. *Journal of Pacific Rim Psychology*, 9(1): 28–41.
- The Macroeconomic Effects of Global Migration (2020) *World Economic Outlook, April 2020: The Great Lockdown*. Washington, DC: International Monetary Fund: 77–101 [<https://blogs.imf.org/2020/06/19/migration-to-advanced-economies-can-raise-growth/>] (accessed: 08.06.2021).
- Trines S. (2019) How Germany Became an International Study Destination of Global Scale. *World Education News + Reviews* [<https://wenr.wes.org/2019/10/how-germany-became-an-international-study-destination-of-global-scale>] (accessed: 08.06.2021).
- Vishnevsky A. (2013) Novaya rol' migratsii v demograficheskom razvitii Rossii [The new role of migration in Russia's demographic development]. In: Ivanov I. S., Zayonchkovskaya Zh. A. (ed.) *Migratsiya v Rossii 2000–2012. Khrestomatiya v 3 tomakh. T. 1. Ch. 1.* [Migration in Russia 2000–2012. Reader in 3 volumes. Vol. 1. Part 1]. Moscow: Spetskniga: 97–109 (In Russian).
- Wolter A. (2020) Migration and Higher Education in Germany. In: Slowey M., Schuetze H. & Zubrzycki T. (eds.) *Inequality, Innovation and Reform in Higher Education*. L.: Springer, Cham: 39–57.

DOI: 10.17516/1997-1370-0888
УДК 7.036

Development Features of Participatory Art in the City of Krasnoyarsk (Russian Federation) at the Beginning of the XXI Century

Maria A. Kolesnik, Alexandra A. Sitnikova*,
Ekaterina A. Sertakova, Yulia S. Zamaraeva
and Tikhon K. Ermakov

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 29.12.2021, received in revised form 30.01.2022, accepted 03.02.2022

Abstract. The article describes the history of the formation of participatory art in the city of Krasnoyarsk – a fairly new phenomenon in the domestic artistic culture, especially in the regional context. In order to fully reveal the specifics of artistic practices in Siberia, research literature on the topic of participatory art is considered, the most important provisions of theorists on this issue are highlighted. In particular, the works of N. Burriot and K. Bishop are considered in more detail. In addition to foreign theories, studies by domestic authors are also discussed. In the history of the development of Krasnoyarsk participatory art, two stages are distinguished: the first – the 1990–2000s, the second – 2010–2020s. The study focuses on a more detailed examination of representative examples of participatory art created in the second stage, since at this time a more conscious dialogue with different audiences is built. A description of several of the most striking projects is given, by the example of which the features of a participatory approach to creating a work in the light of a previously defined classification are shown: these are the projects of the artist Alexander Zakirov, the Workshop «Experiences of Art», the project «Crazy Exhibition» within the framework of the XIV Krasnoyarsk Museum Biennale and the PubLab2 project «Broken Forest».

Keywords: Krasnoyarsk Museum Biennale, Krasnoyarsk Art Culture, Museum Center «Peace Square», participatory art, participatory projects, participatory works, art according to instructions.

The research was funded by RFBR, Krasnoyarsk Territory and Krasnoyarsk Regional Fund of Science, project number 20–49–240001.

Research area: cultural studies, art history.

Citation: Kolesnik, M. A., Sitnikova, A. A., Sertakova, E. A., Zamaraeva, Yu. S., Ermakov T. K. (2022). Features of the development of participatory art in the city of Krasnoyarsk (Russian Federation) at the beginning of the XXI century. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(6), 826–839. DOI: 10.17516/1997-1370-0888.

Особенности развития партиципаторного искусства в городе Красноярске (Российская Федерация) в начале XXI века

**М.А. Колесник, А.А. Ситникова,
Е.А. Сертакова, Ю.С. Замараева, Т.К. Ермаков**

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. В статье описана история становления партиципаторного искусства в г. Красноярске – явления достаточно нового в отечественной художественной культуре, особенно в региональном контексте. Для наиболее полного раскрытия специфики художественных практик в Сибири рассматривается исследовательская литература по теме партиципаторного искусства, выделены важнейшие положения теоретиков по этому вопросу, в частности, более подробно проанализированы труды Н. Буррио и К. Бишоп. Помимо зарубежных теорий обсуждаются также и исследования отечественных авторов. В истории развития красноярского партиципаторного искусства выделено два этапа: первый – 1990–2000-е, второй – 2010–2020-е годы. Исследование сосредотачивается на более подробном рассмотрении репрезентативных примеров партиципаторного искусства, созданных на втором этапе, так как в это время выстраивается более осознанный диалог с разными аудиториями. Дано описание нескольких наиболее ярких проектов, на примере которых показаны особенности партиципаторного подхода к созданию произведения в свете определенной ранее классификации: проекты художника Александра Закирова, мастерская «Опыты искусства», проект «Очумелая выставка» в рамках XIV Красноярской музейной биеннале и проект PubLab2 «Сломанный лес».

Ключевые слова: Красноярская музейная биеннале, красноярская художественная культура, Музейный центр «Площадь Мира», партиципаторное искусство, партиципаторные проекты, партиципаторные произведения, искусство по инструкции.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20–49–240001.

Научные специальности: 24.00.00 – культурные исследования, 17.00.00 история искусств.

Введение

Феномен партиципаторного искусства осмысляется в теоретических работах начиная с 1990-х годов. Данная проблематика тесно связана с теорией современного искусства и теорией культуры, где рассматриваются конструктивистские тенденции (Amosova, et al., 2019, Avdeeva, et al., 2020, Kistova, 2020, Koptseva, et al. 2018, Leshchinskaya, 2021, Sitnikova & Li, 2020, Yurchenko, 2020). Сегодня в российской практике, разбирая теорию партиципаторного искусства, опираются, прежде всего, на труды Н. Буррио (Bourriaud, 2002) и К. Бишоп (Bishop, 2021). Куратор Н. Буррио в своей работе «Реляционная эстетика» описывает произведения искусства 1990-х годов, использующие в качестве художественного материала феномены человеческих взаимоотношений, придумывает способы их экспонирования и представления публике, выбирая те, что достойны стать произведениями искусства. Теоретический взгляд Н. Буррио, осмысляющий творческие практики зарубежных художников 1990-х годов, позволил по-новому взглянуть на сферу человеческого взаимодействия, поскольку в конце XX века в культуре появилась потребность найти адекватные форматы сохранения практик общения людей, которые, по мнению куратора, начали постепенно исчезать из повседневности. Клэр Бишоп предлагает иное понимание партиципаторного искусства: зритель становится соучастником при создании произведения, или искусство, выходя за пределы музеев и галерей, втягивает в художественное пространство и знакомит с художественным мышлением значительно большее количество людей, нежели ранее. К. Бишоп проводит более фундаментальное исследование истории партиципаторного искусства, которую она начинает выстраивать с 1910-х годов и заканчивает описанием разных форм партиципаторности в современном искусстве. Также она рассматривает историю партиципаторного искусства в разных странах мира.

Высокая потребность в партиципаторных произведениях искусства в конце

XX – начале XXI века объясняется исследователями тем, что в обществе возникает потребность в формировании человека креативного, способного гибко адаптироваться к изменяющимся условиям жизни и находиться в процессе постоянного изменения образа жизни и профессиональной деятельности.

К. Бишоп обращает внимание на то, что в каждой стране художники предлагают разные стратегии соучастия, а зрители по-разному соучаствуют в процессе художественного творчества, поэтому нам показалось интересным описать процессы художественной партиципации в российском региональном искусстве на основе рассмотрения примеров партиципаторного искусства в городе Красноярске, расположенном в Сибирском федеральном округе Российской Федерации.

Актуальность настоящего исследования связана с тем, что история партиципаторного искусства в Сибири на данный момент недостаточно описана, недостаточно задокументирована и заархивирована, а также по вопросам партиципаторного искусства в Красноярске практически полностью отсутствуют какие-либо научные исследования.

Цель настоящей статьи – кратко описать историю партиципаторного искусства в Красноярске и проанализировать особенности существования партиципаторных художественных практик в Сибири (на примере Красноярска как крупнейшего сибирского центра развития современного искусства). Локальными **задачами** исследования является проведение описания и анализа наиболее репрезентативных примеров партиципаторного искусства в красноярской художественной культуре.

Обзор исследовательской литературы

В последнее десятилетие XX века в искусстве возникает целый ряд художников, чье творчество было сосредоточено на взаимодействиях между людьми.

В начале 2000-х годов уже существовала сложившаяся традиция исследования партиципаторного искусства со своим

специфическим словарем и представлением о том, какие именно работы могут быть отнесены к данному направлению современного искусства. В это время на английском языке под общим названием «Реляционная эстетика» выходит ряд эссе Николя Буррио (Bourriaud, 2002), чуть позже появляется оригинальное исследование Гранта Кестера (Kester, 2004).

Эти работы не просто создают фундамент для исследования партиципации в области искусства, но оказываются частью более широкого процесса осмысления современной культуры как партиципаторной, то есть такой, где обыватель получает более активную роль, не являясь пассивно включенным в различные социально-культурные процессы.

Партиципаторный музей получает свое теоретическое обоснование в работах Нины Саймон (Simon, 2010).

В некоторых трудах (Erikson, 2019; Ogundipe, 2018; Rutten, 2018) партиципаторное искусство рассматривается в контексте «технологических» проблем. Искусство соучастия оказывается составной частью процессов и механизмов использования цифровой техники в современном обществе, из-за чего степень взаимодействия между людьми, с одной стороны, растет, с другой – обретает некоторое новое качество, не всегда положительным образом сказывающееся на традиционных способах коммуникации.

Изменяются сами механизмы партиципаторного участия в искусстве (Erikson, 2019; Rutten, 2018), поскольку люди теперь настроены на иные способы взаимоотношений друг с другом. Оказывает этот процесс и прикладное влияние – теперь музеи, ориентирующиеся на вовлеченное участие посетителей, попросту не могут игнорировать цифровую среду (Ogundipe, 2018).

Также выделяется блок исследований, ориентированных на раскрытие партиципаторного искусства как искусства политически ангажированного (Bryzgel, 2019; Jankovich, 2017; Kunreuther, 2018; Nolan, 2021). Партиципация позволяет усложнить произведение для внешнего наблюдателя, сделав его более «безопасным» в ус-

ловиях тоталитарного режима (Bryzgel, 2019; Kunreuther, 2018), также она позволяет участнику непосредственно переживать происходящее, что дает возможность не просто доносить до зрителя политические идеи, но помогать ему преодолевать определенные кризисные состояния (Nolan, 2021).

Существует ряд работ, в которых исследователи обращаются к прикладному значению партиципаторного искусства и практик (Berg, 2018; Jiang, 2021; Mcdonell, 2017). Связаны они как с исключительно творческими областями, в которых партиципация практически приравнивается к сотворчеству или коллективному творчеству (Berg, 2018; Mcdonell, 2017), так и с использованием потенциала такого искусства для создания новых способов социальных отношений и организации (Jiang, 2021).

Часть исследователей стремится понять механизм создания партиципаторного проекта (Maes, 2018; Rousell, 2018), чтобы через этот механизм выявить потенциал того или иного проекта, который может проявиться в случае его внедрения в пространство художественной выставки или в качестве специфической практики в социальный институт.

Наблюдается стремление построить теорию, с помощью которой было бы возможно описание партиципаторных практик (Marçal, 2019; Potgieter, 2018; Sztabiński, 2018). Здесь часть исследователей занимается сбором и структурированием классических представлений о партиципации (Sztabiński, 2018), часть – обращается к осмыслению соучастия в контексте более широких понятий и категорий (Potgieter, 2018), некоторые обращаются к поискам метода (Kearns, 2017; Marçal, 2019), который бы позволил наиболее полно исследовать партиципаторное искусство.

Наконец, ряд авторов (Pawlowska, 2018; Rounthwaite, 2017) обращается к исследованию конкретных художников, выявляя в их творчестве партиципаторные элементы.

Русскоязычный научный дискурс также начинает осваивать понятие партиципации. Основной точкой пересечения

с зарубежными авторами является исследование музейных партиципаторных практик (Høffding, 2020; Mastenica, 2020; Starodubceva, 2019; Starodubceva, 2020). Если зарубежные авторы рассматривают партиципаторный музей как уже нечто случившееся и обращаются к опыту посетителя, то отечественные авторы сосредоточены на партиципаторном музее как объекте еще только становящемся, а специфике опыта посетителя уделяют меньше времени.

Второй блок исследований в отечественной среде посвящен теоретическим вопросам о том, что такое партиципация вообще (Denikin, 2018; Denikin, 2019). Сюда можно отнести немногочисленные исследования, касающиеся роли партиципаторного искусства в современном обществе (см., например, (Kosolapova, 2020).

Также в отечественном дискурсе исследуются партиципации в случае отдельных произведений (Cvetkovskaja, 2021) или авторов (Shmatova, 2019).

Следует отметить принципиальную разницу между отечественным и англоязычным дискурсами о партиципаторном искусстве: если зарубежные авторы исследуют данные практики как нечто уже устоявшееся, активно вошедшее в социальную и художественную действительность, то для отечественных авторов партиципация – это нечто находящееся в процессе становления. При этом именно данное направление и представляется нам сейчас наиболее актуальным, поскольку именно оно будет способствовать продвижению теоретических разработок в области влияния партиципаторного искусства на различные области жизни и на определение партиципации как таковой.

Методология исследования

Исследование проведено методами библиографического анализа научной литературы по вопросам современного партиципаторного искусства, а также изучения цифровых и документальных архивов Красноярского музейного центра «Площадь Мира» с коллекцией современного искусства в музейном центре, с матери-

алами Красноярской музейной биеннале с 1995 года по настоящее время, с публикациями о партиципаторных проектах в СМИ.

Исследование История становления партиципаторного искусства в Красноярске

В Красноярске история развития партиципаторного жанра в искусстве происходила на площадке Музейного центра «Площадь Мира» (прежнее название – Красноярский культурно-исторический музейный комплекс, далее – ККИМК). В результате вынужденного реформирования деятельности в 1990-е годы музей становится центром, осваивающим различные экспериментальные формы художественных практик для того, чтобы определиться с дальнейшим путем своего развития. Главным проектом музея тогда была Красноярская музейная биеннале, которая начинается как международный конкурс лучших музейных экспозиционных проектов. Первая биеннале состоялась в 1995 году, и на ней были представлены проекты новых форматов. В частности, Гран-при биеннале получил Юрий Кыльевич Айваседа (Вэлла), представлявший Экомuseum села Варьеган из Ханты-Мансийского автономного округа. Он перевез реальное стойбище ненецкого оленевода и разместил его в подвале музея (рис. 1, 2). Помимо этнографического воссоздания жизни оленевода важным было то, что сам Юрий Вэлла постоянно находился на экспозиции и общался со зрителями, наполняя это пространство живыми рассказами и комментариями.

Проект Юрия Вэллы предопределил концептуальную направленность дальнейшей деятельности музея в сторону коммуникации со зрителями.

С тех пор каждая биеннале приращивала историю красноярских партиципаторных практик новыми форматами взаимодействия художника и зрителей. Важным этапом концептуального проектирования биеннальских проектов становится практика кураторской организации

Рис. 1. Первая биеннале. 1995 г. Летнее стойбище оленевода. Экомузей села Варьеган, Ханты-Мансийский округ. Фотоархив МЦ «Площадь Мира»

Fig. 1. The First Krasnoyarsk museum biennale. 1995. Summer camp of a reindeer breeder. Ethnographic park-museum of Varegan village, The Khanty-Mansiysk autonomous okrug. Photo archive of Museum Centre «Ploschad Mira»

сотрудничества между музеями Красноярского края и современными зарубежными и российскими художниками. В частности, в 2007 году состоялась биеннале «Чертеж Сибири». Чтобы усилить концептуальную составляющую экспозиционных проектов от небольших музеев края, куратор Сергей Ковалевский ввел новую форму работы с музеями: художник отправлялся «в экспедицию» в музей для того, чтобы представить суть его деятельности в инновационном выставочном формате.

С 2002 года в ККИМК начинают проводить новое повторяющееся событие – «Музейная ночь», которое кратко описано на сайте как «большой фестиваль, объединяющий перформативное искусство, музыку, театр, коммуникацию. На всех пяти этажах музея одновременно в течение 6 часов слушают музыку, экскурсии, смотрят спектакли, участвуют в перформансах, акциях, событиях и рассматривают выставки» (www.mira1.ru). Здесь соседствовали выставки профессионального искусства и мастер-классы, игры, развлечения для любителей искусства.

Наконец, в 1990–2000-е годы важным направлением деятельности ККИМК яв-

Рис. 2. Первая биеннале. 1995 г. Летнее стойбище оленевода. Экомузей села Варьеган, Ханты-Мансийский округ. Юрий Кыльевич Айваседа (Вэлла), автор экспозиции. Фотоархив МЦ «Площадь Мира»

Fig. 2. The First Krasnoyarsk museum biennale. 1995. Summer camp of a reindeer breeder. Ethnographic park-museum of Varegan village, The Khanty-Mansiysk autonomous okrug. Uriy Vella, the author of the exhibition. Photo archive of Museum Centre «Ploschad Mira»

ляется сотрудничество с ведущими зарубежными художниками, которые знакомят с образцами партиципаторного искусства специалистов в области музейного дела. Зарубежные художники также принимали участие в иных тематических проектах музея. Например, в 2008 году для проекта, посвященного 100-летию падения Тунгусского метеорита, одну из инсталляций под названием «Эпицентр» создала голландская арт-группа «Observatorium». Условно напоминающая падение горящего метеорита в тайгу инсталляции размещалась на площадке перед музеем, представляла собой кабинет для медитативного созерцания городского пространства и нуждалась в зрителе-соучастнике: человек должен был подняться в кабинет в одиночестве и находиться там столько, сколько ему угодно, вместе с некоторым набором предметов для комфорта и творчества (рис. 3).

Таким образом, экспериментальное освоение партиципаторных практик в Красноярске приходится на 1990-е и 2000-е годы. Особенностью этого этапа развития партиципаторного искусства в Красноярске явля-

Рис. 3. «Эпицентр». Observatorium. Красноярск. 2008
Fig. 3. Epicentrum. Art group «Observatorium». Krasnoyarsk. 2008

ется то, что в это время оно растворено среди других форм осваиваемых новаторских художественных практик – перформансов, инсталляций, видеоарта и т. п., а основной аудиторией большинства проектов становится профессиональная аудитория.

Более подробно мы остановимся на рассмотрении произведений в партиципаторном жанре, созданных в 2010-е – 2020-е годы в Красноярске, поскольку на данном этапе партиципаторные художественные практики реализуются более осмысленно и целенаправленно, вовлекают новые аудитории зрителей.

***Анализ партиципаторных практик
в творчестве красноярского художника
Александра Закирова***

В конце 2010-х годов в Красноярск приехал работать молодой художник Александр Закиров. Наряду с живописными произведениями он создал значительное количество работ партиципаторного жанра, так как для него важно непосредственное общение со зрителями, понимание причин

интереса современного зрителя к искусству, создание доверительных отношений между художником и зрителями. Среди примеров его партиципаторных проектов: 1) дополнение выставочных проектов локациями с игровыми творческими заданиями для расширения зрительского опыта на выставке; творческие локации для выставки «Горизонты возможного» (2018, куратор Сергей Ковалевский), выставки биеннале «Переговорщики» 2019 года и другие (рис. 4); 2) создание отдельных визуальных произведений, ориентированных на творческое рисовальное соучастие зрителей для завершения образа (рис. 5); 3) создание произведений искусства в жанре уличного искусства для расширения зрительской и сопереживающей аудитории для своих работ; 4) кураторская работа с коллекцией произведений современного искусства МЦ «Площадь Мира», где лучшие произведения из коллекции сопровождались объяснениями их смыслов в легкой и понятной форме, повышая грамотность молодых людей в сфере современного искусства (выставка

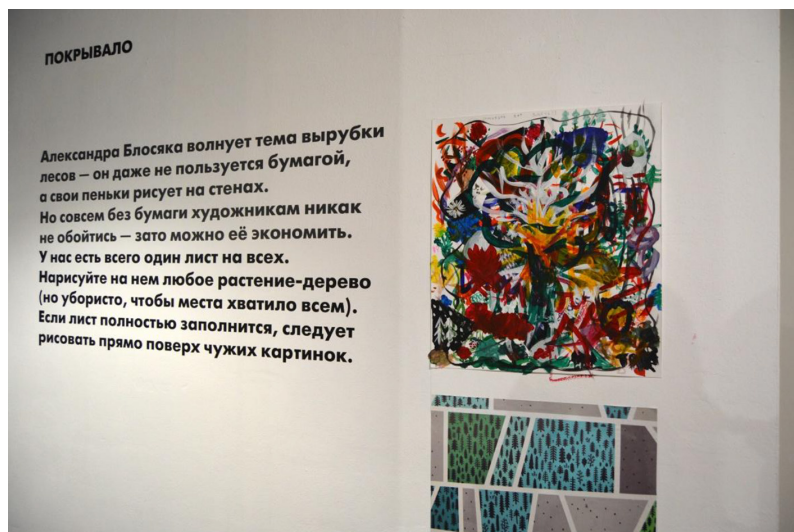

Рис. 4. Коммуникативный дизайн А. Закирова для выставки «После Поздеева» в рамках Красноярской биеннале «Переговорщики», 2019 г.

Fig. 4. Communicative design by A. Zakirov for the exhibition «After Pozdeev» as a part of XIII Krasnoyarsk museum biennale «Negotiators», 2019

Рис. 5. Сифоны. Александр Закиров. 2019. Из архива выставки «После Поздеева»
Fig. 5. Siphons. A. Zakirov. 2019. From the archive of the exhibition «After Pozdeev»

«Инструкция по применению искусства и себя. Часть 1. Органы восприятия художеств», 2019) и др.

Партиципаторные работы Александра Закирова адресованы широкой публике и ориентированы на то, чтобы сделать искусство доступным и понятным.

Образовательный проект как партиципаторная практика на основе анализа мастерской «Опыты искусства» (Красноярский музейный центр «Площадь Мира», 2019–2020)

В 2019 году в МЦ «Площадь Мира» был запущен проект «Опыты искусства» – регулярные лекции и мастер-классы по искусству XX–XXI веков. С одной стороны, это был образовательный проект по практическому освоению некоторых творческих приемов художников XX века, так как вместе с лекцией об искусстве участники создавали собственные произведения под руководством профессионального художника. Вместе с этим участники знакомились с важными произведениями преимущественно красноярских художников из коллекции МЦ «Площадь Мира», понимая, каким образом эти произведения соотносятся с историей мирового искусства.

С другой стороны, проект носил клубный характер, предполагая налаживание коммуникаций между взрослыми людьми самых разных социальных и профессиональных групп – между сотрудниками МВД, искусствоведами, художниками, инженерами, работниками туристических компаний, пенсионерами, самозанятыми креативными людьми, студентами и др. Проект развивал идею возможности каждого человека быть художником и укладывается в концепцию комьюнити-арта, сталкиваясь со всеми ограничениями подобного типа искусства – отсутствие критики и вторичной аудитории, а также отсутствие признания творчества художников-любителей в профессиональной среде (рис. 6).

Искусство по инструкции в проекте «Очумелая выставка» в рамках XIV Красноярской музейной биеннале «Зеркальные нейроны» (2021)

Проведение биеннале «Зеркальные нейроны» летом 2021 года в постковидное время привело к появлению выставочного проекта, полностью устроенного по партиципаторному принципу. Куратор «Очумелой выставки» Тибо де Ройтер предложил дистанционный метод создания произведе-

Рис. 6. Перформанс «Социальная дистанция» Любови Винк в рамках проекта «Опыты искусства». 2020

Fig. 6. Performance «Social distance» by L. Vink as a part of the project «Art experiences». 2020

ний для выставки: 34 немецких художника создали инструкции, пользуясь которыми красноярские художники изготовили для выставки материальные произведения. Степень соучастия при создании произведений данной выставки была разной: некоторые художники прислали очень подробные инструкции о том, как должно быть выполнено произведение, поэтому в Красноярске его исполнили мастера, владеющие определенной художественной техникой; некоторые художники прислали инструкции, которые позволяли художнику-исполнителю творить в свободной форме, часть инструкций была ориентирована на приглашение к сотворчеству любителей искусства, а не профессиональных мастеров (например, в произведении Агнес Мейер Брандис «Создание Луны на земле» участникам мастер-класса предлагалось из повседневных материалов создать фактуру лунного грунта, а дуэт «Biest» приглашал участников сшить себе рубашку и брюки из отрезка ткани в форме черного квадрата, посвящая этот оммаж Казимиру Малевичу и конструктивистам, которые хотели наполнить повседневный мир новым искусством); некоторые инструкции, помимо вовле-

чения в процесс создания работы самих художников-исполнителей-соучастников, носили полностью партиципаторный характер и предполагали соучастие зрителей в выставочном пространстве (проект Брэндона Хауэлла «Кустарная ЭВМ» позволял зрителям-участникам прочувствовать работу компьютерных программ в аналоговом режиме; аккордеоны в работе Роберта Липпока «Симфония X» приглашают зрителей коллективно исполнить импровизированные мелодии (рис. 7).

Особенности партиципаторности проекта PubLab2 «Сломанный лес» (2021)

В рамках проекта PubLab, реализуемого в Красноярске, искусство выходит за рамки своего существования в стенах музеев. Ради справедливости надо отметить, что подобные выходы в публичное пространство ранее совершались в красноярском искусстве, но данный проект синтезирует в себе все подходы, которые были наработаны в истории красноярского публичного искусства – образовательный, эстетический, партиципаторный и другие. На сайте PubLab (Public art + Laboratory) проект описан как «двухлетний образова-

Рис. 7. Роберт Липпок. «Симфония X». Проект «Очумелой выставки» в рамках Красноярской биеннале «Зеркальные нейроны». 2021

Fig. 7. Symphony X. By R. Lippok as a part of the project «Ochumelaya vystavka». XIV Krasnoyarsk museum biennale «Mirror neurons». 2021

Рис. 8. «Реконструкция». Художник Данил Титов. Объект на выставке «Все еще лес». 2021

Fig. 8. Reconstruction. By D. Titov as a part of the exhibition «Still a forest». 2021

тельный эксперимент в области музейной практики, прикладной урбанистики и независимого образования среди молодежи.

Во время проведения второй лаборатории «Сломанный лес» в июле 2021 года публике была представлена выставка под названием «Все еще лес» в Академгородке Красноярска (рис. 8). Выставка разместилась в лесу и на тропинках почти «священного» места для города в том смысле, что на фоне крайне напряженной экологической ситуации зона зеленых насаждений Академгородка воспринимается как место восстановления экологического баланса.

15 художников под руководством тьюторов пообщались с сотрудниками Красноярского научного центра СО РАН на тему истории леса и научного городка в Академгородке и создали по итогам несколько произведений, размещенных в лесу. Зрителями стали прогуливающиеся здесь жители и гости. Реакция зрителей в соцсетях была неоднозначная: в лесу зрителям было неочевидно, что можно найти аннотации, объясняющие появление странных новых объектов в лесу; поскольку организаторы расположили объекты в «священном» лесу, то некоторые зрители начали искать в этом

проекте нарушение экологического баланса, хотя организаторы заранее предусмотрели максимальную безвредность арт-интервенции в лесное пространство.

Заключение

Описание истории появления и развития партиципаторного искусства в Красноярске показывает, что в Сибири действительно формируются своеобразные практики, обладающие ярким региональным характером, учитывающие особенности менталитета зрителей, задевающие и обыгрывающие в художественном пространстве наиболее актуальные проблемы, с которыми сталкиваются местные жители. В этом смысле наблюдения Клэр Бишоп о разнообразных стратегиях соучастия оказываются верными и для Сибирского региона.

На примере красноярской художественной культуры можно говорить не только о развитии отечественного научного теоретического дискурса, но также и об активном развитии партиципаторных практик в России.

Для партиципаторного искусства Красноярского края можно выделить

несколько характерных особенностей, связанных с включением этнической и экологической тематики в проекты, представленные на крупных музейных мероприятиях, а также выстраиванием традиции тесного сотрудничества местных и зарубежных художников. Начинаясь как проекты, во многом направленные на немногочисленную профессиональную аудиторию, сегодня партиципаторные практики в г. Красноярске нацелены на вовлечение широких

зрительских кругов самых разных возрастов и социальных групп. Произведения, создаваемые художниками, становятся заметными, вокруг них образуются события, они провоцируют зрителей на довольно эмоциональные реакции. Художникам удается посредством партиципаторных произведений проявить сферы, определяющие идентичность горожан, заговорить на нетривиальном языке о волнующих их проблемах.

Список литературы / References

- Amosova, M.A., Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A., et al. (2019). Ethnocultural identity in the works of Krasnoyarsk artists. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 12 (8), 1524–1551.
- Avdeeva, Y.N., Degtyarenko, K.A., Kolesnik, M.A., et al. (2020). Architectural Space in the Paintings by Vincent van Gogh. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 13 (6), 838–859.
- Berg, A. (2018). Participation in hybrid sketching. In *FormAkademisk*, 11(3). DOI: 10.7577/formakademisk.2676
- Bishop, C. (2012). *Artificial Hells Participatory Art and the Politics of Spectatorship*. New York, Verso, 382 p.
- Bourriaud, N. (2002). *Relational Aesthetics*. Dijon, Les presses du réel, 125 p.
- Bryzgel, A. (2019). Freedom to engage: Participatory art in central and eastern Europe. In *Contemporary Theatre Review*, 29(2), 180–196. DOI: 10.1080/10486801.2019.1596085.
- Cvetkovskaja, T. A. (2021). Kantata Paulja Hindemita «Frau Musica» v kontekste razvitija participatornogo muzykal'nogo iskusstva [Paul Hindemith's cantata «Frau Musica» in the context of the development of participatory musical art]. In *Observatorija kul'tury [Observatory of Culture]*, 18(4), 398–408. DOI: 10.25281/2072–3156–2021–18–4–398–408.
- Denikin, A. A. (2019). Cifrovye media i Proajreticheskie interfejsy: o nekotoryh osobennostjah participatornyh kommunikacij [Digital Media and Proairetic Interfaces: On Some Peculiarities of Participatory Communications]. In *Dizajn SMI: Trendy XXI veka [Media Design: Trends of the XXI Century]*, 4, 189–196.
- Denikin, A. A. (2018). K opredeleniju termina «participacija» v kontekste sovremennyh hudozhestvennyh praktik [To the definition of the term «participation» in the context of modern artistic practices]. In *Nauka televidenija [Science of television]*, 14(1), 58–79. DOI: 10.30628/1994–9529–2018–14.1–58–79.
- Eriksson, B., Stage, C., & Valtysson, B. (2019). *Cultures of participation: Arts, digital media and cultural institutions*. 240 p. DOI: 10.4324/9780429266454.
- Høffding, S., Rung, M., & Rolad, T. (2020). Participation and receptivity in the art museum – A phenomenological exposition. In *Curator*, 63(1), 69–81. DOI: 10.1111/cura.12344.
- Jankovich, L. (2017). The participation myth. In *International Journal of Cultural Policy*, 23(1), 107–121. DOI: 10.1080/10286632.2015.1027698.
- Jiang, Z., & Korczynski, M. (2021). The art of labour organizing: Participatory art and migrant domestic workers' self-organizing in London. In *Human Relations*, 74(6), 842–868. DOI: 10.1177/0018726719890664.
- Katalog «Ochumelaja vystavka – 34 art-ob»yekt, pridumannye v Berline i sdelannye v Sibiri» [Catalog «Crazy Exhibition – 34 art objects invented in Berlin and made in Siberia»] (2021). Krasnoyarsk, Muzeynyi tsentr «Ploshchad' Mira». Novosibirsk, ООО «DEAL», 669 p.
- Kearns, R. (2017). A methodology for participation: The artwork and the audience. In *International Journal of the Inclusive Museun*, 10(3), 49–55. DOI: 10.18848/1835–2014/CGP/v10i03/49–55.

- Kester, G. (2004). *Conversation Pieces: Community and Communication in Modern Art*. Berkley, University of California Press, 239 p.
- Kistova, A.V. (2020). Sinteticheskaya model' kul'tury i kul'turnye praktiki [Synthetic model of culture and cultural practices]. In *Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2 (6), 111–121.
- Koptseva, N., Reznikova, K.V., Razumovskaya, V.A. (2018). The construction of cultural and religious identities in the temple architecture. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 11 (7), 1021–1082.
- Kosolapova, M. I. (2020). Participatornoe iskusstvo kak sposob preodoleniya otchuzhdeniya [Participatory art as a way to overcome alienation]. In *Arhivarius [Archivist]*, 3(48), 7–9.
- Kunreuther, L. (2018). Sounds of democracy: Performance, protest, and political subjectivity. In *Cultural Anthropology*, 33(1), 1–31. DOI: 10.14506/ca33.1.01.
- Leshchinskaya, N.M. (2021). Kul'turologicheskie podhody k analizu proizvedenij dekorativno-prikladnogo iskusstva [Cultural approaches to the analysis of works of arts and crafts arts]. In *Severnye arhivy i ekspedicii [Northern archives and expeditions]*, 5 (2), 9–15. DOI:10.31806/2542–1158–2021–5–2–9–15.
- Maes, P. -J., Lorenzoni, V., Moens, B., Bressan, F., Schepers, I., & Leman, M. (2018). Embodied, participatory sense-making in digitally-augmented music practices: Theoretical principles and the artistic case «SoundBikes». In *Critical Arts*, 32(3), 77–94. DOI: 10.1080/02560046.2018.1447594.
- Marçal, H. P. (2017). Conservation in an era of participation. In *Journal of the Institute of Conservation*, 40(2), 97–104. DOI: 10.1080/19455224.2017.1319872.
- Marçal, H. (2019). Diffracting histories of performance: Participatory practices in the historicization of political performance art. In *Performance Research*, 24(7), 39–46. DOI: 10.1080/13528165.2019.1717863.
- Mastenica, E. N. (2020). Muzej kak prostranstvo participacii [Museum as a space of participation]. In *Ustojchivoe kul'turnoe razvitie regionov: strategicheskie orientiry gosudarstvennoj politiki i obshchestvennye iniciativy: Sbornik nauchnykh statej [Sustainable cultural development of regions: strategic guidelines of state policy and public initiatives: Collection of scientific articles]*, 76–86.
- McDonnell, J. (2017). Political and aesthetic equality in the work of Jacques Rancière: Applying his writing to debates in education and the arts. In *Journal of Philosophy of Education*, 51(2), 387–400. DOI: 10.1111/1467–9752.12241.
- Meager, N. (2017). Children make observation films – exploring a participatory visual method for art education. In *International Journal of Education through Art*, 13(1), 7–22. DOI: 10.1386/eta.13.1.7_1.
- Nolan, K. (2021). Fear of missing out: Performance art through the lens of participatory culture. In *International Journal of Performance Art and Digital Media*, 17(2), 234–252. DOI: 10.1080/14794713.2021.1929771.
- Ofitsial'nyi sait Krasnoyarskoi biennale [Official site of the Krasnoyarsk Biennale] (2021). Available at: <http://biennale.ru/> (accessed 25 November 2021).
- Ofitsial'nyi sait Muzeinogo tsentra «Ploshchad» Mira» v Krasnoyarske [Official site of the Museum Center «Ploshchad» Mira» in Krasnoyarsk] (2021). Available at: <https://mira1.ru/> (accessed 25 November 2021).
- Ofitsial'nyi sait PubLab [PubLab official website] (2021). Available at: <https://publab.ru/> (accessed 25 November 2021).
- Ogundipe, A. (2018). How digitized art may invite or inhibit online visitor participation (and why it matters for art museums). In *International Journal of the Inclusive Museum*, 11(3), 51–72. DOI: 10.18848/1835–2014/CGP/v11i03/51–72.
- Pawlowska, A., & Wendorff, A. (2018). Participatory art, new media and convergence art based on the example of La Fura Dels Baus group. In *Art Inquiry*, 20, 217–233. DOI: 10.26485/AI/2018/20/14.
- Potgieter, F. (2018). Critique of relational aesthetics and a poststructural argument for thingly representational art. In *Cogent Arts and Humanities*, 5(1). DOI: 10.1080/23311983.2018.1531807.
- Rounthwaite, A. (2017). Asking the audience: Participatory art in 1980s New York, 265 p.
- Rousell, D., & Fell, F. (2018). Becoming a work of art: Collaboration, materiality and posthumanism in visual arts education. In *International Journal of Education through Art*, 14(1), 91–110. DOI: 10.1386/eta.14.1.91_1

Rutten, K. (2018). Participation, art and digital culture. In *Critical Arts*, 32(3), 1–8. DOI: 10.1080/02560046.2018.1493055.

Shmatova, G. A. (2019). Al'ternativnaja strategija samoopredelenija v teatral'nom pole: studija «Teatr» Alekseja Levinskogo [Alternative strategy of self-determination in the theater field: studio «Theater» by Alexei Levinsky]. In *Shagi-Steps [Steps-Steps]*, 5(4), 149–160.

Simon, N. (2010). *The Participatory Museum*. Santa Cruz, California, Museum 2.0, 352 p.

Sitnikova, A. A., & Li, S. (2020). Tri kartiny kitajskih sovremennyh hudozhnikov gorodskogo okruga Hulunbuir (avtonomnyj rajon Vnutrennyaya Mongoliya) [Three paintings by contemporary Chinese artists from Hulunbuir Urban District (Inner Mongolia Autonomous Region)]. In *Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 4(3), 118–129. DOI: 10.31804/2542–1816–2020–4–3–118–129.

Starodubceva, M. N. (2020). Participatornyj muzej: istoki i problemy realizacii [Participatory museum: the origins and problems of implementation]. In *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts]*, 1, 17–21.

Starodubceva, M. N. (2019). Participatornyj muzej v kontekste iskusstva souchastija [Participatory Museum in the context of the art of complicity]. In *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk State University]*, 12(434), 105–110. DOI: 10.24411/1994–2796–2019–11214.

Sztabiński, G. (2018). Art, participation and aesthetics. In *Art Inquiry*, 20, 43–59. DOI: 10.26485/AI/2018/20/3.

Yurchenko, V. V. (2020). Sravnitel'nyj analiz vizualizacii obraza mirovogo ustrojstva v mifologii korennyh malochislennyh narodov Severa na primere obryadovyh kostyumov [Comparative analysis of the visualization of the image of the world order in the mythology of the indigenous peoples of the North on the example of ritual costumes]. In *Severnye Arhivy i Ekspedicii [Northern archives and expeditions]*, 4 (4), 116–125. DOI:10.31806/2542–1158–2020–4–4–116–125

DOI: 10.17516/1997-1370-0889
УДК 304.5, 7.036

Cultural Dynamics of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Krasnoyarsk Territory in Paintings and Graphic Works

Natalia P. Koptseva^a, Ksenia V. Reznikova^{*a},
Yuliya V. Kvashnina^b, Natalia N. Seredkina^a
and Natalia M. Leshchinskaya^{a*}

^a*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

^b*The Estate Museum of V.I. Surikov
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 29.12.2021, received in revised form 30.01.2022, accepted 03.02.2022

Abstract. This article analyzes the comprehension of the cultural dynamics of the indigenous peoples of the North in paintings and graphic works. The main attention is paid to the correlation of cultural dynamics with cultural statics. The general method is philosophical and art history analysis. The study made it possible to propose a way to systematize works that visualize the life of the indigenous peoples of the North, firstly. In accordance with the denial or recognition of cultural dynamics in them and, secondly. In accordance with the presented models of interaction between the traditional and the new. Internal and external. In total. In the proposed systematization, six models of understanding the cultural dynamics of the indigenous peoples of the North have been identified, but the authors believe that their number can be expanded in the course of further research of paintings and graphic works that visualize the life of northern ethnic groups.

Keywords: cultural dynamics, cultural statics, small indigenous peoples of the North, deer.

The research was funded by RFBR, Krasnoyarsk Territory and Krasnoyarsk Regional Fund of Science, project number 20–49–240001.

Research area: culturology.

Citation: Koptseva, N. P., Reznikova, Yu. V., Kvashnina, K. V., Seredkina, N. N., Leshchinskaya, N. M. (2022). Cultural dynamics of the indigenous small-numbered peoples of the Krasnoyarsk territory in paintings and graphic works. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(6), 840–852. DOI: 10.17516/1997-1370-0889.

Культурная динамика коренных малочисленных народов Севера Красноярского края в живописных и графических произведениях

Н.П. Копцева^а, К.В. Резникова^а,

Ю.В. Квашнина^б, Н.Н. Середкина^а, Н.М. Лещинская^а

^аСибирский федеральный университет

Российская Федерация, Красноярск

^бМузей-усадьба В. И. Сурикова

Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В настоящей статье анализируется осмысление культурной динамики коренных малочисленных народов Севера в живописных и графических произведениях; основное внимание уделено соотношению культурной динамики с культурной статикой. В качестве основного метода выступает философско-искусствоведческий анализ. Проведенное исследование позволило предложить способ систематизации произведений, визуализирующих быт коренных народов Севера, во-первых, в соответствии с отрицанием или признанием в них культурной динамики и, во-вторых, в соответствии с представленными моделями взаимодействия традиционного и нового, внутреннего и внешнего. Всего выделено шесть моделей осмысления культурной динамики коренных народов Севера, но авторы полагают, что их количество может быть расширено в ходе дальнейшего исследования живописных и графических произведений, визуализирующих жизнь северных этносов.

Ключевые слова: культурная динамика, культурная статика, коренные малочисленные народы Севера, олень.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20–49–240001.

Научная специальность: 24.00.00 – культурология.

Введение

Понятие «культурная динамика» обсуждается в философии, антропологии, социологии, культурологии и др. Сравнительный анализ публикаций, касающихся данного термина, позволил выделить ряд наиболее важных аспектов культурной динамики, это: соотношение с культурной статикой, масштаб, временные характеристики, источник, направление, методы исследования культурной динамики (Koptseva, et al., 2018, Leshchinskaya, et al., 2021, Pimenova, 2021, Seredkina, et al., 2021, Shpak & Pchelkina, 2021). Основной

тон исследованиям культурной социодинамики КМНС Красноярского края, проводимым кафедрой культурологии и искусствоведения СФУ, задан Н.П. Копцевой в программной статье «Modern Concepts of Cultural Sociodynamics in the Context of Research of the Socio-Cultural Environment of the Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East» (Koptseva, 2016).

В настоящей статье исследуется культурная динамика КМНС Красноярского края, осмысленная в произведениях живописи и графики. Выбор именно этих видов искусства связан в первую очередь с двумя

основными факторами: во-первых, коренные этносы края не живут обособленно; напротив, взаимодействия, случавшиеся время от времени, в XX в. приобрели систематический и постоянный характер, в конце XX – начале XXI в. взаимодействия только расширились за счет использования новых технологий связи. Живопись, а особенно графика были положительно восприняты КМНС. Хотя, безусловно, оба эти вида искусства не являются автохтонными для коренных северных этносов края и отдельными представителями воспринимаются как уводящие в сторону от исконных занятий. Во-вторых, графика и живопись являются материалом, позволяющим сравнить представления как КМНС, так и других этнокультурных групп об этнокультурной динамике северных народов; это отличает графику и живопись, например, от ДПИ, являющегося исконным видом искусства для КМНС, но лишь в незначительной степени освоенным другими этнокультурными группами.

Важным фактором при первичном отборе произведений было наличие в визуальном образе оленя – либо самого животного, либо в опосредованном виде, – поскольку представители КМНС края часто отмечают, что их культуры напрямую связаны с оленем и зависят от него. В качестве основного метода, применяемого далее, выступает семиотический в варианте философско-искусствоведческого анализа, разработанного В.И. Жуковским и Н.П. Копцевой (Zhukovsky, 2006).

Обзор литературы

Культурная динамика КМНС Красноярского края исследуется такими авторами, как Е. А. Sertakova, N. M. Leshchinskaya, M. A. Kolesnik, A. V. Kistova (Sertakova, 2022), K. A. Degtyarenko, N. N. Seredkina, A. A. Shpak (Degtyarenko, 2021), A. I. Fil'ko, Yu. N. Avdeeva, N. N. Pimenova, N. N. Robachevskaya (Fil'ko, 2021). Актуальными вопросами, связанными с культурной динамикой КМНС, являются этнокультурная идентичность, ее формирование и поддержание (Avdeeva, 2020; Libakova, 2015);

механизмы памяти КМНС (Koptseva, 2022; Terebikhin, 2019); современное состояние КМНС – их субъективное благополучие (Zabelina, 2020), культурный код (Sokolova, 2015), традиционная культура (Koptseva, 2021).

Этнокультурная идентичность КМНС нередко изучается на материале художественных практик (Amosova, 2019; Moskalyuk, 2020; Kistova, 2020). Отмечается, что в художественных практиках народов Севера часто цитируемым образом является олень. Многообразие его интерпретаций связано с особым отношением к животному, присущим анималистическим представлениям традиционных сообществ (Barmina, 2019; Lazutina, 2016). Использование традиционного образа, обращение к традиционной художественной культуре – это, своего рода, способ проявления этнического самосознания малых народностей (Novikov, 2012); к подобному выводу приходит А.В. Лебедева (Lebedeva, 2016). Обобщение и исследование особенностей взаимовлияния традиционного народного творчества и новейших направлений в современном искусстве, а также становление художественной практики в Югре рассматриваются М.Д. Творжинской (Tvorzhinskaya, 2011). В аспекте взаимопроникновения символизации реальности с ранними мировоззренческими конструктами рассматривается творчество современного хантыйского художника Г.С. Райшева (Kulikova, 2018; Ershov, 2019), в работах которого часто встречается изображение оленя.

Результаты

В настоящей статье основное внимание из перечисленных ранее аспектов понятия культурной динамики будет уделено соотношению с культурной статикой, поскольку культуры коренных малочисленных народов Севера в настоящее время представляют собой уникальный сплав традиций и остросовременных практик, стремлений к консервации и к освоению и созданию передового опыта в области информационных технологий. В качестве «нулевой точки»

культурных изменений, той самой культурной статики, в отношении КМНС, жизнь которых визуализирована в произведениях, избрано состояние до прихода на Север советской власти. В таких работах, созданных в XX–XXI вв., фактически нивелируется культурная динамика коренных малочисленных народов, что может быть объяснено как акцентированием традиционности и неизменности их культур, так и указанием на наиболее значимые составляющие культур, их незабываемые, вневременные основы, среди которых родная земля, олени, устное слово, пожилые люди как носители знания, похоронные обряды и т. д.

В качестве произведения, репрезентирующего культурную статику КМНС, можно рассмотреть работу Евгения и Юлии Поротовых «Моя бабушка курит трубку» (рис. 1). С точки зрения анализа данного произведения как визуализации культурной статики можно отметить в нем отсутствие указаний на конкретную временную принадлежность; также можно отметить отход не только от временного, но и от ре-

алистичного в сторону мифологического, сказочного, декоративного.

Центральное место произведения занимает сидящая пожилая женщина, курящая трубку, перед которой стоит таз с крупными рыбинами. Образ женщины сочетает в себе несколько стихий: земля, вода, огонь и воздух. Земле, камням, скалам уподоблена коричневая одежда, испещренная темными глубокими складками. Вода – волнообразные бисерные узоры на рукавах одежды, бисерные украшения как струи воды на голове, в целом бисеринки выглядят как капельки воды. Огонь – оторочка рукавов и подола одежды рыжим мехом будто пламенного животного. Воздух, прежде всего, это дым, струящийся из трубки и лежащийся полосами облаков на небо. Стихии, присутствующие в изображении женщины, перекликаются с окружающим ее пространством, и это отнюдь не только дым и облака на небе: мех оторочки одежды подобен огненным плавникам и хвостам рыб, бисер – круглым рыбьим чешуйкам, узоры на рукавах и на подоле аналогичны

Рис. 1. Поротовы Е. и Ю. «Моя бабушка курит трубку». 2014 г. Акрил.
Режим доступа: https://vk.com/pororovart?z=photo13667214_456239164_%2Fphotos13667214

Fig. 1. Porotovs E. and Yu. «My grandmother smokes a pipe». 2014. Acrylic.
Available at: https://vk.com/pororovart?z=photo13667214_456239164_%2Fphotos13667214

узорам земли. Женщина не только сочетает в себе стихии, но является воплощением мира, его концентрацией и одновременно его творцом, на что указывает дым из трубки, не отличимый от облаков на небе.

Образ пожилой женщины может быть трактован и как образ повитухи, на что указывает ряд признаков. Во-первых, у рыбин в тазу перед ней оранжево-красные брюхи, чешуя на которых выглядит как икринки; создается ощущение, что рыбины полны икрой, новой жизнью. Во-вторых, на поясе пожилой женщины в непосредственной близости от одной из рыбин представлен нож, который несмотря на свою зачехленность может быть вынут в любой момент и применен для высвобождения икры. В-третьих, пожилая женщина не предпринимает никаких активных действий – она не потрошит и не чистит рыбу, но выжидает, будто поджидает наиболее подходящий момент. Такое созерцание, кажущееся на первый взгляд пассивным, расслабленным, но судя по отдельным указателям являющееся настороженным и активным, можно обнаружить в других произведениях, связанных с образами повитух, художников, принадлежащих к КМНС.

Пожилая женщина представлена и как защитница, на что указывают ее взаимоотношения с оленями на дальнем плане. Два оленя бегут к ней, будто ища спасения; один олень представлен спокойно стоящим, будучи помещенным внутрь защищенного со всех сторон пространства, образованного согнутой в локте правой рукой женщины, ее торсом и ногой. В непосредственной близости от стоящего оленя находится изображение рукоятки ножа на поясе женщины, в данном контексте нож может быть трактован как орудие защиты оленей.

Обнаружив такие аспекты образа пожилой женщины, как объединение мировых начал, творец мира, повитуха, защитница, следует обратить внимание на название произведения – «Моя бабушка курит трубку», которое может быть трактовано, с одной стороны, как то, что любой пожилой человек (бабушка или дедушка) являет собой все эти аспекты, что делает его крайне

значимым для культур коренных народов Севера, на что постоянно в интервью обращают внимание представители северных этносов. С другой стороны, название указывает на то, что Юлия и Евгений Поротовы как художники имеют прямое родственное отношение к творцу мира, сами будучи творцами произведений искусства.

Среди вариантов осмысления культурной динамики, перемен, происходящих в жизни КМНС, визуализированных в графических и живописных произведениях, можно выделить несколько основных моделей взаимодействия традиционного и нового, внутреннего и внешнего, печатного и устного, уникально-этнического и общесоветского: культурная динамика, идущая во вред обеим сторонам взаимодействия; сочетание традиционного и современного, позволяющее современному лучше адаптироваться к суровым условиям Севера; освоение коренными северными этносами новшеств с «материка» для улучшения собственной жизни; обоюдные выгоды от взаимодействия.

Примером произведения с негативным оцениванием культурной динамики может быть названа работа В.Б. Рослякова «Таймыр. День рыбака» (рис. 2). В этом произведении визуализирован поселок, расположенный в тундре на берегу реки. Видимо, на центральном открытом пространстве поселка представлены несколько десятков человек: двое из них выступают на деревянной уличной сцене, подавляющее большинство людей собралось перед сценой смотреть выступление. Несколько человек только присутствуют при выступлении, но не вовлечены в него ни в качестве исполнителей, ни в качестве зрителей: некоторые смотрят на собак; другие разговаривают между собой, отвернувшись от сцены; вдалеке едва различимы силуэты взрослого и ребенка, сидящих спинами к концерту. Лица собравшихся зрителей серьезны или даже унылы, их позы безэмоциональны. Две группы зрителей размещены за сценой, за спинами выступающих: у правого угла сцены расположены понуривший голову представитель коренного северного этноса

Рис. 2. Росляков В.Б. «Таймыр. День рыбака». 1987 г.
Холст, масло. художественный музей им. В.И. Сурикова

Fig. 2. Roslyakov V.B. «Taimyr. Fisherman's Day». 1987.
Canvas, oil. Krasnoyarsk Art Museum named after V. Surikov

и три оленя по сторонам его; у левого угла сцены трое взрослых сидят на незапряженных нартах, девочка-подросток стоит рядом с ними, лица всех четверых обращены к выступающим, повернутых к ним спинами. Девочка-подросток выглядит стремящейся выступить на сцене, будто ожидающей своей очереди, на что указывают ее наряд, отличающийся от одежд собравшихся зрителей, и достаточно напряженная поза.

Среди присутствующих подавляющее большинство составляют приезжие-поселенцы, на что указывает, в первую очередь, их городская одежда: свитеры, рубашки, галстуки, юбки. По тельняшкам, кителям и фуражкам отдельных зрителей можно определить их как профессионально связанных с судоходством. Профессиональная принадлежность отдельных зрителей угадывается также по имеющимся рядом с ними атрибутам: например, по этюднику распознается художник в правом нижнем углу; с бумагой в руке на приставленной

к стене клуба лестнице расположился либо делающий набросок художник, либо работник сферы культуры, либо журналист, пишущий заметки о ходе мероприятия. Крайне мало среди изображенных людей детей, что может указывать, с одной стороны, на то, что приезжие по большей части вахтовики, приехавшие на Север временно, на заработки; с другой (вполне согласующейся с первой) – на то, что у поселка нет будущего.

В работе представлен ряд транспортных средств: телега с запряженной в нее лошастью, двое нарт, три оленя, вездеход, лодка. Общей характеристикой для всех них выступает неподвижность. Некоторые из них простаивают временно и скоро придут в движение (телега с лошастью, олени, вероятно – вездеход); другие транспортные средства обездвижены либо надолго, либо навсегда: в нарты не впряжены олени, одни стоят вдали невостребованными, другие потеряли свою основную функцию и пре-

вратились в скамейку для зрителей; лодка вынесена на сушу далеко от берега. То есть нарты и лодка потеряли свои транспортные функции.

Название работы указывает на повод, по случаю которого в поселке происходит концерт, это День рыбака. Но при этом в произведении нет ни рыбы, ни рыбаков. Из атрибутов праздника есть только река и лодка с сетью: река представлена вдаль, зажатая со всех сторон холмами, домами и землей между ними; лодка находится на суше далеко от воды, сети лежат перекинутыми через ее борт, свешивающимися на землю. Практически все собравшиеся люди расположены спинами к реке и к лодке. То есть, учитывая название произведения, можно выделить два смысловых центра: во-первых, это лодка как неотъемлемый транспорт рыбака; во-вторых, сцена, украшенная, подобно кораблю, мачтами с флагами. Сцена-корабль и лодка соперничают друг с другом за рыбака, за рыбу. И сцена выигрывает: будучи украшенной, возвышающейся над окрестностями, она собирает вокруг себя много зрителей-рыб, в то время как сети, свисающие с лодки, не привлекли никого. Выступающие на сцене оказываются теми самими рыбаками, на чей праздник собрались жители; в качестве сетей выступают песня, игра на гитаре. Клуб, рядом с которым расположена сцена, перетянул на себя праздник, реку, рыбаков и рыбу. Традиционному укладу жизни в поселке не осталось места: река зажата, лодка на суше, нарты обездвижены, представитель коренного этноса стоит в углу, его олени стремятся покинуть пространство произведения.

Унылость и безысходность представленной ситуации усугубляется и приобретает трагичный оттенок, когда обнаруживается, что визуализированы две, а не одна сцена. Задником второй – большой, основной – сцены является река, точнее прямоугольник реки, синий, нетронутый волнами, будто представляющий собой наспех нарисованную декорацию. Кулисы основной сцены – дома по сторонам. Сама сцена – открытое пространство поселка. Все

изображенные люди и животные при таком рассмотрении являются актерами, предметы – бутафорией (что согласуется с потерей отдельными из них своих непосредственных функций). Зритель живописного произведения в этой трактовке становится одновременно зрителем спектакля, обесценивающего жизни изображенных людей, делающего их всего лишь массовой, статистами.

Произведение В. Ф. Капелько «В горах Путорана. Геологи» (рис. 3) может быть рассмотрено как репрезентант сочетания традиционного и современного, позволяющего современному лучше адаптироваться к суровым условиям Севера.

Данная работа обращает на себя внимание, в первую очередь, названием, точнее кажущимся на первый взгляд несоответствием его изображению: в названии упомянуты только геологи, хотя из трех визуализированных человек один является оленеводом, представителем одного из коренных северных этносов. Вариантов разрешения данного противоречия может быть несколько. Наиболее очевидны два. Согласно одному, названием подчеркивается значимость именно геологов. Но данное объяснение мало согласуется с изображением: двое геологов в нем тянут из стремительного потока наехавшие на валун груженные нарты наряду с оленями, будто сами впряжены в нарты, будто и их погоняет оленевод. Другое объяснение кажется более приемлемым: геологи («гео» – Земля, «логос» – учение) в данном произведении все три человека. Двое – геологи в общепринятом смысле слова, ими собраны образцы, упакованные в привязанные к нартам ящики. Но и оленевод является геологом, только его знание земли другого рода: он знает, как выживать в суровых условиях Севера, как перебираться через стремнины, как управлять оленями. То есть знание одних геологов институционально, других – имплицитно самому пространству, частью которого они – наряду с реками, горами, тундрой, оленями – и представлены. Первого знания в пространстве Севера оказывается

Рис. 3. Капелько В.Ф. «В горах Путорана. Геологи». 1974 г.
Холст, масло. Красноярский художественный музей им. В.И. Сурикова

Fig. 3. Kapelko V.F. «In the mountains of Putorana. Geologists». 1974.
Canvas, oil. Krasnoyarsk Art Museum named after V. Surikov

недостаточно, только симбиоз – вплоть до работы в упряжке наряду с оленями – со знанием позволяет местным перевезти ценную поклажу через бурный поток.

Осмысление культурной динамики в положительном ключе как освоения коренными северными этносами новшеств с «материка» для улучшения собственной жизни происходит в произведении С.Ф. Турова «Дочь оленевода» (рис. 4).

Офорт состоит из четырех фигуративных частей: центральная – портрет молодой девушки-медика, на трех маленьких верхних частях угадывается она же – в белой шапочке общающаяся с пациентами либо с сумкой мчащаяся к ним на оленьей упряжке. Сопоставление названия и изображения указывает на то, что девушка, с одной стороны, будучи дочерью оленевода, отошла от традиционной культуры, работая врачом, но с другой – стала еще более близкой своей культуре, более востребованной ею, жизненно важной, поскольку ее работа напрямую связана с акушерством и педиатрией – с будущим. Образ дочери оленевода демонстрирует, что даже кардинальные изменения могут быть отнюдь не губительными для культуры, но, напро-

тив, обеспечивающими ее жизнеспособность, помогающими будущему наступить.

Примером гармоничной культурной динамики, приносящей обоюдные выгоды обеим сторонам взаимодействия, может стать живописное произведение Ю.Д. Дева «Осень в тундре» («Скрипичный концерт») (рис. 5).

В данном произведении визуализировано соединение традиционного и современного (советского). Традиционное здесь – это сама пожелтевшая тундра с почти облетевшими лиственницами и голубыми озерами, в которой расставлены чумы, отдыхают олени, готовится юкола, это люди в этнических одеждах, это груженные нарты вблизи чумов, традиционные лодки, сети. Советское – скрипичный концерт, красный флаг, моторная лодка, вездеход, ветряная мельница, бочки с топливом, снегоход, милиционер и детская коляска. Но важно, что соединение традиционного и современного в произведении – это не столько механическое суммирование, сколько вполне естественный симбиоз. Так, в центре композиции представлен круг, образованный людьми, собравшимися слушать. Эта форма является автохтонной для коренных на-

Рис. 4. Туров С.Ф. «Дочь оленевода». 1972 г.
Бумага, офорт. Красноярский художественный музей им. В.И. Сурикова
Fig. 4. Turov S.F. «The reindeer breeder's daughter». 1972.
Paper, etching. Krasnoyarsk Art Museum named after V. Surikov

Рис. 5. Деев Ю.Д. «Осень в тундре. Скрипичный концерт». 1985–1986 гг.
Холст, масло. Красноярский художественный музей им. В.И. Сурикова
Fig. 5. Deev Yu.D. «Autumn in the tundra. Violin Concerto». 1985–1986.
Canvas, oil. Krasnoyarsk Art Museum named after V. Surikov

родов Севера: собираться кругом, например, в чуме и – будучи носителями устной культуры – слушать. Традиционно в тундре слушали сказителей, отнюдь не развлекающих собравшихся, но знакомящих их с представлениями о мироустройстве в исконной устной форме. В рассматриваемом произведении на смену сказителю пришел скрипач, знакомящий слушателей (отнюдь не только представителей коренных народов, но и приезжих, легко идентифицируемых по одежде) не с основами миропорядка через призму коренного мировоззрения, но с другой культурой, с культурой Запада.

Интересно обратить внимание на импровизированную сцену, сочетающую в себе, с одной стороны, собственно кулисы-лиственницы и задник из полотна, с другой – подобие покрывки чума. Симбиоз традиционного и современного обнаруживается также в притаившихся за этим полотнищем девушках – они изображены в нарядах, сочетающих в себе традиционность (характерный внешний вид) и современность, поскольку это не просто исконные одежды коренных народов, но концертные костюмы, на что указывает их одинаковость, а также деятельность девушек – нахождение их за сценой в одинаковых костюмах указывает на ожидание ими своей очереди выступать. То есть коренные народы перенимают нетрадиционный для себя, но современный для страны вид деятельности – концертный. Еще один вид деятельности, осваиваемый коренными, – это графика: среди зрителей присутствует представитель коренного народа, зарисовывающий происходящее.

Традиционность и современность естественно соединяются в произведении и во внешнем круге, образованном перемежающимися традиционными жилищами, транспортными средствами и техникой, соседствующими бок о бок, отчасти похожими друг на друга. Похожи друг на друга и лодки – традиционные и моторная; похожи вездеход и нарты, частично накрытые от промокания; похожи по устройству чумы, склад бочек с топливом и импровизированный гараж для снегохода. Есте-

ственность соединения традиционного и современного может быть обнаружена и в ближайшей к зрителю группе персонажей: это единственные отвлеченные от концерта герои – милиционер в форме, молодая мать и детская коляска, перекликающиеся друг с другом по цветовому решению (обшивка коляски и одежда матери, рубашка милиционера и обувь женщины), – можно предположить, что эта семья – эссенция темы естественного соединения разного, представленной в произведении практически повсеместно. В целом, все в произведении выглядит гармоничным и размеренным, все дела сделаны (мясо и рыба, лодки и сети сушатся, все накрыто от возможной непогоды), люди и олени отдыхают перед приходом зимы, перед сезонной сменой жилищ, перед сезонной сменой образа жизни.

Несколько особняком в череде рассмотренных произведений стоит «Наследник тундры» К. С. Войнова (рис. 6).

Изображенный в этом произведении юноша полностью одет не в традиционную для коренных малочисленных народов одежду, хотя именно одежда, как правило, является первым маркером, отличающим один северный этнос от другого. То есть непосредственная принадлежность к конкретному коренному малочисленному народу в современном мире оказывается не столь значима по сравнению с принадлежностью к коренным этносам Севера в целом, юноша – наследник самой тундры, а не только своего народа. Будучи наследником тундры, он выступает защитником оленей, спрятавшихся за его спиной, и даже собаки, стоящей за ним. При этом у него нет никакого оружия, хорей в руках – это шест для управления оленями, а не для битв.

Можно провести аналогию между изображенным юношей и библейским Давидом, на что указывает ряд признаков: во-первых, наличие оленей – Давид был пастухом; во-вторых, возраст – Давид в сражении с Голиафом был юным, практически мальчиком; в-третьих, атрибуты в руках – Голиаф упоминает палки, с которыми идет на него Давид, также оружием Давида является праща; в-четвертых, красная тундра

Рис. 6. Войнов К. С. «Наследник тундры». Холст, масло.
Режим доступа: <http://www.voinov-k.ru/etnika.php>

Fig. 6. Voinov K. S. «Heir of the Tundra». Canvas, oil.
Available at: <http://www.voinov-k.ru/etnika.php>

подобна окровавленному полю боя филистимлян и иудеев. Зачастую в западноевропейской традиции живописи Голиаф не изображался в данном сюжете, что только усиливало ужас зрителя, позволяя ему самому домыслить чудовищность образа великана. В рассматриваемом произведении Голиаф отсутствует, зрителю предстоит самому решить, кто или что представляет угрозу, страшит оленей и собаку. Важным выводом из сравнения наследника тундры с библейским Давидом является следующий: культура коренных народов выстоит под натиском превышающего ее силы врага, поскольку так угодно высшим силам. На это указывают в том числе отдельные элементы визуального представления, например хорей в руках наследника тундры: расположенный по диагонали из левого нижнего угла в правый верхний, он образует так называемую диагональ победы. Грядущий поединок с великаном позволит наследнику тундры стать ее царем. Подобно тому, как библейский Давид был пастухом овец, понимаемых в том числе как паства, олени также могут восприниматься не только как северные животные, но как

сами северные народы, чья традиционная одежда имитирует внешний облик оленя.

Заключение

Проведенный анализ живописных и графических произведений, визуализирующих быт КМНС, позволил разделить их на две большие группы: в одной из них культурная динамика нивелирована, в них представлена скорее культурная статика; к другой группе относятся произведения, в которых культурная динамика фиксируется и осмысливается. К первой группе отнесены работы, в которых представлена жизнь коренных этносов до прихода на Север советской власти. Вторую группу произведений составляют различные варианты осмысления культурной динамики, перемен, происходящих в жизни КМНС, среди которых можно выделить следующие модели взаимодействия традиционного и нового, внутреннего и внешнего, печатного и устного: культурная динамика, идущая во вред обеим сторонам взаимодействия; сочетание традиционного и современного, позволяющее современному лучше адаптироваться к суровым условиям Севера; ос-

воение коренными северными этносами новшеств с «материка» для улучшения собственной жизни; обоюдные выгоды от взаимодействия; симбиоз традиционного и нового. Шесть выделенных моделей осмысления культурной динамики КМНС могут послужить способом систематиза-

ции произведений, визуализирующих быт коренных народов Севера. Количество моделей осмысления культурной динамики коренных малочисленных народов Севера в предложенной систематике может изменяться, подобно тому, как их характеристики могут уточняться и корректироваться.

Список литературы / References

- Amosova, M.A., Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A., Seredkina, N.N., Zamaraeva, Yu.S., Kistova, A.V., Reznikova, K.V., Kolesnik, M.A., Pimenova, N.N. (2019). Ethnocultural identity in the works of Krasnoyarsk artists. In *Journal of the Siberian Federal University. Humanitarian sciences*, 12 (8), 1524–1551.
- Avdeeva, Yu.N., Degtyarenko, K. A. Koptseva N. P. (2020). Compensatory Role of Symbolic Mediators in Constructing Ethnocultural Identity. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 13(5), 702–715.
- Barmina, E.V. (2019). Obraz olenja v tradicionnoi kulture korennih narodov Vostochnoi Sibiri [The Image of a Deer in Traditional Culture of Indigenous Peoples of Eastern Siberia]. In *Socialnyy i gumanitarnyy jurnal krasnoyarskogo GAU [Social and humanitarian Journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University]*, 2, 202–213.
- Degtyarenko, K.A., Seredkina, N.N., Shpak, A.A. (2021). Historiography of Studies of Ethnocultural Dynamics in the Republic of Khakasia. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 14(6), 782–796.
- Ershov, M. F. (2019). Rayshev: hudojnik v kontexte epohi [Rayshev: the artist in the context of the epoch]. In *Vestnik ugrovedehija [Bulletin of Ugro science]*, 9 (2), 352–362.
- Fil'ko, A.I., Avdeeva, Yu.N., Kistova, A.V., Pimenova, N.N., Robachevskaya, N.N. (2021). Ethnocultural Dynamics of the Krasnoyarsk Territory in the Works of Krasnoyarsk Artists. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 14(6), 873–889.
- Kistova, A.V., Bulak, K.A., Pimenova, N.N., Shimanskaya, K.I., Pashova, E.V. (2020). The Image of the Yenisei in the Paintings of Krasnoyarsk Artists. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 13(6), 891–903.
- Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A. (2022). Historical Memory of the Indigenous Small- Numbered Peoples of the Evenk Municipal District: Methodological Approaches to Research. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 15(5), 666–678.
- Koptseva, N.P., Berezyuk, S.V., Khrebtov, M. Ya. (2021). Ethnopedagogical practices of preservation and reproduction of the traditional culture of the indigenous small-numbered peoples of the North and Siberia (the case of Krasnoyarsk region). In *Perspektivy nauki i obrazovania [Perspectives of Science and Education]*, 50(2), 293–310.
- Koptseva, N.P. (2016). Modern Concepts of Cultural Sociodynamics in the Context of Research of the Socio-Cultural Environment of the Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 9(1). 68–78.
- Koptseva, N., Reznikova, K.V., Razumovskaya, V.A. (2018). The construction of cultural and religious identities in the temple architecture. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 11(7), 1021–1082.
- Kulikova, I.M. (2018). Etnicheskie konstrukti skvoz prizmu koncepcij «idealnoj realnosti» v tvorches-tve Gennadija Raysheva [Ethnic constructs through a prism of conceptions of «ideal reality» in creativity of Gennady Rayshev]. In *Vestnik ugrovedehija [Bulletin of Ugro science]*, 8 (4), 780–791.
- Lazutina, T.V. (2016). Simvolichnost ornamenta korennih narodov Severa Rossii [The Symbolical Character of an Ornament used by the Indigenous People Of The Russian North]. In *Obschestvo: filo-*

sofia, istoria, kultura [Society: philosophy, history, culture], available at: www.cyberleninka.ru/article/n/simvolichnost-ornamenta-korennyh-narodov-severa-rossii

Lebedeva, A.V. (2016). Olen v izobrazitel'nom iskusstve hantov i mansy [Deer in the fine arts of khanty and mansi]. In *Koncept [Concept]*, 15, 1786–1790.

Libakova, N.M., Sertakova, E.A. (2015). Formation of Ethnic Identity of the Indigenous Peoples of the North in Arts and Crafts on the Example of Bone Carving. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 4(8), 750–768.

Leshchinskaya, N.M., Sertakova, E.A., Pashova, E.V. (2021). Tradicionnaya ekonomika korennyh narodov Severnoj Azii, prozhivayushchih v zonah s ekstremal'nym klimatom [The traditional economy of the indigenous peoples of North Asia living in zones with extreme climates]. In *Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian anthropological journal]*, 1 (3), 20–29. DOI: 10.31804/2542-1816-2021-5-1-20-29.

Moskalyuk, M.V., Grishchenko, A.P. (2020) Siberian Identity in Traditions and Innovations of Art Culture. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 13(6), 914–923.

Novikov, A.V., Bondareva, A.A. (2012). «Netradicionnoe» iskusstvo hanty i «Severniy izobrazitel'nyy stil» [«Non-traditional» art of the Khanty and the «Northern style in Arts»]. In *Vestnik ugrovedehija [Bulletin of Ugro science]*, 3(10), 119–128.

Pimenova, N.N. (2021). Modelirovanie nacional'noj politiki SSSR po otnosheniyu k korennyim malochislennym narodam Severa, prozhivayushchim v 1920–1970 gg. v Evenkijskom nacional'nom (avtonomnom s 1977 g.) okruge [Modeling the national policy of the USSR in relation to the small indigenous peoples of the North, living in 1920–1970. in the Evenk national (autonomous since 1977) district]. In *Severnye arhivy i ekspedicii [Northern archives and expeditions]*, 5(3), 64–76. DOI: 10.31806/2542-1158-2021-5-3-64-76.

Seredkina, N.N., Ermakov, T.K., Temnikova, O.A., Shishkova, E.E. (2021). Evenkijskij nacional'nyj (avtonomnyj) okrug v kontekste sovetskoj nacional'noj politiki 1920–1970 gg. [Evenk National (Autonomous) District in the Context of Soviet Ethnic Policy 1920–1970]. In *Severnye arhivy i ekspedicii [Northern archives and expeditions]*, 5(3), 77–88. DOI: 10.31806/2542-1158-2021-5-3-77-88.

Sertakova, E.A., Leshchinskaya, N.M., Kolesnik, M.A., Kistova A. V. (2022). Ethnocultural Dynamics of the Indigenous Peoples of Yenisei Siberia in Research Works of 2010s-2020s. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 15(5), 702–716.

Shpak, A.A., Pchelkina, D. S. (2021). Formirovanie slozhnyh identichnostej i processy etnicheskoj samoidentifikacii (na materiale analiza regionov Sibirskogo federal'nogo okruga) [Formation of complex identities and processes of ethnic self-identification (based on the analysis of the regions of the Siberian Federal District)]. In *Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian anthropological journal]*, 5 (2), 86–96. DOI: 10.31804/2542-1816-2021-5-2-86-96

Sokolova, F., Troshina T. (2015). Ekologicheskoye izmereniye kul'tury korennykh malochislennykh narodov Rossiyskoy Arktiki [Ecological dimension of culture of indigenous minorities in Russian Arctic area]. In *Ekologiya cheloveka [Human ecology]*, 11, 56–64.

Terebikhin, N.M., Tamitskiy, A.M., Khudyaev, A.S., Zhuravlev, P.S. (2019). Mekhanizmy pamyati v mental'noy ekologii narodov severa [Mechanisms of memory in mental ecology of the northern peoples]. In *Ekologiya cheloveka [Human ecology]*, 03, 30–37.

Tvorzhinskaya, M.D. (2011). Nacionalnie tradicii v sovremennoy iskusstve Ygri [National traditions in contemporary art of Yugra]. In *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena [Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University]*. 2011. 131, 321–327.

Zabelina, E.V., Kurnosova, S.A., Trushina, I.A., Koptseva, N.P., Luzan, V.S. (2020). Life Values and Subjective Well-being of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Arctic Zone (Based on the Example of the Nenets). In *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 13(6), 997–1006.

Zhukovsky, V.I., Koptseva, N.P., Pivovarov, D.V. (2006). *Vizual'naya sushchnost' religii [The visual essence of religion]*. Krasnoyarsk, 2006, 461 p.

DOI: 10.17516/1997-1370-0892
УДК 7.03; 75.04

Fine Arts in the Artistic Culture of the Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation

Natalia N. Seredkina*

*Siberian Federal University
Russian Federation, Krasnoyarsk*

Received 29.12.2021, received in revised form 20.01.2022, accepted 03.02.2022

Abstract. The fine arts of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation represent a special direction in the history of the development of national artistic culture. The article analyzes the place and role of fine arts in the general system of artistic culture of the indigenous peoples of the North of the Russian Federation. The preconditions for the development of the national fine arts in the field of graphics, painting and drawing in the Soviet period are analyzed on the basis of documentary sources. Much attention is paid to the analysis of the work of individual artists from among the indigenous peoples of the North of the Russian Federation. Nenets, Dolgan, Nganasan and Evenk fine arts are considered separately. This systematic approach made it possible to identify both common and unique trends in the visual images of artists from among the northern peoples.

Keywords: national fine arts; small indigenous peoples of the North, artists of the North of the Russian Federation.

The research was funded by RFBR, project number 21–09–43014.

Research area: culturology, art history.

Citation: Seredkina, N. N. (2022). Fine arts in the artistic culture of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(6), 853–866. DOI: 10.17516/1997-1370-0892.

Изобразительное искусство в художественной культуре коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ

Н.Н. Середкина

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. Изобразительное искусство коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации представляет собой особое направление в истории развития национальной художественной культуры. В статье анализируется место и роль изобразительного искусства в общей системе художественной культуры коренных малочисленных народов Севера РФ. На основе документальных источников анализируются предпосылки развития национального изобразительного искусства в области графики, живописи и рисунка в советский период. Большое внимание уделено анализу творчества отдельных художников из числа коренных малочисленных народов Севера РФ. Отдельно рассмотрено ненецкое, долганское, нганасанское и эвенкийское изобразительное искусство. Данный системный подход позволил выявить как общие, так и уникальные тенденции в визуальных образах художников из числа северных народов.

Ключевые слова: национальное изобразительное искусство, коренные малочисленные народы Севера, художники Севера РФ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21–09–43014.

Научные специальности: 24.00.00 – культурология, 17.00.00 – искусствоведение.

Введение

Изобразительное искусство коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ представляет собой особое направление в истории развития художественной культуры северных народов. Оно имеет свою историю развития, свои уникальные практики, оно оригинально и неповторимо (Uvachan, 1984). Появление художников из числа коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ и развитие благодаря их творчеству национального изобразительного искусства стали свидетельством духовного роста северных народов (Uvachan, 1974).

С середины XX века возникает необходимость системного описания различных сторон жизни и культуры северных народов, в том числе и особенностей первых практик проявления национального изо-

бразительного искусства (Levin, Potapov, 1956). В 1990–2000-х годах изобразительное искусство народов Севера становится самостоятельным объектом научных исследований (Vazhova, 2009; Levochkina, 2005; Lomanova, 2003; 2015; Matochkin, 2009 et al.). Цель данного исследования состоит в осмыслении места и роли изобразительного искусства народов Севера РФ в общей системе их художественной культуры, предпосылок для его развития, а также в выявлении общих и уникальных тенденций в творчестве ведущих художников из числа коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ.

Методология

В основе методологии исследования лежит междисциплинарный подход, позволивший объединить разные методологиче-

ские принципы в исследовании одной предметной области (Kistova, 2020, Koptseva & Kirko, 2014a, 2014b, 2014c, Sitnikova & Li, 2020, Zamaraeva et al., 2019, Yurchenko, 2020). В данном исследовании ключевые методологические принципы определены конструктивизмом и современной теорией изобразительного искусства. Конструктивистский подход позволил рассматривать произведения изобразительного искусства как особый конструкт, воплощающий в художественной форме мировоззренческие устои как отдельного художника, так и того народа, членом которого он является (Kolesnik et al., 2018, Libakova & Sertakova, 2015, Reznikova & Zamaraeva, 2016). Философско-искусствоведческий анализ современной теории изобразительного искусства дал возможность рассматривать произведения искусства с позиции их содержательности, художественного замысла (Amosova et al., 2019, Avdeeva et al., 2020, Karlova et al., 2020, Koptseva et al., 2018, Leshchinskaya, 2021, Sitnikova & Zhukovskaia, 2015).

Материалом для исследования послужили произведения изобразительного искусства ведущих художников из числа коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, созданные в советский и постсоветский периоды, а также документальные источники, посвященные описанию развития культуры северных народов в советский период.

Место и роль изобразительного искусства в художественной культуре коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ

Изобразительное искусство в художественной культуре коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации занимает особое положение. Прежде всего следует заметить, что живопись и графика не являются столь традиционными видами творчества для коренных малочисленных народов Севера, подобно декоративно-прикладному искусству и фольклору. Однако именно декоративно-прикладное искусство предопределило развитие изобразительного искусства, которое развивалось изначально в виде орнаментов на различных предметах, вещах утилитарного назначения. В этом смысле история изобразительного искусства северных народов соотносится с историей развития декоративно-прикладного искусства. Если же мы говорим об истории развития живописи и графики среди народов Севера, то данные направления национального изобразительного искусства получили свое развитие значительно позже. Творчество первого самобытного художника приходится на середину XX века, а творчество первых профессиональных художников из числа коренных малочисленных народов Севера РФ – на вторую его половину.

Кроме того, изобразительное искусство коренных малочисленных народов Севера РФ – это скорее индивидуализированное искусство. Если декоративно-прикладным искусством занимались практически все – и мужчины, и женщины, то изобразительное искусство северных народов представлено творчеством отдельных художников, в частности, из числа нганасан, ненцев, долган и эвенков. Речь в данном случае идет не об орнаменте как виде изобразительного искусства северных народов, а о живописи и графике. Развитие именно данных направлений изобразительного искусства знаменовало собой новый этап в истории развития художественной культуры северных народов, их культурной и духовной жизни.

Кроме того, изобразительное искусство коренных малочисленных народов Севера РФ – это скорее индивидуализированное искусство. Если декоративно-прикладным искусством занимались практически все – и мужчины, и женщины, то изобразительное искусство северных народов представлено творчеством отдельных художников, в частности, из числа нганасан, ненцев, долган и эвенков. Речь в данном случае идет не об орнаменте как виде изобразительного искусства северных народов, а о живописи и графике. Развитие именно данных направлений изобразительного искусства знаменовало собой новый этап в истории развития художественной культуры северных народов, их культурной и духовной жизни.

Предпосылки развития изобразительного искусства среди коренных малочисленных народов Севера (на примере эвенков Севера Красноярского края)

Большую роль в развитии изобразительного искусства среди коренных малочисленных народов Севера сыграла культурная политика, проводимая советской властью по отношению к северным народам. Культурным строительством были охвачены все социалистические нации. Все народности Севера должны были выйти

на новый более высокий уровень культурного развития. Для достижения этой цели советским правительством был предпринят ряд мер: создавалась письменность национальных языков, печатались учебники и произведения литературы на родных языках, создавалась широкая система образования северных народов, в том числе ориентированная на подготовку профессиональных национальных кадров и научных кадров, открывались культурно-просветительские учреждения. На государственном уровне была разработана широкая программа по развитию жизни и культуры северных народов, что впоследствии привело к так называемой культурной революции среди народов Севера.

Одним из первых этапов осуществления культурной революции на Севере являлось создание культурных баз. В связи с этим расширенный пленум Комитета содействия народностям северных территорий при Президиуме ВЦИК РСФСР вынес в мае 1925 года постановление, в котором говорилось: «Признать устройство культурных баз вполне целесообразным и наиболее рациональным методом работы для культурного подъема, развития самостоятельности, выработки основ национального самоопределения и вовлечения туземных племен в советское строительство, а также для оказания немедленной экономической и культурной помощи туземцам. Основным признаком культбаз признать намеченные в них Комитетом Севера – соединение кооперативной, хозяйственной, просветительной, врачебной, ветеринарной и научно-исследовательской работы» (ЭА. Ф. 143. Оп. 1. Ед. хр. 91). На основании этого постановления на Крайнем Севере были созданы восемь культурных баз, которые вели широкую разнопрофильную деятельность.

Наряду с культбазами развитие получили культурно-просветительские учреждения, число которых в XX веке росло от года в год. Если в 1930 году сеть просветительских учреждений насчитывала единицы, то к 1963 году в Советской Эвенкии работали 7 библиотек, 21 изба-читальня, 3 районных клуба, 3 радиоузла, 3 киноуста-

новки. Наряду с позитивными тенденциями фиксировался недостаток национальных кадров в узких сферах культуры. К 1960-м годам отмечалось крайне малое количество национальных поэтов и писателей. Совсем не было артистов, художников и композиторов. Подготовка данных кадров рассматривалась как отдельный новый этап в формировании профессиональных национальных кадров. В перспективе национальная художественная интеллигенция должна была способствовать, с одной стороны, укреплению национальной культуры, с другой – объединению культур на основе формируемых в отдельных практиках общих духовных ценностей. Такую задачу, в частности, сформулировал Семен Николаевич Комбагир, инструктор идеологического отдела Эвенкийского ОК КПСС, и ей в полной мере отвечали возможности изобразительного искусства.

Особое развитие изобразительное искусство в советский период получило среди ненцев Северо-Западного и Уральского федерального округов РФ, нганасан, долган и эвенков Севера Красноярского края.

Ненецкое изобразительное искусство

Хронологически историю развития ненецкого изобразительного искусства позволительно вести с начала XX века, периода раннего творчества художника Тыко Вылка (1886–1960). Он не был профессиональным художником в полном смысле этого слова, но был самоучкой и потому самобытным художником. Занятия изобразительным искусством не были самоцелью Тыко Вылка. Это не была его ведущая деятельность в жизни. Однако творчеством он занимался на протяжении всей своей трудовой жизни. Его работы 1910–1940-х годов, за небольшим исключением, не сохранились, поэтому основными источниками для анализа творчества Тыко Вылка и ненецкого изобразительного искусства в целом служат работы художника 1950-х годов (URL: <http://arhmuseum.ru/collections/view/25>).

Основные темы его произведений – человек как житель Севера, его быт и собственная северная природа.

Репрезентантами работ, демонстрирующими особенность мироотношения человека Севера в концепции Тыко Вылка, являются картины «Губа Белушья», «Стоянка Русанова» (1950-е) и «На промысле за тюленем» (1959).

Персонажи в художественном пространстве его картин, как правило, изображаются на переднем плане. Количество персонажей варьируется от одного до трех человек, которые при этом всегда заняты делом. Каждый из них погружен в выполняемую им работу. Как отмечает О. Воронова, человек не работающий невозможен в мире Тыко (Voronova, 1977). В художественном пространстве его работ господствует идея «безмолвной тишины». Персонажи никак не взаимодействуют друг с другом, за исключением лишь того рода деятельности, которым они заняты. Единственным элементом, объединяющим персонажей друг с другом, является само художественное пространство бескрайней природы, где они совершают ту или иную работу.

Персонажи картин Тыко Вылка представлены в обобщенном виде. Отсутствует детализация образов. Единственный созданный им портрет – это портрет Русанова. Остальные персонажи – это просто люди, живущие на Севере.

Композиция работ Т. Вылка не перегружена деталями, здесь господствуют ясность и обозримость. Пространство жизни людей, как правило, изображено необжитым. Человека окружает только безграничное снежное поле и один-два чума. Сама земля, окружающая человека, природа, предстает, таким образом, домом для него.

Все сюжетные линии, которые визуализированы в творчестве Т. Вылка, связаны с событиями из жизни художника. Т. Вылка обращался к изображению наиболее значащих для него лично и для Новой Земли событий. Такими событиями было, например, участие Тыко в северных экспедициях под руководством Русанова, где он был незаменимым проводником и участником. Другим важным для художника событием стало благоустройство территории его родной Новой Земли. Эти события легли в ос-

нову сюжета его работ «Стоянка Русанова» и «Становище Белушья Губа».

Большое место в творчестве Т. Вылка занимает тема северной природы. Наиболее частыми мотивами его пейзажей являются горы и ледники. Пространство Севера предстает в его работах в своей безграничности и величественности, что достигается за счет отсутствия видимых границ художественного пространства. Оно принципиально разомкнуто и открыто. В пейзажных работах персонажами выступают сами объекты природы – солнце, горы, ледники, небо, вода. Через визуализацию различных световых периодов дня визуализируется жизнь и динамика Северного мира, в котором живет человек и который живет по своим собственным законам. Репрезентантом может служить картина «Новая Земля. Ледник» (рис. 1).

Другим художником из числа ненецкой этнической группы является живописец и график Леонид Алексеевич Лар. Творчество Л. А. Лара репрезентирует развитие ненецкого изобразительного искусства рубежа советского и постсоветского периодов.

Родился художник в 1955 году в поселке Салемал Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Леонид Алексеевич получил полное профессиональное художественное образование. Учился он в Московской средней художественной школе (1969–1974), а затем в Московском художественном институте им. В.И. Сурикова (1974–1980). Леонид Алексеевич является кандидатом исторических наук, с 1993 года – членом Союза художников РФ.

В отличие от Тыко Вылка, который большую часть своей жизни прожил на Севере среди своего народа, Леонид Алексеевич с раннего возраста был оторван от родных мест. Возвращению в родные места способствовали его экспедиции на Ямал, во время которых художник изучал особенности традиционного уклада жизни ненцев. Полученные знания художник использовал для написания своих картин, преимущественно изображающих традиционный быт, мифологическую и религиозную кар-

Рис. 1. Вылка Т. Новая Земля. Родник
(источник: Воронова О. Президент Новой Земли Тыко Вылка. М.: Советский художник, 1977)

Fig. 1. Vylka T. Novaya Zemlya. Spring
(source: Voronova, O. President of Novaya Zemlya Tyko Vylka. Moscow: Soviet Artist, 1977)

тину мира ненцев. Художественные образы Л. А. Лара воплощают скорее духовные ценности ненцев, выражающиеся через элементы материальной культуры, а также через визуализацию отдельных знаково-символических форм. Репрезентантами его творчества являются картины «Чум из бересты» (1988), «Глаза Нума» (1992), «Священное место» (1995), «Продолжение рода» (1997), «Четыре стихии» (2000).

В наибольшей степени философское и религиозно-мифологическое содержание творчества художника воплощено в картине «Глаза Нума» (1992), созданной после длительной экспедиции художника по Ямалу.

В художественном пространстве картины на переднем плане изображен шаман, держащий в руках бубен. «Звучание» бубна задает ритм вхождения шамана в состояние камлания. В данном случае изображен момент перехода шамана из одного состояния в другое. На заднем плане, в верхней плоскости холста, изображены Глаза Нума, рядом с которыми представлены его помощники и другие небесные духи. Они помогают шаману донести до Нума просьбы

людей и предотвратить беды, посылаемые злыми духами. Согласно ненецким мифам, Нум предстает высшим божеством, творцом Вселенной и человека. Он всевидящий и вездесущий, верховное божество, которое пребывает в небесной зоне Вселенной и распоряжается судьбами народов, управляет природой. В его ведении находятся и судьбы шаманов. Сам Нум недоступен человеку. Произведение, таким образом, в знаково-символической форме выражает незримую сущности верховного божества и путь возможного его достижения человеком через посредника – шамана.

Долганское изобразительное искусство

Ведущим представителем долганского изобразительного искусства советского и начала постсоветского периодов является Борис Николаевич Молчанов (1938–1993), первый долганский художник с профессиональным образованием.

В основе художественных образов Б. Н. Молчанова лежат традиции устного народного творчества долган – сказки, песни. Кроме того, сама жизнь долганского народа и природа Севера являлись источ-

никами для создания художником произведений графики, живописи и декоративно-прикладного искусства.

Одним из репрезентативных произведений живописи Б. Н. Молчанова периода 1980-х годов является картина «Весенние травы» (рис. 2).

В художественном пространстве картины представлены два сидящих на корточках персонажа, окруженные травами. При достаточной реалистичности изображения фигур персонажей, их поз лица переданы предельно обобщенно. Условный в целом образ персонажей становится художественным средством выражения общечеловеческой идеи бытия человека в гармонии с природой.

Персонажи по своим размерам не доминируют на плоскости холста, наоборот, они уравниваются с высотой трав, находятся посреди нее. Обращенность их поз и взглядов к земле формирует такое визуальное понятие, как «погруженность». Погруженность в себя, погруженность в свою работу, погруженность в мир природы.

Тема единства человека и природы поддерживается также на уровне цветового решения композиции. Цветовое решение в изображении персонажей аналогично цветовому решению пространства неба. Белые краскоформы заднего плана находят свое дальнейшее проявление из глубины вовне в отдельных мазках белого цвета, нанесенных поверх краскоформ желтого и охристого цветов, представляющих художественный образ трав. Далее данное движение из глубины вовне поддерживается белыми краскоформами, формирующими образ фигур. Через едва уловимые блики белого цвета на поверхности контрастного цвета трав небесная благодать разливается в мир природы, а через природу находит свое проявление в облике человека.

Говоря о творчестве Б. Н. Молчанова как репрезентативном для долганского изобразительного искусства, нельзя не сказать и о других направлениях работы художника. В этом смысле долганское изобразительное искусство расширяется в своей видовой классификации до уровня сосуществования изобразительной традиции и декоративно-

Рис. 2. Молчанов Б. Н. Весенние травы. 1989
(источник: Звезда Заполярья: Таймырский художник Борис Молчанов: альбом. М.: Полиграфвидео, 1995)

Fig. 2. Molchanov B. N. Spring herbs. 1989
(source: Star of the Arctic: Taimyr artist Boris Molchanov: album. M.: Polygraphvideo, 1995)

прикладного искусства. Одним из таких направлений является новая для изобразительного искусства техника работы с кожей и замшей, к которой Б. Н. Молчанов обратился впервые в 1988 году.

При этом интерес для художника представляли старые и ненужные уже олени шкуры, ранее использовавшиеся для покрытия чумов. Подобный материал служил для художника символической связью с прошлым северного народа. Первый показ работ из кожи состоялся в 1990 году. В произведениях из кожи и замши сквозной темой проходят мотивы, связанные с традиционным бытом северных народов и их традиционным религиозно-мифологическим мировоззрением.

Условность, присущая живописным работам художника, становится ведущим художественным средством и в его работе с кожей и замшей. Особенностью данных работ является то, что здесь важным становится не столько изображение видимой стороны жизни северных народов в ее объективности, реальности, сколько выражение неуловимых, но имеющих место быть в жизни коренных народов Севера процессов.

Нганасанское изобразительное искусство

Нганасанское изобразительное искусство сложилось благодаря творчеству первого художника из числа нганасан Севера Красноярского края Мотюмяка Сочуптеевича Турдагина (1939–2002).

М. С. Турдагин известен как художник-график, автор линогравюр, офортов, рисунков тушью, карандашом, акварелью. Его творчество и в жанровом отношении достаточно разнообразно. Он работал в таких жанрах, как пейзаж, портрет, а также создавал рисунки и гравюры в религиозно-мифологическом, бытовом и анималистическом жанрах.

Одной из репрезентативных картин анималистического жанра является картина «Стадо», написанная в технике акварель в 1989 году (рис. 3).

В художественном пространстве картины изображено стадо оленей, расположившихся на отдых. Изображение на заднем плане жилищ человека позволяет охарактеризовать оленей как домашних. Они окружили три стоящих рядом чума. Человек со своим жилищем становится центром притяжения оленей. Визуализируется, таким образом, неразрывная связь

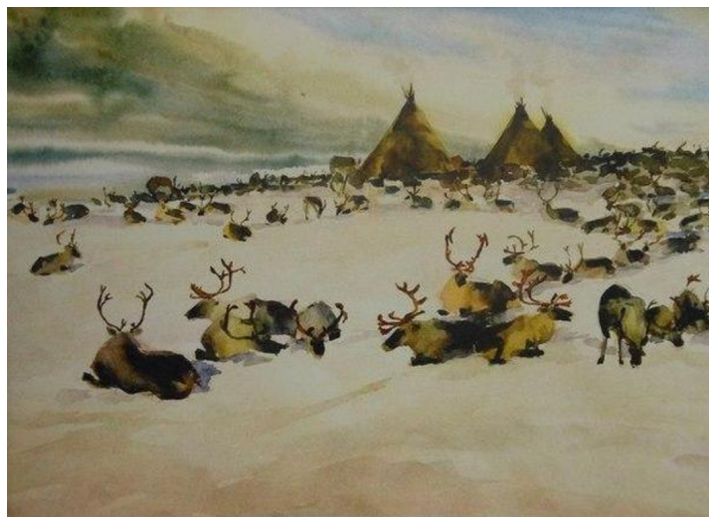

Рис. 3. Турдагин М. С. Стадо. 1989 (источник: <https://arctic-megapedia.com/blog/2020/12/03/первый-профессиональный-художник-нг/>)

Fig. 3. Turdagin M. S. Herd. 1989 (source: <https://arctic-megapedia.com/blog/2020/12/03/первый-профессиональный-художник-нг/>)

животного мира с миром людей. Не случайно цветовое решение чума и окрас оленей выполнены в едином цветовом диапазоне. Идея единства поддерживается также спиралевидной композицией, образованной линией расположения в художественном пространстве животных. Данная умозрительная линия берет свое начало на переднем плане и по мере увеличения диаметра кольца уходит вглубь художественного пространства картины. Подобная спиралевидная композиция придает художественному образу картины характеристику цикличности и бесконечности. Циклично идет жизнь, история и так же циклично развивается хозяйство и быт этого народа. Таким образом, традиция позиционируется как ценность, которая не уходит с течением времени, но обретает каждый раз новый виток своего развития.

Репрезентантом религиозно-мифологического жанра в творчестве художника является произведение «Сказ о тундре», созданное в 1995 году (рис. 4).

С аналогичным названием у М.С. Турдагина есть еще несколько работ. Все они призваны визуализировать различные мифы и легенды нганасан. Выполнены они, как правило, в одной и той же технике – технике туши и пера.

Сюжет произведения «Сказ о тундре» 1995 года восходит к одной из легенд нганасан о споре двух матерей: матери огня и матери земли. В художественном пространстве картины изображена женщина, возвышающаяся над снежным холмом. Верхняя часть ее туловища является продолжением этого холма. Это прародительница Земли. Она возвышается над всем человеческим миром, который изображен

Рис. 4. Турдагин М.С. Сказ о тундре. 1995
(источник: <https://arctic-megapedia.com/blog/2020/12/03/первый-профессиональный-художник-нг/>)

Fig. 4. Turdagin M.S. The tale of the tundra. 1995
(source: <https://arctic-megapedia.com/blog/2020/12/03/первый-профессиональный-художник-нг/>)

в нижней части холста на переднем плане, у подножия горы. Выражается, таким образом, идея соотношения двух миров – мира человека и мира природы.

В целом, можно сказать, что все творчество М. С. Турдагина объединено единой сквозной темой – темой жизни северных народов. При этом каждое произведение художника может рассматриваться как отдельная часть единого образа. Этот образ складывается из отдельных картин, визуализирующих различные темы, связанные с бытом нганасан, их традициями и обрядами, а также визуализирующие уникальность северной природы. В своей совокупности данные визуальные образы воплощают единую картину мира северного народа.

Эвенкийское изобразительное искусство

С середины XX века в эвенкийском изобразительном искусстве отдельно выделяются такие направления, как графика и живопись. Первыми национальными художниками-графиками были Роман Ильич Пикунов (1941–1982) и Николай Христофорович Ботулу (1932–1979).

Их творческий путь пришелся на годы активного культурного преобразования жизни коренных малочисленных народов Севера. В русле общей тенденции повышения квалификации всех национальных кадров в советский период Роман Пикунов и Николай Ботулу также имели возможность получить профессиональное образование. Р. И. Пикунов окончил художественно-графический факультет Ленинградского института им. Герцена (Sumakov, 1999). Н. Х. Ботулу окончил Минусинскую культурно-просветительскую школу. Особое развитие в их творчестве получила линогравюра. Художники создавали свои произведения как иллюстрации к различным литературным произведениям (Р. Пикунов) или заметкам национальной газеты «Советская Эвенкия» (Н. Ботулу) (URL: <https://muzey-tura.krn.muzkult.ru/news/11321142>). Помимо тематических графических рисунков, обусловленных содержанием текстов, Р. Пикунов обращался

к изображению сюжетов, визуализирующих отдельные общечеловеческие темы. Репрезентантом может служить линогравюра «Песнь о любви» Пикунова.

Помимо графики развитие получила и живопись. В данном направлении работали такие эвенкийские художники, как Виктор Петрович Власов (род. 1972), Сергей Геннадьевич Салаткин (род. 1953), Ануфрий Леонидович Эмидак (род. 1936), Сергей Иванович Казанцев, Владимир Иванович Донченко (1950–2018), Александр Иванович Попов (1950–2018), Елена Васильевна Забоenkova (род. 1964) и др.

В жанровом отношении произведения эвенкийских художников достаточно разнообразны. Это и пейзажи, и сюжетно-тематическая и сюжетно-бытовая картины, и портреты, и произведения анималистического жанра. Практически каждый жанр изобразительного искусства получил свое развитие в творчестве эвенкийских художников. Наряду с традиционными для национальных художников тенденциями, а именно визуализацией традиционной картины мира своей этнической группы в произведениях искусства, творчество эвенкийских художников отличается тем, что оно совмещает в себе художественные знаки разных культур. Репрезентантом может служить произведение С. Г. Салаткина «Эвенкийская мадонна» (рис. 5).

Наделение персонажа с подчеркнутыми национальными чертами лица характеристикой Богородицы вносит в сюжет тему сосуществования и единства двух культур, а также принятия эвенками религиозной концепции христианства.

Особый художественный язык отличает творчество другого эвенкийского художника – В. И. Донченко. Все произведения художника написаны в стиле пиктограммной живописи, предполагающей использование схематичных и условных знаков, посредством которых выражается определенная система мироотношения человека. Данные знаки воплощают в художественной форме прошлое эвенкийского народа. Содержательной подсказкой для понимания смысла художественных образов картин В. И. Дон-

Рис. 5. Салаткин С.Г. Эвенкийская мадонна
(источник: Сумаков В. Художники Земли Эвенкийской. Тура, 1999)

Fig. 5. Salatkin S.G. The Evenk Madonna
(source: Sumakov V. Artists of the Evenk Land. Tura, 1999)

Рис. 6. Донченко В.И. Как Хэвэки дал пищу людям. По сказкам Н. Оёгира. 2004
(источник: URL: http://журнальныймир.рф/sites/zhurmimir/files/pdf/nel_2019-4_333.pdf)

Fig. 6. Donchenko V.I. How Haveki gave food to people. According to the tales of N. Oegir. 2004
(source: URL: http://журнальныймир.рф/sites/zhurmimir/files/pdf/nel_2019-4_333.pdf)

ченко служат говорящие названия картин. Таковыми являются, например, «Эвенкийская легенда», «Человек, медведь, тайга», «Шаман и олени», «Как Хэвэки дал пищу людям (по сказкам Н. Оегира. 2004)» (URL: http://журнальныймир.рф/sites/zhurmir/files/pdf/nel_2019-4_333.pdf) и др. (рис. 6).

Отличает творчество В. И. Донченко и цветовой подход в составлении художественного образа. Художник использует большое количество контрастных чистых и ярких цветов. Данный прием порождает достаточно сложную многосоставную композицию. При этом ясное и соразмерное друг другу изображение художественных знаков вносит упорядоченность в общую композицию. Нередко художник отделяет красочные формы друг от друга контуром, что создает многоплановость образов и воплощает тенденцию выхода знаков из глубины вовне. Композиции произведений В. И. Донченко в целом ориентированы на зрителя, как правило, все персонажи изображены в анфас, что привносит в характеристику художественного образа характер диктатной направленности.

Заключение

Изобразительное искусство коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ получило особое развитие в советский период, эпоху глобальной культурной трансформации северных народов. В это время появились художники-графики, живописцы из среды коренных малочисленных народов Севера, которые своим творчеством определили новый этап в развитии национального изобразительного искусства.

Репрезентативными практиками развития изобразительного искусства среди коренных малочисленных народов Севера РФ в советский период стало ненецкое, нганасанское, долганское и эвенкийское изобразительное искусство. Сквозными темами творчества всех художников выделены темы, связанные с традиционным мировоззрением того или иного народа и северной природой. Кроме того, нередко художники обращаются к визуализации общефилософских тем через знаково-символические формы своей национальной культуры.

Список литературы / References

- Amosova, M. A., Koptseva, N. P., Sitnikova, A. A., et al. (2019). Ethnocultural identity in the works of Krasnoyarsk artists. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 12 (8), 1524–1551.
- Avdeeva, Y. N., Degtyarenko, K. A., Kolesnik, M. A., et al. (2020). Architectural Space in the Paintings by Vincent van Gogh. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 13 (6), 838–859.
- Evenkijskij arhiv. F. 143. Op. 1. Ed. hr. 91. *Kul'turnoe stroitel'stvo v Evenkii v svete reshenij XXII s'ezda KPSS [Cultural construction in Evenkia in the light of the decisions of the XXII Congress of the CPSU]*. 1963.
- Evenkijskij arhiv. F. 98. Op. 1. Ed. hr. 105. *Zametka Uvachana V. N. Social'nyj progress malyh narodov Sovetskogo Soyuzha [Note by Uvachan V. N. Social progress of small peoples of the Soviet Union]*. 1974.
- Karlova, O. A., Koptseva, N. P., Reznikova, K. V., Sitnikova, A. A. (2020). The educational potential of the fantasy genre for modern teenage culture. In *Science for Education Today*, 10(4), 189–201.
- Kichigina, A. G. (2007). Yavlenie neoarchaiki v sovremennom iskusstve Sibiri. V poiskah opredeleniya [The Phenomenon of Neoarchaism in Contemporary Art of Siberia. Looking for a definition]. In *Omskij nauchnyj vestnik [Omsk Scientific Bulletin]*. 1 (51), 183–187.
- Kistova, A. V. (2020). Sinteticheskaya model' kul'tury i kul'turnye praktiki [Synthetic model of culture and cultural practices]. In *Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2 (6), 111–121.
- Kolesnik, M. A., Libakova, N. M., Sertakova, E. A. (2018). Enets language in the studies of domestic and foreign scientists. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 11(4), 546–560.

- Koptseva, N. P., & Kirko, V. I. (2014a). Ethic identification of indigenous people of the Siberian Arctic. In *American Journal of Applied Sciences*, 11(9), 1574–1578.
- Koptseva, N. P. & Kirko, V. I. (2014b). Modern specificity of legal regulation of cultural development of the indigenous peoples of the Arctic Siberia (the Altay Region, the Zabaikalsky Region, Republic of Buryatia, Russia). In *Life Science Journal*, 11(9), 314–319.
- Koptseva, N. P. & Kirko, V. I. (2014c). The information basis for formation of positive ethnic identities in the process of acculturation of indigenous peoples of the Arctic Siberia (Krasnoyarsk, Russia). In *Life Science Journal*, 11(8), 479–483
- Koptseva, N., Reznikova, K.V., Razumovskaya, V.A. (2018). The construction of cultural and religious identities in the temple architecture. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 11 (7), 1021–1082.
- Kul'tura korennyh i malochislennyh narodov Severa v usloviyah global'nyh transformacij [The culture of indigenous and small-numbered peoples of the North in the context of global transformations]* / ed. by N. P. Koptseva. SPB: Ejdos, 2011. 176 p.
- Lar, L. A. *Shamany i bogi [Shamans and gods]*. Tyumen': In-t problem osvoeniya Severa SO RAN, 1998. 126 p.
- Leshchinskaya, N. M. (2021). Kul'turologicheskie podhody k analizu proizvedenij dekorativno-prikladnogo iskusstva [Cultural approaches to the analysis of works of arts and crafts arts]. In *Severnye arhivy i ekspedicii [Northern archives and expeditions]*, 5 (2), 9–15. DOI:10.31806/2542-1158-2021-5-2-9-15.
- Levochkina, N. V. *Motyumyaku Turdagin: zhizn' i tvorchestvo [Motyumyaku Turdagin: life and work]*. M.: Sputnik+, 2006. 85 p.
- Libakova, N. M., & Sertakova, E. A. (2015). Formation of ethnic identity of the indigenous peoples of the north in arts and crafts on the example of bone carving. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 8(4), 750–768.
- Lomanova, T. M. *Mir, preobrazhennyj rukami masterov: dekorativno-prikladnoe iskusstvo Krasnoyarskogo kraya [The world transformed by the hands of masters: arts and crafts of the Krasnoyarsk Territory]*. Krasnoyarsk: Polikor, 2015.
- Matochkin, E. P. (2009). Arheologiya, drevnee nasledie i arheoart Sibiri [Archeology, ancient heritage and arheoart of Siberia]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]*. 3, 7–10.
- Motyumyaku Turdagin. Nganasanskij hudozhnik: al'bom [Motyumyaku Turdagin. Nganasan artist: album]*. Comp. by V. Sackaya, M. Zharkova. M.: Poligrafvideo, 1996. 96 p.
- Narody Sibiri. Etnograficheskie ocherki [The peoples of Siberia. Ethnographic essays]* / Pod red. M. G. Levina, L. P. Potapova. M., Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1956. 1084 p.
- Neverovich, G. A. *Il'ya Konstantinovich Vylka [Ilya Konstantinovich Vylka]*. URL: <https://writers.aonb.ru/vylka-i.k.html>
- Pavlova, E. Yu. (2007). Etnicheskaya tema v sovremennom iskusstve i narodnye promysly Zapadnoj Sibiri [Ethnic theme in contemporary art and folk crafts of Western Siberia]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]*. 3, 74–77.
- Reznikova, K. V., & Zamaraeva Yu. S. (2016). Dolgan children's literature: history and specific features. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 9 (9), 2022–2043.
- Sitnikova, A. A., & Li, S. (2020). Tri kartiny kitajskih sovremennyh hudozhnikov gorodskogo okrug-a Hulunbuir (avtonomnyj rajon Vnutrennyaya Mongoliya) [Three paintings by contemporary Chinese artists from Hulunbuir Urban District (Inner Mongolia Autonomous Region)]. In *Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 4(3), 118–129. DOI: 10.31804/2542-1816-2020-4-3-118-129.
- Sitnikova, A. A., & Zhukovskaia, L. N. (2015). Visualization of the essence (about the creative work of the artist Vladimir Zhukovsky). In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 8(1), 137–144.
- Sumakov, V. *Hudozhniki Zemli Evenkijskoj [Painters of the Evenk Land]*. Tura: b. i., 1999. 27 p.

Uvachan, V. N. *Gody, ravnye vekam: (Stroitel'stvo socializma na Sovetskom Severe) [Years Equal to Centuries: (Building Socialism in the Soviet North)]*. M.: Mysl', 1984. 357 p.

Voronova, O. *Prezident Novoj Zemli Tyko Vylka [President of Novaya Zemlya Tyko Vylka]*. M.: Sovetskij hudozhnik, 1977. 160 p.

Yurchenko, V. V. (2020). Sravnitel'nyj analiz vizualizacii obraza mirovogo ustrojstva v mifologii korennyh malochislennyh narodov Severa na primere obryadovyh kostyumov [Comparative analysis of the visualization of the image of the world order in the mythology of the indigenous peoples of the North on the example of ritual costumes]. In *Severnye Arhivy i Ekspedicii [Northern archives and expeditions]*, 4 (4), 116–125. DOI:10.31806/2542-1158-2020-4-4-116-125.

Zamaraeva, Y. S., Luzan, V. S., Metlyaeva, S. V., et al. (2019). Religion of the evenki: History and modern times. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 12(5), 853–871.

Zvezda Zapolyar'ya: Tajmyrskij hudozhnik Boris Molchanov: al'bom [Star of the Arctic: Taimyr artist Boris Molchanov: album]. M.: NPO «Poligrafvideo», 1995. 96 p.

DOI: 10.17516/1997-1370-0893
УДК 7.035.23

«Heroic» and «Tragic» in the Painting of Neoclassicism of the 18th Century (on the example of the analysis of the works of J.-L. David)

Ekaterina A. Sertakova, Maria A. Kolesnik*
and Natalia M. Leshchinskaya

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 29.12.2021, received in revised form 20.01.2022, accepted 03.02.2022

Abstract. The article is devoted to the examination of the manifestation of the «heroic» and «tragic» in the works of the founder of the style of «revolutionary classicism», the French painter Jacques-Louis David (1748–1825). This author made a significant contribution to the formation of the «neoclassicism» style in the 18th century, the visual image of the hero of his time, as well as the general perception of the hero in general in the era of local and global transformations. In his works, David demonstrated that the quality of the heroic and the tragic can be manifested not only in the ideal antique model – the hero-demigod and in the image of the holy martyr and righteous man, given by the Christian culture of the Middle Ages and the Renaissance. The hero of the New Age is a person distant from God. Independently making a difficult choice – a choice between personal and social, feelings and duty. He is a man of the cult of Reason, a cult that, despite a short period of its official existence, has not disappeared from the life of society, retaining the «appeal to reason» as an important element of the culture of change. In order to fully reveal the features of visualization of the «heroic» and «tragic» in neoclassicism painting of the 18th century, an analysis of research works on the chosen topic is carried out, the creative biography of the artist Jacques-Louis David as one of the key representatives of the style is considered, and a philosophical and art history analysis of one of the most important works of his «revolutionary classicism» – «Lictors bring the bodies of his sons to Brutus», 1789.

Keywords: heroic, tragic, hero, European art, Modern History, neoclassicism, revolutionary classicism, painting by J.-L. David, reason, duty, service.

Research area: art history.

Citation: Sertakova, E. A., Kolesnik, M. A., Leshchinskaya N. M. (2022). «Heroic» and «tragic» in the painting of neoclassicism of the 18th century (on the example of the analysis of the works of J.-L. David). J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(6), 867–878. DOI: 10.17516/1997–1370–0893.

«Героическое» и «трагическое» в живописи неоклассицизма XVIII столетия (на примере анализа произведений Ж.-Л. Давида)

Е.А. Сертакова, М.А. Колесник, Н.М. Лещинская

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проявления «героического» и «трагического» в творчестве родоначальника стиля «революционный классицизм», французского живописца Жака-Луи Давида (1748–1825). Данный автор внес значительный вклад в формирование стиля «неоклассицизм» в XVIII столетии, визуального образа героя своего времени, а также в целом общего восприятия героя в эпоху локальных и глобальных трансформаций. В своих работах Давид продемонстрировал, что качество героического и трагического может быть проявлено не только в идеальном античном образце – герое-полубоге и в образе святого мученика и праведника, заданного христианской культурой Средних веков и Возрождения. Герой Нового времени – человек, отдаленный от Бога, самостоятельно совершающий сложный выбор – выбор между личным и общественным, чувствами и долгом. Это человек культа Разума, культа, который, несмотря на краткий промежуток своего официального существования, не исчез из жизни социума, сохранив «взывание к разуму» в качестве важного элемента культуры перемен. С целью наиболее полного раскрытия особенностей визуализации «героического» и «трагического» в живописи неоклассицизма XVIII столетия проведен анализ исследовательских трудов по выбранной теме, рассмотрена творческая биография художника Жака-Луи Давида как одного из ключевых представителей стиля, а также осуществлен философско-искусствоведческий анализ одной из важнейших работ его «революционного классицизма» – «Ликторы приносят Бруту тела его сыновей», 1789 г.

Ключевые слова: героическое, трагическое, герой, европейское искусство, Новое время, неоклассицизм, революционный классицизм, живопись Ж.-Л. Давида, разум, долг, служение.

Научная специальность: 17.00.09 – теория искусства.

Введение

Ценности каждой отдельной исторической эпохи отражены в героях, представленных в произведениях литературы, скульптуры, живописи, театра и т. д. Именно в герое

отражены те качества и черты характера, которые являются эталонными для своего времени, именно он выступает духовным ориентиром для всего социума, приобретая выразительные черты «идеального».

В европейской культуре наиболее известный образ героя, как и проявление «героического» в нем, формируется в эпоху Античности. Начиная с мифов и эпических сказаний Гомера, мастера Древней Греции создали целый пласт образов героического в скульптуре и вазописи. Герои – полубоги, те, кто при рождении наделены сверхчеловеческой силой, или же те, кто в творчестве и мастерстве стали подобными Богу. Образ героического здесь очень конкретен и представлен в телесной эстетике: нагота как парадный вид и проявление божественной красоты тела, бесстрастность и очевидная мощь. Смысл жизни героя заключался в подвиге, который бы даровал ему бессмертие в легендах. Важно отметить, что героическое здесь тесно переплетается с трагическим. Жизнь героя стремительна и недолговечна, судьба использует его для выполнения предназначения, и желание личного счастья вместо всеобщего блага заканчивается трагическим финалом.

С появлением и распространением христианства образ героического трансформировался. Физическая сила, телесная мощь перестали быть качеством героя, определяющими становятся внутренняя вера и сила Духа. Визуализация героического начала стала проявляться в акцентировании в изображении «душевного»: лица, в особенности глаз как средоточия божественного. Языческое проявление героического как физического подвига сменилось христианским подвигом веры, трагическое – мученическим страданием и страшной смертью. Два данных образа являются ключевыми формами визуализации героического и трагического и с различными видоизменениями воспроизводятся на протяжении последующих эпох в европейском искусстве.

Актуальность изучения героического и трагического в живописном искусстве обусловлена тем, что таким образом возможно осмысление вневременных свойств героя – особенно востребованной фигуры в переходные периоды, когда неопределенность внушает обществу страх перед грядущим и неуверенность в настоящем. Героическое как эстетическая категория в эпоху

локальных и глобальных трансформаций актуализируется, снимая напряжение в обществе и задавая определенную модель восприятия действительности и поведения в сложных ситуациях. Так, например, современность диктует необходимость существования героев, и массовая культура представляет человеку целый спектр визуальных образов.

Цель настоящей статьи – рассмотреть особенности проявления «героического» и «трагического» в искусстве неоклассицизма XVIII столетия на примере творчества выдающегося художника Жака-Луи Давида.

Методологическими основаниями настоящего исследования являются концептуальные положения теории изобразительного искусства В.И. Жуковского и Н.П. Копцевой (Zhukovskiy, Koptseva, 2004). Данные положения неоднократно выступали основанием для анализа произведений изобразительного искусства различных периодов истории культуры (Amosova et al., 2019, Avdeeva et al., 2020, Avdeeva & Degtyarenko, 2021, Pashova, 2020, Parfent'eva & Sherstobitova, 2021, Pchelkina & Avdeeva, 2020, Pivovarov, 2021, Selina, 2021, Sitnikova & Zhukovskaya, 2015).

Для изучения визуализации «героического» и «трагического» в европейском неоклассицизме XVIII века (на примере творчества Ж.-Л. Давида) применяется метод философско-искусствоведческого анализа картины-репрезентанта, позволяющий реконструировать проявление эстетических категорий в процессе поэтапного становления на материальном, индексном и иконическом статусах художественного образа.

Обзор исследовательской литературы

Многие исследователи обращаются к изучению различных граней творчества Жака-Луи Давида, что, безусловно, свидетельствует о вневременности образов, созданных автором. Образ героев, их качества, содержание понятия «героическое» рассматривали многие исследователи – философы, искусствоведы, литературоведы и другие,

пытаясь выявить специфику данного понятия, актуальность для той или иной эпохи, а также вневременные качества героя, актуальные всегда.

Так, I. Junyk (2008) обращается к исследованию влияния массовой культуры на визуализацию образов, созданных Ж.-Л. Давидом в его живописных произведениях.

Актуальность работы Ж.-Л. Давида «Прощание Телемаха и Евхариды» (1818) изучена J. C. Klausen (2016). Автор проводит параллели с историческими событиями времен Бурбонов, раскрывает то, как в античных образах визуализируются образы свободы, независимости, героического. Творчество Ж.-Л. Давида как рефлексию политических событий рассматривает F. G. Dessoldi (2015).

S. A. Centeno, D. Mahon, F. Carò & D. Pullins (2021) представляют результаты анализа знаменитых портретов Антуана Лорана Лавуазье (1743–1794) и Мари-Анн Лавуазье (Marie-Anne Pierrette Paulze, 1758–1836). Авторы реконструируют процесс работы Ж.-Л. Давида над произведением и изменения образов портретируемых, их идентичности из модных потребителей предметов роскоши в прогрессивную, научно мыслящую пару. Образ Сократа, запечатленный Ж.-Л. Давидом в произведении «Смерть Сократа», изучен S. Padiyar (2008).

Фундаментальное исследование творчества Ж.-Л. Давида проведено M. S. Al-Atoum (2020). Автор обращается к анализу образа смерти, который представлен во множестве произведений художника, и приходит к выводам о том, какие ценности прежде всего были значимы для самого художника: «умереть за принципы» как высшая степень проявления героического, но в то же время им сопутствует трагизм, ведь высшие интересы нации всегда в приоритете по отношению к личным эмоциональным интересам.

В исследовании E. B. Pérez (2021) проводится анализ произведения «Ликторы, возвращающие Бруту тела его сыновей» в качестве образца, показывающего изменения, произошедшие в идеологических установках мастера, связанных с транс-

формацией монархического мировоззрения на противоположное ему революционное.

В научной литературе прослеживается тенденция переосмысления многих произведений Ж.-Л. Давида в новом ключе, попытка обойти закрепившиеся стереотипы. Например, в статье S. Padiyar (2011) предлагается рассматривать произведение «Марс, обезоруженный Венерой и нимфами» (1824) как своеобразный критический взгляд самого художника на искусство неоклассицизма, главным создателем которого он и был.

Среди отечественных авторов, исследовавших творчество Ж.-Л. Давида и проблематику искусства классицизма, необходимо отметить S. M. Daniel' (2003), выявившего парадоксальность и новаторство творчества мастера в соотнесении с контекстом эпохи.

Интерес также представляет и вопрос о сущности героического в искусстве, героического культа как такового. J. Lopez Saco (2018) в статье ставит вопрос о природе возникновения культа героев в Древней Греции, рассуждает о том, почему героические прототипы продолжают оставаться влиятельными в греческой культуре на протяжении очень долгого времени.

Героическое в древности тесно связано с трагическим, поэтому данному аспекту ученые также уделяют большое внимание. A. Castelli (2021) приводит множество примеров отличий древнегреческого понимания трагического и подхода к сути трагического в современном искусстве. Данный подход позволяет лучше понимать суть изображения героя в произведениях неоклассицистов, всегда ориентировавшихся на классическую древность.

Исследование

«Героическое» и «трагическое» в искусстве Нового и Новейшего времени наиболее ярко выражены в классицизме и в неоклассицизме как производном варианте стиля в эпоху Просвещения. Обращаясь к наследию античности, художники визуализировали эталонные качества человека, акцентируя внимание на разуме. В истории европейской живописи яркими

представителями стиля были Николя Пуссен, Жак-Луи Давид, Жан Огюст Доминик Энгр. Из данных художников Давид особо тонко чувствовал грядущие перемены и актуализировал героическое и трагическое под требования времени, выступив безусловным лидером в классицистической живописи второй половины XVIII и начала XIX столетия и сформировав «революционный» тип стиля.

«Героическое» и «трагическое» в эстетике всегда интересовали мастера. Давид в своем творчестве проходит несколько этапов, связанных с развитием неоклассицистических тенденций и постепенным переходом к романтизму. Наиболее передовые взгляды художника, связанные с идеалами революционного духа, были зафиксированы им в парижский период (1780–1789). Именно в работах, не связанных напрямую с изображением современников, автор смог продемонстрировать концентрированную идею героического и трагического, обнаружить актуальный эталон героя для своего времени.

Произведение «Ликторы приносят Бруту тела его сыновей» (рис. 1) входит в состав наиболее значимых и репрезентативных для творчества Давида работ данного периода, в которых максимально кристаллизуется художественный язык и стиль художника, а также отображается эталонный герой и его качества. «Героическое» и «трагическое» здесь неотделимы друг от друга и составляют важную часть художественной идеи.

Живописное полотно было написано Давидом в 1789 году – в год начала революции.

Название произведения сокращено. В конце XIX века полотно было известно как *«Брут, первый консул, возвращается в свой дом, приговорив к смертной казни двух своих сыновей, которые, объединившись с Тарквинием, принимали участие в заговоре против свободного Рима; ликторы приносят их тела, чтобы предать погребению»*.

Если соотнести столь непривычно длинное название с изображением, можно

Рис. 1. «Ликторы приносят Бруту тела его умерших сыновей»
Ж.-Л. Давид. 1789 г. Х., м. 325х 425 см. Лувр, Париж

Fig. 1. «Lictors bring Brutus the bodies of his dead sons»
J.-L. David. 1789, m. 325x425 cm. Louvre, Paris

сказать, что все вроде бы так и есть. Однако сразу бросается в глаза то, что, по существу, название отражено лишь в левом фрагменте произведения и большую часть холста занимают необозначенные в нем персонажи, среди которых выделяется супруга Брута, его дочери и прислужница.

В данной картине выявляется одна из характерных тем стиля «гражданский классицизм», основателем которого по праву считается Жак-Луи Давид, – это конфликт между чувством и разумом, личными предпочтениями и долгом. Но если обычно тема конфликта раскрывается через контрастные изображения противостояния мужского и женского, рационального и чувственного, активного и пассивного начал, то в данном произведении она трактуется художником достаточно своеобразно.

В процессе рассмотрения общих принципов организации полотна выявляется его композиционная схема (рис. 2) – выходящий за пределы произведения равнобедренный треугольник, четко заданная ось

которого разделяет представленное пространство изображения на две равнозначные половины. Эти части тем самым выявляют и акцентируют в произведении два смысловых поля.

1. Все персонажи левой части произведения объединены в группу. Они изображены на фоне гладкой стены, кладка которой организована ритмически расположенными и тщательно пригнанными друг к другу квадратами камней. Будучи максимально сглаженным, такой фон придает помещению аскетичный характер. Подобная трактовка стен в доме кажется странной, однако это несоответствие сразу снимается, если провести аналогию между стеной и процессией ликторов, входящих в дом. В этом случае подобный фон можно интерпретировать как некое образование социума, где каждый квадрат камня уподобляется гражданину своей Республики. Подобно *упорядоченной и закономерной кладке* стены, общество также предстает упорядоченной структурой, где каждый ее элемент занимает строго определенное место.

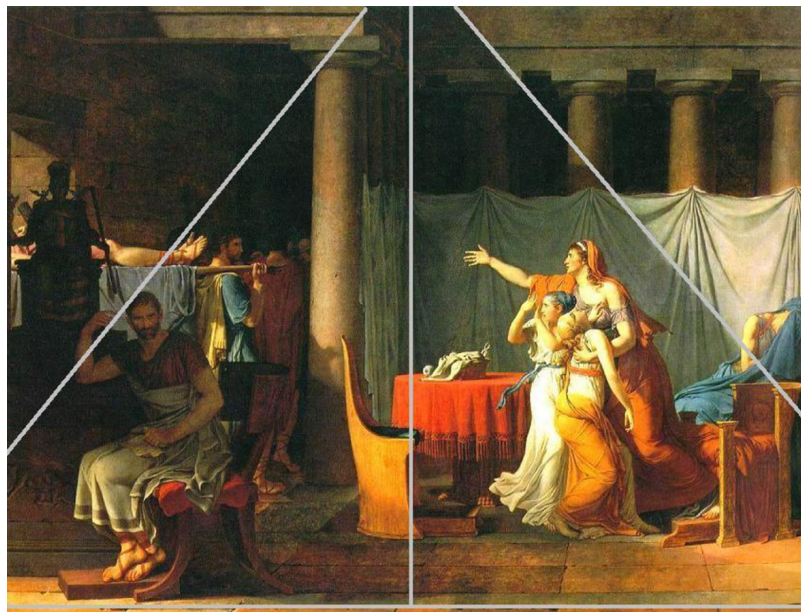

Рис. 2. Композиционная схема произведения
«Ликторы приносят Бруту тела его умерших сыновей» Ж.-Л. Давида

Fig. 2. Compositional scheme of the work
«Lictors bring Brutus the bodies of his dead sons» by J.-L. David

Именно в этом фрагменте полотна дано изображение монументальной статуи Рима, визуализирующей *правосудие* и *порядок*. При обращении к методу измерения вскрываются такие качества статуи, как значительность, монументальность, верховность, доминирование в пространстве. Статуя выступает в своем роде проявлением *божественных устоев*, которым человек должен следовать на протяжении своей жизни.

Все антропоморфные персонажи, представленные в левой части холста, – мужчины, что можно проинтерпретировать как *проявление некоего правильного и рационального начала в человеке*. Более того:

- Главный герой, восседающий в тени статуи, – консул Римской Республики Луций Юний Брут, а следовательно, *должностное лицо, избранник социума, человек облеченный высшей исполнительной властью, следящий за порядком в обществе*. И это действительно так. Если сопоставить его фигуру с другими персонажами, то можно выяснить следующее:

- о При соотнесении Брута с фигурой ликтора, несущего погребальные носилки (можно выделить некоторые схожие черты данных героев, такие как тип лица, нахмуренные брови, напряженные мускулы рук), фигура консула также обретает качества носильщика, только вот *возложенная на него ноша* оказывается куда тяжелее, так как заключается она в выполнении *общественного долга*.

- о По аналогии можно соотнести фигуру Брута с изображением прислужницы. За счет схожей неустойчивой, склоненной позы, изгиба сильной, напряженной руки и отгороженности от происходящего стулом хозяин и его прислуга наделяются схожими качествами. Брут также *находится на служении*, но в отличие от женщины, находящейся при хозяйке, он находится при статуе Рима, то есть на службе у *государства*.

Таким образом, можно выявить такие качества Брута, как *служение и привнесение себя в жертву обществу, несение общественного долга, выполнение божественных предназначений*.

- Ликторы – *служители и исполнители* приказов при высшем должностном лице. Внося в дом носилки с телами казненных сыновей Брута, они не проявляют каких-либо чувств, они лишь *выполняют свой долг*.

- Дети Брута, проявившие своеволие, предавшие Рим и *выступившие против устоев общества*, которое в свою очередь организовано в соответствии с божественным порядком, тем самым *обрушили на себя «кару Богов»*, исполнение которой взял на себя их отец. Их смерть была, таким образом, предзаданной, они *должны были умереть во благо существующего порядка*.

Синтезируя все вышеизложенное, можно сказать, что в левом фрагменте произведения «Ликторы приносят Бруту тела его умерших сыновей» основополагающим значением наделяются такие понятия, как *порядок, устойчивость, закономерность*.

2. В отличие от левого фрагмента произведения «Ликторы приносят Бруту тела его умерших сыновей» его правая часть раскрывается в совершенно ином значении.

Фоном для основных действующих лиц данной части произведения выступает колоннада дорического ордера. Она расположена таким образом, что разделяет собой несколько пространств. С одной стороны, колоннада разделяет женскую и мужскую стороны дома, с другой же – выносит разворачивающееся действие на первый план. В сравнении с фоном-стеной левой части произведения колоннаду в данном фрагменте по аналогии можно сопоставить не с обществом, а с отдельным человеком. Таким образом, мы можем интерпретировать данный фон как *проявление сугубо индивидуальных характеристик*, где каждая отдельно взятая колонна (четыре женских персонажа расположены на фоне из четырех колонн) проявляет *различные аспекты личностного начала в человеке*.

- Изображение занавеса на колоннаде выступает элементом, *обустраивающим и смягчающим* скупой интерьер дома, и в то же время элементом, *отгораживающим* женских персонажей от судьбоносно-

го события. В отличие от прямых и правильных стволов колонн складки полого свидетельствуют о напряжении, господствующем в этой части дома.

- Все представленные персонажи правой части произведения – женщины, характеризующиеся своим неустойчивым характером, чувственностью. Их фигуры выражают различные степени проявления чувств – от испуга до обморока, от крика отчаяния до молчаливой скорби и смирения. Их фигуры изображены в сложных и динамичных ракурсах, везде прослеживается витиеватый мотив. То есть демонстрируется *душевное волнение женщин, их внутренний разлад и надлом*.

Среди образованной женскими персонажами группы можно выделить фигуру супруги Брута как наиболее самостоятельную. При ее рассмотрении можно провести несколько аналогий и проинтерпретировать их:

- о На сюжетном и изобразительном уровне можно выявить сходство между изображенной женщиной и вдавленным рисунком на постаменте статуи Рима. Подобно Капитолийской волчице, вскармливающей будущих основателей Рима – Ромула и Рема, она вскармливала своих сыновей Тита и Тиберия. Ее изображение раскрывается, прежде всего, как *знак матери и кормилицы*.

- о Также можно сопоставить ее фигуру с представленной на столе корзиной с пряжей. Данное объединение происходит за счет расположения раскрытой ладони женщины и ножниц с материей на одной оси. Интересна в этом случае корзина, наполненная материей и ниспадающей из нее нитью, а также представленный рядом с ней клубок ниток. Ладонь женщины направлена в сторону вносимого тела, что позволяет добавить к уже обозначенной сумме тело погибшего. Данное сочетание можно интерпретировать сообразно римской мифологии, где нить символизировала жизненный путь человека. Все нити судьбы находились в руках у трех Парок, которые могли пресекать и обрезать жизнь смертных людей. То есть можно сделать предположение, что

в данном персонаже помимо знака *дающая жизнь*, можно обнаружить противоположный знак – *жизнь отнимающая, приносящая смерть*. А так как женские персонажи концентрируют в себе значение страсти и чувств, то становится ясной причина гибели молодых людей – неосознанные действия, руководимые сугубо чувственными позывами.

В изображении женских персонажей важно также отметить мотив брошенности и оставленности. Так, рукоделие, которым, по-видимому, занимались женщины, брошено; стул брошен вскочившей с него хозяйкой; другой же стул и вовсе пуст, оставлен; мать бросается к телам своих сыновей, сестра же, напротив, бросается от них прочь. Данное явление можно интерпретировать следующим образом: *оставленность и брошенность* происходит на уровне *причастности данных персонажей к устройству Бытия*.

- Особо значимыми элементами произведения «Ликторы приносят Бруту тела его умерших сыновей» являются знаки, расположенные на оси треугольного построения. Таковыми выступают изображения стола и поставленного перед ним стула. Если обратиться к анализу характеристик данных знаков, можно выяснить следующее:

- о Сделанный из светлого дерева изображенный стул пуст и находится на пересечении с дорической колонной (символом мужского начала). Он не декорирован, его сидение – единственное черное пятно в картине, а ниспадающие складки белого занавеса (сообщающиеся с ним) подобны складкам погребальной материи на носилках. Таким образом, можно предположить, что этот *стул* принадлежал одному из умерших и является *знаком отсутствия хозяина, подтверждением его смерти*.

- о Знак стола характеризуется следующими понятиями: он покрыт скатертью красного цвета, на нем возлежит наполненная пряжей и материей корзина, клубок ниток. Так как уже было выяснено, что нити являются знаком человеческой жизни, то можно предположить, что *стол* есть

некоторое подобие *жертвенника*, на который возложена человеческая судьба. Данная гипотеза может быть также подтверждена аналогией между тканью, ниспадающей из корзины, и листком бумаги, сжимаемым в руке Брута. По сюжету именно через письмо Брут узнал о заговоре, в котором участвовали его сыновья, именно оно стало причиной их гибели.

Если синтезировать все описанные выше знаки и провести индуктивные ходы, понятие, которое объединит в своем качестве всех героев данного фрагмента произведения, может быть раскрыто в нескольких своих значениях, прежде всего таких, как *личностное чувство, волнение, беспокойство, беспорядочность*. Помимо этого, акцентируется замкнутость персонажей, их оставленность и брошенность в своих чувствах.

3. Рассмотренные выше фрагменты произведения объединяются налагаемой на них схемой треугольника, уравновешивающего нестабильные фигуры персонажей. Ось же, выходящая из его вершины, *противопоставляя и сталкивая* между собой *два обозначенных смысловых поля*, одновременно *делает их взаимооборачиваемыми*.

Объединение и взаимоотражение суммированных знаков также можно проследить и на следующих уровнях:

- Объединение происходит за счет общего колористического решения фона. И гладь стены, и колоннада, и статуя изображены сделанными из серого камня. Вместе они задают холодный тон произведения, уподобляя все помещение мрачному склепу. То есть все разворачивающуюся обстановку в доме мы можем интерпретировать как *ситуацию мертвенности, безжизненности и тленности*. Но есть и другая ее грань, говорящая об обратном. Это колористическое решение одежд персонажей и некоторых предметов мебели, преимущественно теплые тона которых вносят в работу *качества жизненности, сочности и подвижности*.

- Большую роль в организации единства всего полотна играют *свет*

и тень. С одной стороны, своим распределением они противопоставляют между собой высвеченные фигуры женщин и утопающую во мраке фигуру Брута. Но, с другой стороны, они и *взаимопроникают друг в друга* – тень повсеместно покрывает собой царящую в доме обстановку, врывающийся же поток света пронизывает все помещение своим сиянием и рассеивает тьму.

- Далее, фактором, обуславливающим взаимодействие сторон, выступает движение персонажей навстречу друг другу, столкновение их сил. Подтверждением данного предположения выступают жесты супруги Брута и взгляд одного из ликторов. Линию, которую можно визуальнo провести между ними, можно обозначить как *проявление притяжения и осуществляемого между ними контакта*. В то же время в пространстве изображения ясно прочитывается *отгороженность, отталкивание и отворачивание персонажей* (прежде всего Брута и прислужницы), что может указывать на *различные проявления взаимодействия сторон*.

- Самые же важные взаимодействия различных и во многом противоположных сил осуществляются на уровне трактовки главных персонажей произведения:

- о Изображенные дочери и супруга Брута раскрываются как *знак чувственного, динамичного начала, знак горя и скорби*, выраженные в виде различных проявлений этих чувств. Однако и в их сугубо чувственном изображении, в клубке их сплетенных тел обнаруживается *целесообразная упорядоченность, следование диктату* (персонажи изображены ступенчато и иерархично). Помимо этого, в их изображении вскрывается еще одно *диалектическое взаимодействие разнородных сил* – женщина (супруга Брута) одновременно выступает в роли матери, дарующей жизнь, и олицетворением судьбоносной силы, римской Парки, пресекающей нить человеческой судьбы, приносящей гибель.

- о Особое место в произведении занимает фигура хозяина дома, консула Брута, изображение которого трактуется также

крайне противоречиво. Как уже было выяснено, он предстает, с одной стороны, в качестве *общественного, государственного деятеля, посвятившего себя службе и выполняющего божественные предначертания*, но с другой – в виде *отца, потерявшего сыновей, собственными руками оборвавшего возможность продолжения рода*. Если обратиться к изображению головы Брута как основному средоточию сущности персонажа, то мы увидим, что консул указывает на нее жестом опершийся на статую руки. То есть в происшедшем событии он полностью руководствовался своим разумом. Однако параллель, которую можно провести между головой Брута и выступающей для нее фоном погребальной тканью, на которой возложено тело казненного сына, говорит об обратном. *Сознание Брута напряжено и запутано*, подобно его телу. Ища опоры в изображении статуи Правосудия как непоколебимого божественного закона, Брут сосредоточен на мысли о казненных сыновьях. *Он пытается отразить случившееся событие, но сомнения в правильности его решения не дают ему покоя*.

о Изображение же сыновей Брута во многом соотносится со знаками, расположенными на оси треугольного построения композиции произведения. А так как стол был ранее раскрыт в значении жертвенника, то он позволяет выявить еще одно диалектическое взаимопроникновение разнородных начал. *Преступив законы социума, поколебав тем самым божественные устои, сыновья Брута обрекли себя на гибель. Но именно их смерть как некая принесенная Богам жертва восстанавливает этот нарушенный баланс Бытия*.

Как утверждал Ж.-Л. Давид, истина вскрывается лишь на стыке противоположных сторон. Поэтому в особо шаткие времена героическое должно проявляется в сложном самостоятельном выборе человека, где личное, несмотря на его присутствие, смещается на дальний план, а общественное

приобретает первостепенную значимость. Этот выбор трагичен. Подвиг героя может быть связан не только с действием и доблестным поступком, но и с принятием очевидно «ужасного» для себя решения во имя всех других, основанного на разумном понимании существования мира.

Заключение

«Героическое» и «трагическое» как эстетические категории довольно часто встречаются в европейской живописи, так как через них отражены эталонные для своего времени черты характера героя, духовного ориентира для всего социума. Наиболее тщательно данные категории зафиксированы в классицизме и его развитии в XVIII столетии – неоклассицизме.

Анализ творчества ярчайшего представителя неоклассицизма Ж.-Л. Давида дает возможность осмыслить эти категории через сущность героев как особых людей, предназначение которых в том, чтобы разрешать противоречия, примирять враждующих во имя становления гармонии. Античность, воспринимаемая им как эталон, предстает как источник мудрости для современности.

В его произведении «Ликторы приносят Бруту тела его умерших сыновей» античный сюжет дает возможность визуализировать разные грани героического и трагического: Брут, отправивший на смерть сыновей и пресекший этим решением будущее рода; сыновья, искупившие смертью свой ошибочный выбор, не подobaющий героям; женщины, оплакивающие погибших, демонстрирующие правильное поведение, единственно возможное для них в данной ситуации, и при этом также повлиявшие на трагический исход.

И «героическое», и «трагическое» взаимосвязаны в живописи Давида, трансформируются одно в другое: для того, чтобы стать эталоном для общества, всегда необходимы жертвы, и первая жертва, которую приносит герой, – он сам.

Список литературы / References

- Al-Atoum, M. S. (2020). Death painting images in the works of Jacques-Louis David's painter. In *PalArch's Journal of Archaeology of Egypt/Egyptology*, 17(6), 7564–7574.
- Amosova, M.A., Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A., et al. (2019). Ethnocultural identity in the works of Krasnoyarsk artists. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 12 (8), 1524–1551.
- Avdeeva, Y.N., Degtyarenko, K.A., Kolesnik, M.A., et o. (2020). Architectural Space in the Paintings by Vincent van Gogh. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 13 (6), 838–859.
- Avdeeva, Y.N. & Degtyarenko, K.A. (2021). Vizualizaciya obraza ketov kak sovremennaya kul'turnaya praktika [Visualization of the image of the Kets as a modern cultural practice]. In *Severnnye arhivy i ekspedicii [Northern archives and expeditions]*, 5 (2), 16–31. DOI:10.31806/2542-1158-2021-5-2-16-31
- Castelli, A. (2021). What is left of tragedy? *Orbis Litrarum*, 00, 1–20. <https://doi.org/10.1111/oli.12335>
- Centeno, S. A., Mahon, D., Carò, F., & Pullins, D. (2021). Discovering the evolution of Jacques-Louis David's portrait of Antoine-Laurent and Marie-Anne Pierrette Paulze Lavoisier. In *Heritage Science*, 9(1), 1–13.
- Daniel', S.M. (2003). Yevropeyskiy klassitsizm [European classicism]. SPb.: Azbuka-klassika. 257 p.
- Dessoldi, F. G. (2015). From canvas to stage: painting, theatre and revolution in Jacques-Louis David's Brutus. In *SALA PRETA*, 15(1), 265–275.
- Junyk, I. (2008). Spectacles of virtue: Classicism, waxworks and the festivals of the French Revolution. In *Early popular visual culture*, 6(3), 281–304.
- Kearns, J. (2007). 'Niera-t-on le pouvoir des arts?' Revisiting Jacques-Louis David at the 1846 Exhibition in the Bazar Bonne-Nouvelle. In *The Modern Language Review*, 672–686.
- Klausen, J. C. (2016). Jacques-Louis David's Adieux: The Micropolitics of Sovereignty at the Bourbon Restoration. In *Law, Culture and the Humanities*, 12(2), 278–300.
- Lopez Saco J. (2018). The Configuration of the Archaic Greek Epic Hero through Homer and Hesiod. In *Futuro del Pasado-Revista electronica de historia*, 9, 157–176.
- McKiernan, M. (2005) Jacques-Louis David. Grandeur and intimacy of a work. In *HISTORIA* (708), 9–9.
- McKiernan, M. (2016). Jacques-Louis David, Belisarius Begging for Alms 1781. In *Occupational Medicine*, 66(9), 689–690.
- Pashova, E. V. (2020). «Superbogi»: kak sozdateli komiksov osmyslyayut arhetipy supergeroev [«Super Gods»: How Comic Artists Conceive Superhero Archetypes]. In *Severnnye Arhivy i Ekspedicii, [Northern archives and expeditions]* 4(3), 100–110. DOI:10.31806/2542-1158-2020-4-3-100-110
- Padiyar S. (2011). Last Words: David's Mars Disarmed by Venus and the Graces (1824). Subjectivity, Death, and Postrevolutionary Late Style. In *RIHA Journal*, 23. Available at: <https://doi.org/10.11588/riha.2011.0.69103>.
- Padiyar, S. (2008). Who Is Socrates? Desire and Subversion in David's Death of Socrates (1787). In *Representations*, 102, 27–52.
- Parfent'eva, N. V., Sherstobitova, E. S. (2021). Tvorchestvo hudozhnikov-knigopiscev brat'ev Basovykh kak fenomen russkoj kul'tury pozdnego Srednevekov'ya [Creativity of the Basov brothers, book-writers as a phenomenon of Russian culture of the late Middle Ages]. In *Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 5(1), 152–164. DOI: 10.31804/2542-1816-2021-5-1-151-163.
- Pchelkina, D.S., Avdeeva, Y.N. (2020). Sposoby etnicheskoy manifestacii v virtual'nom prostranstve: konceptual'nyj analiz [Methods of Ethnic Manifestation in Virtual Space: Conceptual Analysis]. In *Severnnye Arhivy i Ekspedicii [Northern archives and expeditions]*, 4(2), 143–153. DOI:10.31806/2542-1158-2020-4-2-143-153
- Pérez E. B. (2021). La resemantización del Bruto de David durante la Revolución Francesa: de propaganda monárquica a obra revolucionaria. In *POTESTAS. Estudios del Mundo Clásico e Historia del Arte*, 19. Available at: <https://doi.org/10.6035/Potestas.2021.19.6>.

Pivovarov, G.O. (2021). Industrial'noe izobrazitel'noe iskusstvo. Promyshlennost' i «tret'i mesta» (na primere Krasnoyarska) [Industrial fine arts. Industry and «third places» (on the example of Krasnoyarsk)]. In *Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 5 (3). 366–376. DOI: 10.31804/2542-1816-2021-5-3-366-376.

Selina, E.E. (2021). Tri podhoda k ponimaniyu vremeni v kino [Three approaches to understanding movie time]. In *Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 5(6), 111–118. DOI: 10.31804/2542-1816-2021-5-2-111-118

Sitnikova, A.A., & Zhukovskaia, L.N. (2015). Visualization of the essence (about the creative work of the artist Vladimir Zhukovsky). In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 8(1), 137–144.

Thomas, M., & Manderson, D. (2018). 4. Law and the Revolutionary Motif after Jacques-Louis David. In *Law and the Visual* (pp. 101–121). University of Toronto Press.

Zhukovskiy, V.I., Koptseva, N.P. (2004). *Propozitsii teorii izobrazitel'nogo iskusstva [Propositions of the theory of fine arts]*. Krasnoyarsk, 266 p.

DOI: 10.17516/1997-1370-0894
УДК 7.071.1

Creativity of the Krasnoyarsk artist Vasily Slonov

Alexandra A. Sitnikova*, Anastasia A. Zhigaeva,
Anna A. Fedorova and Mao Sang

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 04.01.2022, received in revised form 25.01.2022, accepted 03.02.2022

Abstract. The article is a scientific art criticism study of the creativity of the Krasnoyarsk artist Vasily Slonov. The artist's works were shown at international exhibitions, at the exhibition «United States of Siberia», where the term «Siberian ironic conceptualism» arose, as well as at the exhibition of contemporary Krasnoyarsk art in the Erarta Museum of Contemporary Art. The authors report that despite the solid exhibition history, to date, art criticism studies of the work of Vasily Slonov are almost completely absent. In this article, the authors have identified the key idea of the artist's work – the release of taboo topics in society; the main artistic traditions of V. Slonov are analyzed – surrealism, Russian folk art, avant-garde art of the early XX century, conceptual art; the principles of the artist's work with artistic materials – brick, cotton wool, cars, oil and some others – are outlined. The article analyzes the meaning of the «zebra» image in the artist's work, some principles of the artist's work with Russian visual national symbols. Also, the article outlines further prospects for the study of V. Slonov's work – the media image of the artist, conducting philosophical and art studies of other works of the author.

Keywords: Vasily Slonov, Siberian ironic conceptualism, Krasnoyarsk art, Siberian art, postmodern art.

The research was funded by RFBR, Krasnoyarsk Territory and Krasnoyarsk Regional Fund of Science, project number 20–49–240001.

Research area: theory and history of culture, art, types of art (visual arts).

Citation: Sitnikova, A. A., Zhigaeva, A. A., Fedorova, A. A., Mao Sang (2022). Creativity of the Krasnoyarsk artist Vasily Slonov. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(6), 879–893. DOI: 10.17516/1997-1370-0894.

Творчество красноярского художника Василия Слонова

А.А. Ситникова, А.А. Жигаева, А.А. Федорова, Мао Санг

Сибирский федеральный университет

Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Статья представляет собой научное искусствоведческое исследование творчества красноярского художника Василия Слонова, чьи произведения демонстрировались на выставке «Соединенные штаты Сибири», где возник термин «сибирский иронический концептуализм», а также на выставке красноярского искусства в музее современного искусства «Эрарта». Однако несмотря на солидную выставочную историю, сегодня искусствоведческие исследования творчества Василия Слонова практически полностью отсутствуют. Здесь авторами выявлена ключевая идея творчества художника – освобождение табуированных в обществе тем; проанализированы основные художественные традиции В. Слонова – сюрреализм, русское народное искусство, авангардное искусство начала XX века, концептуальное искусство; обозначены принципы его работы с художественными материалами (кирпич, вата, машины, масло и некоторые др.). Показано значение образа «зебра» в творчестве художника, раскрыты некоторые принципы использования российской визуальной национальной символики. Обозначены дальнейшие перспективы исследования творчества В. Слонова: медийный образ художника, проведение философско-искусствоведческих исследований других произведений автора.

Ключевые слова: Василий Слонов, сибирский иронический концептуализм, красноярское искусство, сибирское искусство, искусство постмодернизма.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20–49–240001.

Научная специальность: 5.10.1 – теория и история культуры, искусства, 5.10.3 – виды искусства (изобразительное искусство).

Введение

Актуальность научного исследования творчества Василия Слонова определяется несколькими факторами: 1) Василий Слонов признан самым известным красноярским художником на российском и международном уровнях, что подтверждается многочисленными выставками художника в Москве, Перми, Лондоне, Пассау и других городах России и мира, но при этом практически полностью отсутствуют искусствоведческие исследования и его творчества в целом, и отдельных произведений (информацию можно найти толь-

ко в публицистических статьях печатных и электронных изданий); 2) в существующих публикациях о творчестве Василия Слонова отражены только поверхностные смыслы работ художника (например, обращение к сложным политическим темам без научного анализа интерпретируется единственно как стремление создавать скандальные и провокационные объекты); отмечена их ироничность и т. д., но важные смыслы произведений этого автора остаются нераскрытыми. Кроме того, из отдельных публикаций в СМИ совершенно не формируется логичный и после-

довательный ход эволюционного развития творчества художника.

Наша задача – провести первое научное искусствоведческое исследование творчества художника Василия Слонова, описать основные темы произведений, специфику художественных материалов, с которыми он работает, представить общую логику развития его творческого пути и проанализировать некоторые репрезентативные произведения искусства.

Обзор исследовательской литературы

Как уже было сказано, исследование творчества Василия Слонова практически не введено в научно-исследовательский искусствоведческий дискурс. В качестве примеров искусствоведческой диспозиции творчества Василия Слонова необходимо обозначить несколько примеров:

1) в каталоге выставки «Соединенные штаты Сибири», представленной в 2013 году в Новосибирске, Томске, Москве и Санкт-Петербурге, во вступительной статье художник Александр Шабуров вводит термин «сибирский иронический концептуализм», который обобщает опыт создания некоторыми сибирскими художниками (новосибирской арт-группы «Синие носы», омского художника Дмитрия Муратова, красноярского художника Василия Слонова и др.) произведений искусства в традициях постмодернизма (с опорой на традиции концептуального искусства после 1970-х годов) с переосмыслением визуальных образов Сибири в ироническом ключе;

2) куратор Владимир Назанский представил выставку «Красноярские столпы» в Санкт-Петербургском музее современного искусства «Эрарта» в 2014 году, где вписал творчество Василия Слонова в контекст развития красноярского искусства как автора провокационных произведений на политическую тематику;

3) творчество художника Василия Слонова было представлено на выставке «После Поздеева» в рамках XIII Красноярской музейной биеннале «Переговорщики», где на основе глубинного интервью с художником кураторы представили эволюцию твор-

ческого развития лидера концептуальных художественных практик в Красноярске с 1990-х годов до 2019 года. Таким образом, сегодня искусствоведческое осмысление творчества Василия Слонова существует лишь на уровне выставочных практик, часть которых сопровождалась комментариями о роли творчества этого художника в контексте развития регионального российского концептуального искусства.

Основная же масса многочисленных статей о творчестве В. Слонова носит публицистический характер, где внимание уделено некоторым произведениям этого художника. Такие статьи и заметки с упоминанием произведений Василия Слонова представлены как на английском языке в иностранной прессе (Kennicott, 2014), так и в российских интернет-изданиях, адресованных иностранцам (Salnitskaya, 2015). Большая же часть публикаций о творчестве Василия Слонова выходит в российской прессе (например, Коновалова, 2006; Лапрад, 2015; Лучевская, 2018). В большинстве случаев журналисты обращают внимание на произведения художника (прежде всего на политическую тематику – с использованием визуальной российской государственной символики и т. п.) как на повод порассуждать о современных политических проблемах, причем практически отсутствует искусствоведческая критика. Вероятно, анализ подобных публикаций должен проводиться в контексте исследования другой направленности – «Образ художника Василия Слонова в современных медиа», но в рамках настоящего исследования данная проблема авторами не изучается и не рассматривается.

Таким образом, на основании существующей информации о творчестве Василия Слонова можно сделать два вывода: 1) сегодня наблюдается дисбаланс в плане осмысления творчества художника – большое количество информации о художнике в медиа-пространстве при отсутствии профессиональной искусствоведческой критики; 2) оценка значения творчества Василия Слонова для современного российского искусства осуществляется только на прак-

тическом уровне – его работы обязательно включаются в выставки современного сибирского искусства, а также иногда понимаются как репрезентанты современного российского искусства в целом.

Методология исследования

Исследование проведено с использованием таких методов, как контент-анализ публикаций СМИ о творчестве В. Слонова, интервью с самим художником, философско-искусствоведческий анализ его произведений по методике В. И. Жуковского, общенаучные исследовательские методы (Sitnikova & Zhukovskaia, 2015, Sertakova, et al., 2019, Koptseva & Reznikova, 2015, Reznikova, et al., 2019, Seredkina, et al., 2019).

Концептуальной основой философско-искусствоведческого анализа выступает культурологическая теория Д. В. Пивоварова, где культура рассмотрена как процесс идеалообразования, процесс создания эталонов, норм, ценностей, репрезентативных как для отдельных эпох, так и для культуры в целом (Leshchinskaya, 2021, Amosova, et al., 2019, Avdeeva et al., 2020, Kistova, 2020a, 2020b, Sitnikova & Li, 2020, Yurchenko, 2020, Koptseva, et al., 2018).

Ранее данная теория неоднократно применялась для исследования произведений искусства и артефактов культуры и доказала свою эффективность в многочисленных апробациях.

Исследование

Общая характеристика творчества

В. Слонова

Художник Василий Слонов родился в 1969 году в селе Шушенское Красноярского края. В 1991 году окончил Красноярское государственное художественное училище им. В. И. Сурикова. Живет и работает в Красноярске. Значимой площадкой для формирования художника в русле концептуальных художественных практик стал Красноярский культурно-исторический музейный центр (современное название – Красноярский Музейный центр «Площадь Мира»), где были проведены первые вы-

ставки его произведений, а также регулярное участие в Красноярских музейных биеннале.

Становление концептуальных художественных практик в Сибири начинается в 1990-е годы, когда местные художники открывают для себя новые художественные традиции, прежде всего авангардное искусство начала XX века. В это время появляются книги по искусству русского и зарубежного авангарда, недоступные ранее. Многие художники открывают абстрактное искусство, искусство дадаистов, сюрреалистов и другие художественные направления начала XX века, которые дают новые и свежие идеи для творчества по сравнению с доминировавшим ранее принципом социалистического реализма, с академическими рисовальными техниками. Василий Слонов начинает свою профессиональную карьеру с создания живописных произведений, причем с самого начала он опирается на традиции сюрреализма и в его творчестве присутствуют иронические приемы (рис. 1).

Существует точка зрения, согласно которой каждый художник на протяжении всего своего творчества развивает одну и ту же мысль, идею, которая просматривается в каждом произведении. У В. Слонова в 1990-е годы складывается одна из главных тем его творчества – отсутствие заперщенного, обращение к табуированному контенту ради освобождения «замалчиваемого». Так, в первых живописных работах художника возникает образ зебры как «арестованной лошади» (на основании подобию окраски животного одежде заключенного): пользуясь приемом цитаты, художник перерисовывает картину Бориса Щербакова «Морозный день. У кучерской избы», но вместо обычной лошади на фоне заснеженного деревенского дома в упряжку оказывается запряжена зебра. Здесь, с одной стороны, происходит ироничное и чудесное перемещение зебры из саваны в заснеженную Россию, с другой – выявляется подневольная судьба животного, рожденного свободным (рис. 2). Зебры становятся частыми персонажами ранних картин художника, а позднее он перекрашивает соб-

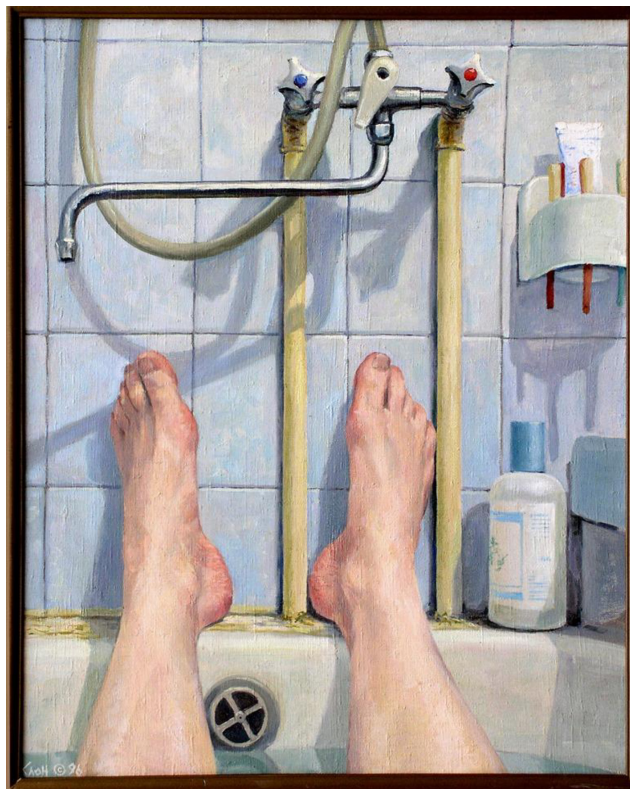

Рис. 1. Василий Слонов. Жизнь Марата. 1990-е. Холст, масло
Fig. 1. Vasily Slonov. The life of Marat. The 1990s. Oil on canvas

Рис. 2. Василий Слонов. По мотивам картины Бориса Щербакова
«Морозный день. У кучерской избы». 1990-е. Холст, масло
Fig. 2. Vasily Slonov. Based on the painting by Boris Shcherbakov
«Frosty Day. At the coachman's hut.» The 1990s. Oil on canvas

Рис. 3. В. Слонов. Зебра-киборг. 2000-е. Дизайн машины
Fig. 3. V. Slonov. Zebra-cyborg. 2000s. Machine design

ственную машину в черно-белую полоску, сравнивая судьбу российского художника с «арестованной лошадью» (рис. 3).

В 2000-е и 2010-е годы творчество художника развивается по пути обращения либо к табуированному контенту, либо к темам, находящимся в «спирали молчания» в обществе (социальные проблемы за торжественным глянцем Олимпиады в Сочи, утрата истинных смыслов Парада Победы и т. п.), так как художник часто решает проблему освобождения тех идей, о которых не принято говорить. Сам художник так высказывается о данном векторе своего творчества во время глубинного интервью с А. Ситниковой в 2019 году:

«Как так получается, что Вы вытаскиваете какие-то провокационные дискурсы, которые не оставляют людей равнодушными. Вы как-то специально их ищете или это случайно получается?»

Это мой тяжкий крест, на самом деле. Всегда, когда я делаю какие-то доклады, лекции, то сразу заявляю, и в интервью заявляю, что я протестным художником не являюсь. Я в творчестве исповедую художественное доминирование, то есть я субъект истории: и обычной истории, и истории искусства. Я некая доминанта,

центр, вокруг которого что-то происходит. Как и каждый человек. Для меня президент, власть, чиновники, все происходящее – это всего лишь тюбики в моем этюднике. Они объекты. Поскольку я художник современный, я тку некое полотно, и я не могу не использовать этих персонажей и все прочее. Тот же Лев Толстой в «Войне и мире» написал про всех, кто тогда присутствовал на общественной арене в то время. В этом изначально нет никакой провокации. Я сейчас пример приведу, как это срабатывает. Просто есть некие персонажи, есть просто некие темы, которые уже считаются мимически. Люди их уже погружают в собственный скандальный контекст. То есть, если ты делаешь Путина, ты как будто автоматически против. А с чего вы взяли, что против? Речь вообще о другом... Вот пример. Я делал выставку «Медвежий сны», где слоганом выставки была фраза «Посади свои страхи на цепь». Как рождается провокация? Я говорю о том, что не нужно рвать жизнь на пустые страхи: эти фобии как бы жизнь отнимают и совсем не нужны. И я просто сел и написал, составил рейтинг страхов. Рейтинг страхов возглавляет смерть. Я думаю, первый страх, который я посажу иллюстративно на цепь, это бу-

дет смерть. И дальше я расписал – политика, какие-то репрессии. И по очереди всех посадил на цепь, иллюстрируя эту мысль: я посадил на цепь смерть, Сталина посадил, посадил Путина. Не то, что я личное к нему имею какое-то негативное отношение, а то, что все с ним носятся как с каким-то воплощением страха, с кем-то, кто что-то плохое может сделать. Таким образом, я демонстративно избавляюсь от страхов, сажая их на цепь. В конце концов, я и сам себя посадил на цепь, чтобы никаких упреков не было».

Помимо живописи В. Слонов создает произведения в таких видах искусства, как скульптура (инсталляция), паблик арт, видеоарт, перформанс, фотография и некоторые другие. Согласно теории В.И. Жуковского произведение искусства рождается в результате сотворчества художника и художественного материала. У Василия Слонова, очевидно, есть любимые художественные материалы, с которыми он работает чаще всего: кирпич, железо, вата, машины. Опираясь на традиции народных ремесел – кузнечное дело, резку и другие техники, он изобретательно и умело использует эти материалы для создания произведений концептуального искусства – прорезает рисунки на кирпичах, куёт современные железные кокошники, из листов жести собирает огромную матрешку и т. д. С одной стороны, материалы и техники, которые использует художник, действительно имеют народное происхождение, с другой – творческие методы художника пересекаются с приемами видных представителей зарубежного искусства – металлическими скульптурами Р. Серра, использованием машин в качестве художественного материала у скульптора Дж. Чемберлена и др. В целом в своем творчестве В. Слонов синтезирует народное мастерство и фольклорные образы (матрешки, медведи и т. п.) с актуальными и современными темами, с концептуальным художественным языком, что делает его одним из самых значимых художников Сибири.

Сегодня рано говорить об определенных этапах творчества художника, но инте-

ресно, что сам он понимает их в зависимости от тем и материалов, которые захватывают его воображение на определенное время. Так, в раннем творчестве он выделяет «яичный период», когда под впечатлением от картины С. Дали «Постоянство памяти» главным персонажем его произведений становится яичница, имеющая множество символических смыслов; далее выделяется «зебриный» период, кирпичный период, рентгеновский период и т. п. Художнику характерно серийное мышление – он создает серию произведений из ваты, серию топоров, серию кокошников и т. д.

Рассмотрим несколько произведений В. Слонова более детально.

Анализ серии «Друзья детства» (с 1999 года)

Серия представляет собой рентгеновские снимки самого художника с определенными атрибутами, которые превращают их в подобие «фотографий» известных российскому (европейскому) человеку с детства литературных персонажей: на рентгене стопы мы видим застрявший наконечник стрелы и понимаем, что здесь представлен «Ахилл»; снимок головы соединен с черепом – это сцена из произведения «Гамлет», где принц датский беседует с Йориком, в грудной клетке на месте сердца видим лампочку – это «Данко» (рис. 4) и т. д. Всего 20 фотографий, которые могут пополняться новыми. Впервые серия была представлена в 1999 году на Красноярской музейной биеннале «Искусство памяти», с тех пор автор, проходя ежегодную флюорографию, старался создавать новые образы. В этой серии просматриваются и художественные традиции авангардистов начала XX века – например, фотографа М. Рея, создававшего свои произведения рентгеном. С помощью данной техники визуализирована идея, что многие литературные образы превратились в смысловые коллективные архетипы, заложенные у человека, выросшего на этих образах, «под кожей». Наконец, серия произведений в технике рентгенографии, когда автор подвергает себя смертельно опасному излучению, визуализирует представление

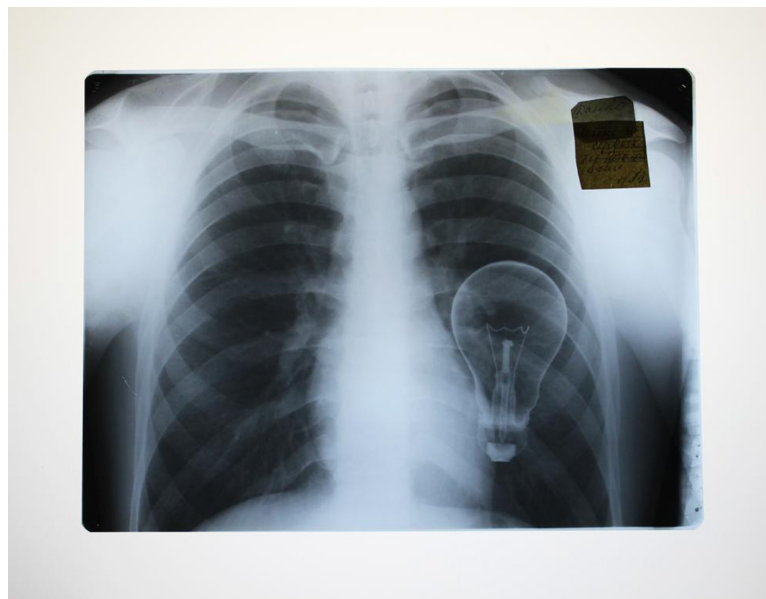

Рис. 4. В. Слонов. Данко из серии «Друзья детства». 1999. Рентгенография
Fig. 4. V. Slonov. Danko from the series «Childhood Friends». 1999. Radiography

о сути работы художника: рискуя собственной жизнью, он создает произведения искусства.

Интересно, что при прочтении данной серии носителями иной культурной традиции, в частности китайской (аспирантка СФУ Мао Санг), в первую очередь смысл создания произведения искусства видится как смертельная опасность, в то время как увлекательная викторина с отгадыванием литературных персонажей остается полностью незамеченной.

Анализ скульптуры «Родина-мать» (2010)

Традиционно матрешка делается из хорошо высушенного дерева (это легкий и достаточно прочный материал) и покрывается росписью, для которой используют яркие краски. На деревянной форме обычно изображают женский персонаж. В росписи одежды используют растительный орнамент – крупные цветы. Размеры традиционных матрешек от 6 до 40 сантиметров (в зависимости от количества мест, то есть от количества матрешек, входящих в набор).

Василий Слонов выбирает в качестве материала металлические листы. Это более прочный и тяжелый материал, чем дерево, а также более трудно обрабатываемый. Металлическая матрешка, в отличие от деревянной, не обладает качествами, необходимыми для игрушки или сувенира (тактильной теплотой, небольшим весом, возможностью производить большое количество предметов за короткий промежуток времени, легкостью обработки, стоимостью материала, нарядностью-декоративностью и так далее). Таким образом, художник, выбирая форму матрешки, с одной стороны, сохраняет смыслы сувенирности (память, символ России, образчик народного искусства), с другой – придает своей работе дополнительные качества: основательность, прочность, тяжесть, приземленность, обыденность и непрезентабельность. Художник уходит от «мусорного», возвращает искусственность современному искусству, делая свои произведения из нарочито реальных, трудно обрабатываемых материалов.

Размер «Родины-матери» – 5 метров – значительно больше размера игрушек, а также больше человека. Название

Рис. 5. В. Слонов. Родина-мать. 2010. Жесть
Fig. 5. V. Slonov. Motherland-mother. 2010. Rough

скульптуры и повод создания работы (Василий Слонов готовил ее к выставке, посвященной 65-летию победы в Великой Отечественной войне в рамках проекта «Послебеды») относит нас к памятнику «Родина-мать зовёт!» скульптора Е. В. Вучетича как аллегорическому образу Родины, призывающей своих сыновей на войну. В. Слонов выбирает очень закрытую форму, в отличие от скульптуры Е. Вучетича, где изображена женщина в активной позе с раскрытыми руками. У Матрешки Василия Слонова нет лицевой стороны, она обращена сразу во все стороны и, одновременно, замкнута в себе, потому что зритель ожидает, что внутреннее матрешки содержательно. Безликость придает скульптуре аллегоричность — она и все (женщины России), и никто, то есть

заготовка, болванка, которую можно декорировать как угодно (что и произошло спустя несколько лет, когда художницы ярн-бомбинга связали на скульптуру яркий чехол) и которая как репрезентант стрит-арта побуждает к сотворчеству зрителей, превращает город в площадку для совместной деятельности.

Отсутствие лицевой стороны и обобщенный силуэт матрешки, традиционно представляющий женскую фигуру (а содержание матрешки — это другие матрешки меньшего размера, находящиеся друг в друге, обычно вербализируемые как несколько поколений женщин), позволяет нам сказать, что скульптура В. Слонова — это аллегория России без возраста в состоянии обыденности, не праздника, аллегория ожидания изменений.

Матрешка Василия Слонова лишена привычного или ожидаемого декора, например, нет росписи, как в традиционных матрешках. Но тем не менее анализируемая скульптура имеет неявный декор. «Родина-мать» сделана из листов жести различных размеров, сваренных друг с другом в цельное полотно, похожих на многочисленные заплатки или лоскутное одеяло (не пэчворк, где используют новые ткани, подбирают рисунок ткани и самого одеяла, а нечто сшитое из оставшихся лоскутов или из кусков ношеной одежды без какой-либо цветовой или композиционной схемы, как это делали в деревнях с целью максимально полно использовать имеющуюся ткань). И заплатки, и такие лоскутные одеяла являются признаками бедности. Это не праздничное одеяние расписной матрешки, это одеяние нищеты. Также «Родина-мать» покрыта ржавчиной, которая нарастает со временем (изначально скульптура была сделана из материала без ржавчины, но ничем не обработана, чтобы защитить металл от окисления, то есть можно предположить, что ржавчина является частью замысла автора). Скульптура имеет динамичный декор – ржавчина появилась и с каждым годом все более разрушает металл, что в итоге приведет к разрушению самой скульптуры. Ржавчина придает скульптуре качество, присущее живым существам – стареть и умирать, а в совокупности с узнаваемой матрешечной формой – формой женского тела – такой декор антропоморфизует скульптуру, как живая вода оживляет неживое.

Обратимся к внутреннему содержанию. Традиционная деревянная матрешка содержит в себе как минимум еще две меньших по размеру фигуры – в этом суть и особенность игрушки. Скульптура Василия Слонова сделана из сваренных в цельное полотно металлических листов: ее нельзя открыть и посмотреть, что внутри. Возможно, автор создал внутреннее содержание, но мы не сможем об этом узнать раньше, чем скульптура будет демонтирована или разрушена от естественных причин.

Ассоциации с болванкой, со ржавым снарядом – свидетелем войны, зачастую выступающим центральным предметом экспозиции любого краеведческого музея России, позволяют поразмышлять о том, какое эхо войны докатилось до нашего времени и как исторические эпохи наслаиваются и взаимовлияют на друг на друга. Что для зрителя прошлое? Образ матрешки как преемственность поколений в семье (бабушка – мама – дочь) приобретает масштабность – как и какая история формирует человека, страну.

Кроме того, возможно, это самая маленькая, последняя фигурка. Тогда возникает вопрос – а где старшие поколения? Здесь мы можем заметить, что ржавчина соотносится с цветом обшивки музея «Площадь мира», который, в свою очередь, соотносится с цветом Красноярских Столбов – бурсырем сиенитом. Тогда мы можем увидеть разные масштабы родины – от человека к обществу и к географическому пространству.

Способ взаимодействия с матрешкой-игрушкой – открыть, достать внутренние фигуры, расставить по размеру, потом опять собрать в единое целое. В. Слонов тоже предлагает взаимодействовать с его скульптурой – заготовкой образа Родины. Как образчик стрит-арта она отдает активное начало зрителю-сотворцу (в отличие от скульптуры Е. Вучетича, представляющей собой активную мотивацию): какую Родину хочет видеть зритель? Какую родину он может сконструировать на основе матрешечной заготовки? Зритель будет искать смысл во внутреннем содержании образа Родины или надстраивать смыслы? Любое взаимодействие зрителя с «Родиной-матерью» репрезентирует отношение человека с реальной родиной, его собственную национальную идентичность, личную гражданскую активность, внутреннюю свободу соотечества.

В. Слонов соединяет парадоксальным образом три важных образа – память о войне, сувенир как красочный, нарядный (фасадный) символ России и, одновременно, игрушку – предмет, который является

моделью реальности, необходимой ребенку для обучения.

Художник деконструирует трэш-арт, арт-на-выброс – искусство, сделанное из мусора, возвращает ему вес и умение работать с материалом, придавая монументальность и масштабность, а также эстетизирует его, но не переходит грань «бедного искусства», не огламурирует. В привычный шаблонный красочный символ России он добавляет изнанку – драматичную сторону истории страны, историю войны и бедности, а также придает движение застывшему образу войны через вовлечение зрителя в процесс моделирования современного, актуального образа родины.

Анализ арт-объектов

«Имперские кокошники»

(с 2013 года по настоящее время)

«Имперские кокошники» Василия Слонова – это серия работ, представляющая

собой образы старинных головных уборов, выполненные из металла с использованием символик разных государственных институций и крупного бизнеса (таких как Сбербанк, Газпром, Кащенко, РАО ЕЭС), территорий (Сибирь, Москва, Россия) и философских категорий (Будущее, Любовь), а также некоторые узнаваемые достопримечательности России (ВДНХ, Аврора). Работа над серией началась в 2013 году производством RUSSIA и продолжает пополняться новыми объектами.

В своей художественной практике Василий Слонов часто использует юмор и иронию в качестве основного способа воздействия на зрителя. Юмор является комплексным психологическим и межличностным феноменом, затрагивающим как познавательные, так и эмоциональные процессы, сознание и бессознательное. Существуют разные виды юмора, такие как шутка, ирония, пародия, сарказм, цинизм,

Рис. 6. RUSSIA из проекта «Имперские кокошники». Василий Слонов. 2013

Fig. 6. RUSSIA from the project «Imperial Kokoshniki». Vasily Slonov. 2013

и Василий Слонов как автор старается использовать их все. Однако одним из общих признаков, присущих разным видам юмора, является метафора. Юмористические высказывания и образы, как правило, имеют скрытый смысл, доступный восприятию тех, кто обладает этим чувством.

Таким образом, сквозь призму юмора автор поднимает сложные политические вопросы и в каком-то роде выступает в роли придворного шута, которому можно высказывать опасные мысли правителю, не боясь наказания. В итоге юмор становится состоянием сознания, которое наделяет человека способностью видеть скрытую смысловую нагрузку и связи между вытесненными эмоциями и идеями, преобразовывать их в социально приемлемые, свободные формы.

В работах серии есть кокошники, представляющие Сбербанк, Газпром, Россию, Сибирь, Будущее. Автор будто собирает воедино разные категории, встраивая их в общую историю. Название же проекта задает общую канву повествования. Так, по словам автора, он выражает свое восхищение страной. Однако допускает, что в его работах каждый увидит свой смысл. И здесь ирония и юмор становятся для него своеобразной защитой. За иронией «Имперских кокошников» прячется опасное и гнетущее ощущение, поскольку в данном случае использован патологический или «черный» юмор, проявляющийся в насмешке над умирающим или находящимся в смертельной опасности персонажем, который при этом может испытывать страдание или страх.

В своих произведениях Василий Слонов часто обращается к очень узнаваемым национальным русским символам и понятиям. Имперские кокошники не стали исключением. Автор обращается к исторической памяти о национальном костюме. В этой серии работ представлены почти все формы кокошников, существовавших на разных территориях страны, но кроме них использованы еще и повседневные для современного человека объекты и формы. Таким образом, автор обращается к аллегории кокошника как исключительно русско-

го символа и одновременно актуализирует его форму для современности, формируя новое значение.

Исторически кокошники использовались как элемент праздничного женского национального костюма исключительно для праздников и ритуалов. Имперские кокошники созданы не для конкретных женщин, а для всей страны, предстающей в виде женского образа. Стальной кокошник «RUSSIA» – первый и заглавный в серии – призван отразить и воспеть величие России. Все следующие работы посвящены институтам и понятиям, которые могут быть символами страны.

В работах Василия Слонова использованы традиционные элементы кокошников – обниси, скрывающие лоб, позатыльник, рясны, лопасти. Но вместо бисера, жемчуга и бархата мы видим цепи, стальные решетки, металлические пластины и даже кожаные ремни психиатрической больницы. Тяжесть и прочность металла, его грубая текстура превращают кокошники в некие каски, доспехи, призванные защитить. Они прочны и нерушимы, но в то же время тяжесть и вес металла отрицают возможность носить эти головные уборы на голове, даже в качестве защиты. Традиционно кокошники украшали необычными узорами с чередующимися элементами, которые размещали на самых видных частях головного убора. Воплощение символов и обрядов в древних народных орнаментах нашло свое отражение в вышивке на гребне и очелье кокошника. Символы, вышитые на гребне кокошника (солнце, земля, дерево, птицы и кони), служили для оберега и защиты. Слонов же использует в качестве элементов украшения гребней своих кокошников не менее узнаваемые в современном мире символы. Названия и логотипы корпораций, территориальные единицы и самые узнаваемые стереотипы о них, государственные институты, ставшие символом современной России. Материал и форма работ из серии «Имперские кокошники» направляют восприятие и сознание зрителя в две противоположные стороны – праздника и наци-

онального самосознания и одновременно давления и устрашения.

Кокошник традиционно венчал женскую статную фигуру в праздничном наряде, имперский кокошник способен ее раздавить, он будто превращен в военные доспехи, в которые традиционно облачаются мужчины, поэтому в произведении возникает смысл гендерного обмена.

Заключение

В результате исследования творчества красноярского художника Василия Слонова получен ряд выводов.

1. В современной медиасреде сформировался дисбаланс в плане интерпретаций произведений художника Василия Слонова: наблюдается преобладание публицистических статей о произведениях искусства, созданных художником, где журналисты большее внимание уделяют политическим темам, создавая образ художника-провокатора, в то время как отсутствуют научные искусствоведческие публикации о творчестве автора.

2. Творчество Василя Слонова представлено живописными работами, инсталляциями, перформансами, видеоартом, скульптурами, фотографиями и заслужи-

вает всестороннего искусствоведческого исследования.

3. В настоящей статье выделена ключевая тема творчества художника – освобождение табуированного контента.

4. Творческий метод работы с художественными материалами (кирпич, вата, машины, масло и др.) представляет собой уникальный синтез народных старинных и современных русских ремесел и авангардных художественных техник XX века (рентгенография, работа с металлом и т. п.).

5. Проанализированы такие произведения художника, как «Морозный день. У кучерской избы», «Родина-мать», серии «Друзья детства», «Имперские кокошники». На примере картины «Морозный день. У кучерской избы» показано значение образа зебры в раннем творчестве художника как символа неволи, отправной точки для дальнейшего развития всего творчества. Серия «Друзья детства» интерпретирована как готовность художника преодолевать свои страхи ради создания произведений искусства. На примере анализа скульптуры «Родина-мать» и серии арт-объектов «Имперские кокошники» были исследованы принципы работы художника с российской национальной символикой.

Список литературы / References

- Amosova, M.A., Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A., et al. (2019). Ethnocultural identity in the works of Krasnoyarsk artists. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 12 (8), 1524–1551.
- Avdeeva, Y.N., Degtyarenko, K.A., Kolesnik, M.A., et other (2020). Architectural Space in the Paintings by Vincent van Gogh. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 13 (6), 838–859.
- Catalog of the exhibition «Poslebody» (2012). In *Krasnoyarsk, Krasnoyarsk museum center*, Mikhail Prokhorov foundation. 180 p.
- Catalog of the exhibition «United states of Siberia» (2014). In *Tomsk, Siberian department of State center of contemporary art*. 328 p.
- Galkin, D., Kuklina, A. (2015) Razvitie sovremennogo iskusstva v regionah Rossii: global'nyi kontekst i lokal'nie proekty [The development of contemporary art in Russian regions: global context and local projects]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk state university Journal]*, 397, 65–74. DOI: 10.17223/15617793/397/12
- Kennicott, Ph. (2014) Russian posters give powerful internal critique of Sochi Olympics. In *The Washington Post*, 07 February 2014. Available at: <https://www.washingtonpost.com> (accessed 1 December 2021).
- Kistova, A.V. (2020a). Kul'tura kak faktor social'noj dinamiki [Culture as a factor of social dynamics]. In *Severnye Arhivy i Ekspedicii [Northern Archives and Expeditions]*, 4(2), 100–111.

- Kistova, A.V. (2020b). Sinteticheskaya model' kul'tury i kul'turnye praktiki [Synthetic model of culture and cultural practices]. In *Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2 (6), 111–121.
- Kononova, E. (2006) *Soznatel'nie provokacii Vasiliya Slonova [Vasily Slonov's deliberate provocations]*. Available at: <http://www.vecherka.ru> (accessed 1 December 2021).
- Koptseva N. P., & Reznikova, K.V. (2015). Three Paintings by Zdzisław Beksiński: Making Art Possible «After Auschwitz». In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 8(5), 879–900.
- Koptseva, N.P., Reznikova, K.V., Razumovskaya, V.A. (2018). The Construction of Cultural and Religious Identities in the Temple Architecture. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 11(7), 1021–1082.
- Laprad, T. (2015) Cosmos Russkoi vati [The space of Russian cotton wool]. In *Radio Svoboda [The Radio of freedom]*, 25 February 2015. Available at: <https://www.svoboda.org> (accessed 1 December 2021).
- Leshchinskaya, N.M. (2021). Kul'turologicheskie podhody k analizu proizvedenij dekorativno-prikladnogo iskusstva [Cultural approaches to the analysis of works of arts and crafts arts]. In *Severnye arhivy i ekspedicii [Northern archives and expeditions]*, 5 (2), 9–15. DOI:10.31806/2542-1158-2021-5-2-9-15.
- Luchevskaya, Ya. (2018) Vasily Slonov. Osobennosti nacionalnogo yumora [Vasily Slonov. The features of national humor]. In *Tvorcheskii almanah Artifex [The creative almanac Artifex]*, 34. Available at: <https://artifex.ru> (accessed 1 December 2021).
- Nazanskiy, V. (2014) *Krasnoyarskie stolpi. Sovremennoe iskusstvo Krasnoyarska [Krasnoyarsk stolpy. Contemporary art in Krasnoyarsk]*. The exhibition in the museum of contemporary art «Erarta». Available at: <https://www.erarta.com/> (accessed 1 December 2021).
- Pivovarov, G.O. (2021) Industrial'noe izobrazitel'noe iskusstvo. Promyshlennost' i «tret'i mesta» (na primere Krasnoyarska) [Industrial fine arts. Industry and «third places» (on the example of Krasnoyarsk)]. In *Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 5 (3), 366–376. DOI: 10.31804/2542-1816-2021-5-3-366-376.
- Reznikova, K.V., Sitnikova, A.A., Zamaraeva, Yu.S. (2019). Three Paintings by Egon Schiele: Ideas about the Essence of Art. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 12(7), 1240–1255.
- Salnitskaya, V. (2015) Controversial artist takes sarcastic Olympics exhibit to UK. In *The Siberian times*. Novosibirsk, 18 May 2015. Available at: <https://siberiantimes.com> (accessed 1 December 2021).
- Sertakova, E.A., Leshchinskaya, N.M., Kolesnik, M.A. (2019). Three Gustave Moreau Pictures: Myth, Religion, Creativity. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 12 (7), 1316–1334.
- Seredkina, N.N., Kistova, A.V., Pimenova, N.N. (2019). Tri Kartiny Edvarda Munka: Filosofsko-Iskusstvovedcheskij Analiz Cikla «Friz Zhizni» [Three Pictures by Edvard Munch: Philosophical and Art Criticism Analysis of the Cycle «Frieze of Life»]. In *Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 3(4), 49–64.
- Sitnikova, A. (2017) Krasnoyarsk: research of the development of contemporary art in Krasnoyarsk. [Nemokva official website]. Available at: <https://nemokva.art/> (accessed 1 December 2021).
- Sitnikova, A. A., & Li, S. (2020), Tri kartiny kitajskih sovremennykh hudozhnikov gorodskogo okru-ga Hulunbuir (avtonomnyj rajon Vnutrennyaya Mongoliya) [Three paintings by contemporary Chinese artists from Hulunbuir Urban District (Inner Mongolia Autonomous Region)]. In *Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 4(3), 118–129. DOI: 10.31804/2542-1816-2020-4-3-118-129.
- Sitnikova, A.A., & Zhukovskaya, L.N. (2015). Visualization of the essence (about the creative work of the artist Vladimir Zhukovsky). In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 8(1), 137–144.

The exhibition «Posle Pozdeeva [After Pozdeev]» (2019). Available at: <http://biennale.ru> (accessed 1 December 2021).

Yurchenko, V. V. (2020). Sravnitel'nyj analiz vizualizacii obraza mirovogo ustrojstva v mifologii korennyh malochislennyh narodov Severa na primere obryadovyh kostyumov [Comparative analysis of the visualization of the image of the world order in the mythology of the indigenous peoples of the North on the example of ritual costumes]. In *Severnye Arhivy i Ekspedicii [Northern archives and expeditions]*, 4 (4), 116–125. DOI:10.31806/2542-1158-2020-4-4-116-125.

DOI: 10.17516/1997-1370-0895
УДК 7.067

Music Education in the Yenisei Province (end of the 19th – beginning of the 20th century)

Eugenia S. Tsareva and Lilia R. Stroy*

*Dmitri Hvorostovsky Siberian State Academy of Arts
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received .2021, received in revised form 31.01.2022, accepted 01.02.2022

Abstract. The subject of the research is the formation of professional music education in the Yenisei province of the late XIX – early XX century. The purpose of the work is to consider the role of music education in the formation of a local system of academic traditions on the example of the largest Russian region. Based on a wide range of historical sources, including those introduced into scientific circulation for the first time, the technologies for obtaining musical knowledge and skills of the imperial stage are highlighted and analyzed: the role of cultural and educational societies, private pedagogical practice, and the secondary secular school is indicated. Particular attention is paid to the creation in 1920 of the first permanent musical and educational institution on the Yenisei – the People’s Conservatory. Methodologically, the article is based on a historical approach. Among the leading methods are source study, descriptive and comparative historical methods. The comprehension of the discovered empirical material in the sociocultural aspect made it possible to obtain new results in the analysis of historical events. The article concludes about the importance of self-organizational processes in the development of musical education in the Yenisei province. Their action is reflected in the work of cultural and educational societies, the development of musical disciplines in the secondary secular school, and private teaching practice. The involvement of the anthropological approach in the study of local music reveals the role of the individual in shaping the musical life of the periphery, launching and coordinating self-organizational processes.

Keywords: academic musical traditions, musical education, self-organization, cultural and educational societies, P.I. Ivanov-Radkevich, People’s Conservatory, Krasnoyarsk, Yenisei province.

The research was funded by RFBR, Krasnoyarsk Territory and Krasnoyarsk Regional Fund of Science, project number № 19–412–240002.

Research area: theory and history of culture, art.

Citation: Tsareva, E. S., Stroy L. R. (2022). Music education in the Yenisei province (end of the 19th – beginning of the 20th century). J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(6), 894–908. DOI: 10.17516/1997-1370-0895.

Музыкальное образование Енисейской губернии конца XIX – начала XX века

Е.С. Царева, Л.Р. Строй

*Сибирский государственный институт искусств
имени Дмитрия Хворостовского
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. Предметом исследования являются процессы становления профессионального музыкального образования в Енисейской губернии конца XIX – начала XX века. Цель работы – рассмотрение роли музыкального образования в сложении локальной системы академических традиций на примере крупнейшего российского региона. Опираясь на широкий ряд исторических источников, в том числе впервые вводимых в научный оборот, освещены технологии получения музыкальных знаний и навыков имперского этапа: обозначена роль культурно-просветительных обществ, частной педагогической практики, средней светской школы. Определенное внимание уделено созданию в 1920 году первого постоянно действующего музыкально-образовательного учреждения на Енисее – Народной консерватории.

Методологически статья опирается на исторический подход. В числе ведущих выступают источниковедческий, дескриптивный и сравнительно-исторический методы. Осмысление обнаруженного эмпирического материала в социокультурологическом аспекте позволило получить новые результаты при анализе исторических событий. Сделан вывод о значении самоорганизационных процессов в становлении музыкального образования в Енисейской губернии. Антропологический подход в музыкально-краеведческом исследовании раскрывает роль личности в формировании музыкальной жизни региона, в запуске и координации самоорганизационных процессов.

Ключевые слова: академические музыкальные традиции, музыкальное образование, самоорганизация, культурно-просветительные общества, П.И. Иванов-Радкевич, Народная консерватория, Красноярск, Енисейская губерния.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта «Художественное образование как фундамент художественной жизни Сибири» № 19–412–240002.

Научная специальность: 5.10.1 – теория и история культуры, искусства.

Введение

Хронологическими рамками существования Енисейской губернии как крупнейшего целостного российского региона принято считать 1822 и 1925 годы. Она выступала предшественницей Красноярского края (который был учрежден в 1934 году) не только в историческом, географическом, экономическом планах, но и в музыкально-культурном. Одной из главных связующих нитей между двумя «формами бытования» приенисейских земель служило сохранение кореллятивной пары – центра (Красноярск) и периферии, обеспечивающей целостность и самоидентичность данной территории. Вместе с тем, при всей важности роли предистории, Енисейская губерния обладала и относительно самостоятельным и неповторимым музыкальным прошлым. С учреждением губернии на сибирских землях значительно интенсифицируется развитие городской культуры и одновременно идет перенос, адаптация и укоренение академических традиций в региональной музыкальной жизни.

Общеизвестно, что независимо от географического маркера академические музыкальные традиции исторически основываются на комплексе культурных ценностей и знаний, кристаллизовавшихся в европейском профессиональном письменном искусстве Нового времени, но постепенно приобретшем мировое распространение и статус универсальной модели-образца. Однако экспансии европейского культурного кода не произошло. Распространение европейского музыкального языка и мышления породило «встречи» с локальными традициями и возникновение национальных академических музыкальных моделей, обладающих уникальным обликом. Русское академическое музыкальное искусство сформировалось как вариант общеевропейского, но не потеряло при этом самостоятельной роли системного феномена, значительно обогатившего мировое художественное пространство. Немаловажно добавить, что академическое искусство генетически связано с городской культурой, оно зародилось внутри нее.

Саморазвивающаяся структурно-функциональная система традиций составляет академическую музыкальную культуру. В ее основу заложена деятельность и коммуникация важнейших субъектов: композитора, исполнителя, педагога, слушателя. Соответственно, система академических музыкальных традиций (культура) включает следующие базисные элементы: академическое композиторское творчество, исполнительство, образование, слушательскую аудиторию. Они обеспечивают необходимое «циркулирование» культурных ценностей в обществе (создание, сохранение, трансляцию, воспроизводство), при этом сами состоят из взаимосвязанных элементов более низкого порядка, встраиваясь как подсистемы в сложносоставную иерархичную модель (музыкальную культуру).

В годы бытования Енисейской губернии в орбиту распространения универсальной модели общеевропейского академического искусства уверенно входят Красноярск и окружные центры – Енисейск, Минусинск, Канск, Ачинск. В этот период запускается процесс становления на берегах Енисея регионального варианта целостной системы академического искусства, обладающего как типологическими чертами, так и собственной локальной спецификой, что способствует сохранению и воспроизводству музыкальных ценностей, их функционированию в едином географическом ареале.

Однако большую часть периода Енисейской губернии локальный вариант модели академических музыкальных традиций демонстрировал неравномерность в развитии его базовых компонентов, проявляющуюся в значительном перевесе в пользу исполнительства как исторически первого элемента в любой региональной культуре. Комплексное сложение таких блоков, как локальное композиторское творчество и музыкальное образование, хронологически возникает позднее. Оно нуждается в наличии многих условий и требует высокого музыкально-общественного развития локуса. Вместе

с тем успешность пространственного продвижения академических традиций (их локализация и сложение в жизнеспособную саморазвивающуюся и самовоспроизводящуюся систему) напрямую зависит от «темпоритма» процессов становления профессионального музыкального образования в регионе. Последнее обусловило выбор ракурса данного исследования. На основе широкого ряда исторических источников, в том числе впервые вводимых в научный оборот, освещены процессы формирования профессионального музыкального образования в Енисейской губернии конца XIX – начала XX столетий, протекавшие в контексте общероссийских тенденций, но и обладавшие региональной спецификой.

Основное внимание сфокусировано нами на Красноярске как крупнейшем городе Енисейской губернии, важнейшей точке концентрации и пульсации музыкальной жизни в регионе. Красноярск был главным «приемником» новаций из центра, опытным полем их применения в условиях местной специфики и одновременно региональным фильтром, распространяя и тиражируя новые культурные традиции на уездные города уже в апробированном и адаптированном – готовом к применению и укоренению – варианте. Его лидерство в сфере академического музыкального искусства, включая блок профессионального образования, в Енисейской Сибири сохраняется до сих пор, как, впрочем, и во многих других областях общественной жизни.

Источники и методы исследования

Методологическое основание статьи базируется на историческом подходе, что позволяет изучать интересующие нас культурные явления в историческом развитии и динамическом взаимодействии с социально-экономическим контекстом. Поиску и отбору необходимых материалов способствует источниковедческий метод. Базу исследования составляют документы, найденные в Государственном архиве Красноярского края (ГАКК), Муниципальном

архиве Енисейска (МАЕ), архивах Красноярского краевого краеведческого музея (АКККМ) и Енисейского краеведческого музея им. А.И. Кытманова (АЕКМ), а также сведения, обнаруженные в ретроспективных изданиях и местной периодической печати конца XIX – начала XX века. Факты, зафиксированные в данных источниках, сопоставлены и интегрированы в единое историческое целое. Данная методика позволила реконструировать культурные процессы, происходившие в общественно-творческой сфере и влиявшие на формирование системы музыкального образования. Обнаруженные документы демонстрируют индивидуальную специфику Красноярска даже в контексте сибирского географического ареала.

Авторы использовали элементы социокультурного и антропологического подходов ведущих российских ученых – А.Б. Каяк (Kajak, 2006), Н.П. Копцевой (Korceva, 2009; Korceva, Lozinskaja, 2017), И.В. Побережникова (Poberezhnikov, 2012) – и применяли такие научные методы, как системный анализ, моделирование, конкретизация и обобщение, что позволило осмыслить музыкально-краеведческий материал с новых позиций. Это способствовало выявлению значения самоорганизационных процессов в формировании академических музыкальных традиций досоветского Красноярска и особой роли личностного вклада в условиях культурной периферии. Основное внимание исследователей фокусируется на процессе становления профессионального музыкального образования в Енисейской губернии. Оно является определяющим маркером полноценной реализации модели академического искусства на новых географических территориях и формирования целостной локальной системы традиций, отвечающей региональной специфике и способной к саморазвитию и самовоспроизводству. Музыкальные учебные учреждения в Красноярске стали важнейшей скрепой формирующейся региональной академической музыкальной культуры.

Обсуждение***Специфика сложения******музыкального образования******в Енисейской губернии досоветского этапа:******роль культурно-просветительных обществ***

В досоветский период темп становления и развития академических музыкальных традиций в регионе значительно отставал от соседних сибирских губерний – Томской, Омской, Иркутской, и проявлялось это прежде всего в сфере профессионального музыкального образования. До 1920 года здесь не было музыкальной школы как таковой.

Музыкальная жизнь городов на берегах Енисея в имперские годы, в условиях невнимания власти к ее проблемам и отсутствия различных вариантов государственной поддержки, направлялась и насыщалась внутренними самоорганизационными процессами. Культуротворческие импульсы не шли «сверху», не были следствием вертикального государственного культурного строительства, а рождались «снизу», инициировались активными и просвещенными представителями различных сословных групп. При этом роль идейных лидеров исторически принадлежала интеллигенции, число которой в городах Енисейской губернии с последней трети XIX века значительно увеличивалось за счет как «пришлых» (ссылных и временно направляемых на службу), так и добровольно возвращающихся в родные места после обучения в столицах и выпускников уже сибирских учебных заведений. Существовал и малый процент тех, кто, родившись и получив образование в Европейской России, добровольно избирал Красноярск местом проживания и работы.

Музыкальное образование в Енисейской губернии, по большей части, представляло собой различные адаптивные формы получения знаний, распыленные в городской культуре. Оно осуществлялось в рамках частной педагогической практики, совместного любительского музицирования, самостоятельного освоения исполнительских навыков и знаний, а также музыкального воспитания и обучения в низшей

и средней духовной, военной и светской школе. Следует отметить, что разобщенные способы изучения традиций академического искусства, при отсутствии единой специальной системы, но при условии «встречи» талантливого и образованного педагога с одаренным и увлеченным учеником, в ряде случаев давали высокие качественные результаты (Tsareva, 2014).

Центральную роль в становлении музыкального образования Енисейской губернии имперского этапа играли культурно-просветительные общества, собрания и клубы, которые представляли собой негосударственные некоммерческие добровольные самоорганизующиеся союзы. Они активно распространяли и развивали традиции совместного любительского музицирования, при них создавались любительские творческие коллективы, кружки и секции, приглашались в качестве наставников профессиональные музыканты, способные грамотно организовать творческий и учебный процесс. В широком спектре самоорганизационных союзов особое место принадлежало непосредственно музыкальным культурно-просветительным кружкам и обществам, которые начали возникать с последней четверти XIX века. Именно они оказывали прямое и определяющее влияние на сложение академического музыкального искусства в городах Енисейской губернии.

Напомним, что музыкальное культурно-просветительное общественное движение было всероссийской тенденцией в развитии отечественной культуры второй половины XIX – начала XX века. Достаточно вспомнить региональную сеть филиалов Императорского Русского музыкального общества (ИРМО), благодаря которой осуществлялось становление концертной жизни и профессионального музыкального образования в общенациональном масштабе. Однако в Енисейской губернии не было отделения ИРМО в отличие от Томска, Иркутска, Омска, Тобольска. Вместе с тем созданные в Красноярске социальные союзы по подобию названной отечественной культурной модели (ИРМО), возглавляе-

мые передовыми личностями, на рассматриваемом историческом этапе компенсировали невнимание власти к обогащению, наполнению и модернизации локальной музыкальной жизни и стали доминирующим двигателем развития высоких академических традиций. Несмотря на их всеословность, представители интеллигенции составляли ядро просветительской работы объединений, концентрируя в себе главный культуротворческий потенциал. Работа союзов вызвала качественные и количественные изменения в локальной культуре, которые обусловили новый эволюционный виток в формировании системы региональных академических музыкальных традиций. Передовые позиции в музыкальном культурно-просветительском общественном движении принадлежали Красноярску, где был создан Музыкальный кружок (1882)¹, который позже перерос в Общество любителей музыки и литературы (1886)².

Результатами деятельности Общества стали организация симфонического оркестра и светского смешанного хора, появление первых музыкальных сочинений красноярцев и нотной библиотеки. Силами его членов были поставлены сцены из опер М. И. Глинки («Жизнь за царя»), А. С. Даргомыжского («Русалка»), А. Н. Серова («Рогнеда»). По красноярской модели создавались аналогичные общества в других городах. Они действовали соответственно своему масштабу и имеющимся творческим ресурсам. Среди них назовем Енисейское общество любителей музыки и литературы (1898), Литературно-музыкально-драматическое общество в Минусинске (начало XX века), Кружок (1905), а затем Общество любителей драматического искусства, музыки и пения в Канске (1907) (Tsareva, 2019: 116).

Одной из своих главных задач музыкальные кружки и общества ставили создание музыкальных классов. В уставе Енисейского общества любителей музыки и литературы этой проблеме посвящен соответствующий пункт, который

гласит: «устроить музыкальные классы»³. Красноярское объединение неоднократно рассматривало данный вопрос на своих собраниях⁴, однако попытки открытия музыкальной школы, к сожалению, не увенчались успехом. Остановимся на этом подробнее.

В 1897 году от председательницы Правления Красноярского общества любителей музыки и литературы на имя Енисейского губернатора поступило прошение – «открыть в Красноярске классы пения и музыки (фортепиано и скрипки)»⁵, к нему прилагалась «программа предметов преподавания в музыкальных классах», составленная членами Общества. Классы были рассчитаны на четырехлетний срок обучения. Их учреждение требовало необходимого согласования в Министерстве внутренних дел, откуда 20 июля 1898 года пришел ответ, что открытие классов в Красноярске «по представленным программам и при условии надзора администрации за внутренним ходом их деятельности <...> разрешается»⁶. При этом добавлялось, что министерством было сделано «сношение» с Главной дирекцией Императорского русского музыкального общества (ИРМО), которая, в свою очередь, попросила представить некоторые уточнения в учебных планах по классу пения и обозначить учебники по курсам элементарной теории музыки и сольфеджио⁷. Красноярское общество любителей музыки и литературы сообщило Енисейскому губернатору требуемую информацию⁸.

В мае 1899 года образовательные программы музыкальных классов в Красноярске были одобрены Главной дирекцией Императорского русского музыкального общества⁹. Красноярское Общество проводило благотворительные концерты с целью сбора средств в пользу устраиваемой музыкальной школы, но этого было недостаточ-

¹ ГАКК. Ф. 595, оп. 1, д. 1837. 10 л.

² ГАКК. Ф. 796, оп. 1, д. 5027. 14 л.

³ АЕКМ. О/ф 5612, л. 2.

⁴ АККМ. О/ф 9019/ПИ 5175, л. 20.

⁵ ГАКК. Ф. 595, оп. 8, д. 2808, л. 2.

⁶ ГАКК. Ф. 595, оп. 8, д. 2808, л. 5.

⁷ ГАКК. Ф. 595, оп. 8, д. 2808, л. 5.

⁸ ГАКК. Ф. 595, оп. 8, д. 2808, л. 8.

⁹ ГАКК. Ф. 595, оп. 8, д. 2808, л. 11.

но. Отсутствие необходимой материальной поддержки и заинтересованности местных властей не позволило воплотить в реальность идею творческой интеллигенции Красноярска о создании в городе музыкальной школы.

В первое десятилетие XX века наблюдается спад активности в работе Красноярского любительского музыкального общества. Постепенно оно практически перестает существовать, но в начале 1910 года вновь организуется и буквально сразу же ставит своей приоритетной задачей создание школы. Уже в феврале 1910 года появляются анонсы концертов Красноярского общества любителей музыки и литературы, сборы с которых направляются на образование «фонда» для открытия музыкальных классов. В местной прессе размещаются развернутые статьи с просьбой откликнуться: «В Красноярске организуются музыкальные классы. Средств нет. Зато есть добрые люди. Доброе общество, которое всегда готово прийти на помощь доброму начинанию» (газета «Красноярский вестник», 1910, № 24).

В исследовательской литературе, со ссылкой на газетную статью, утверждается, что в 1915 году уже другое культурно-просветительное общество – Попечения о начальном образовании – планировало открыть музыкальные классы в Красноярске. В поиске желающих получать музыкальные навыки и знания, определения исполнительского уровня и количества потенциальных учеников, а также популярности выбираемых направлений подготовки это общество опубликовало в газете «Отклики Сибири» соответствующий опрос. Кроме того, в газете упоминалось, что Общество планирует пригласить из столичной консерватории «...в качестве заведующего или преподавателя музыкального класса фортепианной игры свободного художника с высшим музыкальным образованием» (Учить творчеству! К истории профессионального образования в области искусства в Красноярске, 2019: 74). Открытие музыкальных классов предполагалось 1 сентября 1915 года. Однако и эта попытка органи-

зации музыкальной школы в Красноярске не была успешной.

Следует добавить, что Общества попечения о начальном образовании также представляли собой сеть аналогичных (между собой) союзов в городах губернии, действовавших с 1880-х годов и до прихода советской власти. Объединяя передовые силы интеллигенции и купечества, они проводили активную культурно-просветительную работу – устраивали концерты, спектакли, организовывали творческие любительские коллективы, хотя и не ориентировались на чисто академические традиции.

Частная педагогическая практика и музыкальное обучение в системе народного образования Енисейской губернии

В Енисейской губернии были распространены частная музыкальная педагогическая практика и самостоятельное освоение исполнительских навыков с помощью различных пособий. Это также входило в широкий диапазон форм самоорганизационной социокультурной деятельности. Первые свидетельства частных музыкальных уроков в Красноярске находим еще в письмах декабриста В. Л. Давыдова, датированных 1840–1850-ми годами (Davydov, 2004). В местных газетах конца XIX – начала XX века уже регулярно размещались объявления с предложениями услуг преподавателей музыки. К началу XX века в Красноярске значительно увеличилось число магазинов, распространяющих, помимо музыкальных инструментов, нотную и методическую литературу, в том числе различные самоучители и авторские «школы»¹⁰, что как нельзя лучше свидетельствовало о возросших культурных потребностях горожан¹¹.

Если говорить о музыкальном обучении в системе народного образования Енисейской губернии, то его положение достаточно разнилось в зависимости от ведомственной принадлежности учреждения. В духовных учебных заведениях закрытого

¹⁰ ГАКК. Ф. 796, оп. 1 д. 4814. 20 л.

¹¹ АККМ. О/ф 9544–2/Д 2709, л. 113.

типа оно было обязательным, регламентированным «сверху», что исторически диктовалось прикладными задачами и целями. Это обеспечивало лучшую стабилизацию музыкально-образовательного процесса по сравнению с гражданскими (особенно начальными) учебными заведениями, хотя и ограничивало его определенной жанровой сферой. Вместе с тем «стабилизация» была только номинальной. Как свидетельствуют отчетные документы Красноярского Епархиального женского училища за 1898–1899 учебный год, в действительности существовал острый дефицит квалифицированных специалистов, способных грамотно проводить, согласно учебным планам, музыкальные дисциплины и желающих работать за скромное денежное вознаграждение (*Report on the state of the Krasnoyarsk Diocesan Women's School*, 1899: 12).

В средней светской школе Енисейской губернии осуществлялось знакомство с традициями академического музыкального исполнительства. Речь идет о мужских гимназиях Красноярска и Енисейска, женских гимназиях Красноярска, Енисейска, Канска, Ачинска, Минусинска, учительских семинариях Красноярска и Минусинска. В отличие от духовной школы музыкальные дисциплины в перечисленных учебных заведениях пользовались творческой свободой, но не имели статуса обязательных предметов. Их положение и развитие регулировались внутренними самоорганизационными процессами: зависели от устава каждого конкретного учреждения, отношения администрации, желания учащихся и попечительского совета, присутствия заинтересованных, энергичных и квалифицированных преподавателей.

На рубеже XIX–XX веков в Енисейской губернии в сфере музыкального воспитания в рамках светского образования произошли значительные изменения. Региональные и столичные власти, локальные педагогические коллективы и передовая общественность Красноярска стали признавать пользу и необходимость качественного музыкального образования в средней школе. Однако на музыкально-учебный процесс

по-прежнему негативно влияли кадровый дефицит и недостаток финансирования.

Главный инспектор училищ Восточной Сибири при посещении Женской гимназии Красноярска в 1883 году высказал в числе пожеланий – «ввести обучение ... пению» (Бакай, 1895: 39). С конца XIX столетия уроки пения в гимназиях Красноярья приобретают стабильность, а в младших классах становятся обязательными. При этом освоение навыков игры на музыкальных инструментах оставалось в форме факультативов.

В конце 1880-х – начале 1890-х годов в Красноярских Губернской (мужской) и Женской гимназиях стали регулярными литературно-музыкальные вечера и утра, которые часто выходили из стен учебных заведений на городские площадки (Бакай, 1895: 53). Они пользовались интересом у широкой публики, которая желала увеличения их числа. Постоянным участником концертных программ Женской гимназии был хор учениц, причем в его репертуар уже в 1891 году входили песни Л. Бетховена, хоры из русских («Русалка» А. Даргомыжского) и зарубежных опер («Иосиф» Э. Мегюля, «Бланш из Прованса, или суд фей» Л. Керубини, «Моисей» Дж. Россини)¹². Рецензенты давали высокие оценки качеству исполнения коллектива: «Хор, составленный из учениц гимназии, очень порядочно спел довольно трудный вальс из оперы «Фауст». Срепетирован был вальс превосходно...» (газета «Енисей», 1895, № 57). Изредка мелькали в программах вечеров инструменталисты из среды гимназистов, которые обучались исполнительству факультативно либо частным образом.

Особым вниманием к музыкальному обучению воспитанников отличалась Красноярская мужская гимназия. Во многом это было обусловлено позицией ее высокообразованных руководителей, которые активно поддерживали и развивали творческую инициативу учащихся. С 1896-го до конца 1917 года директором учебного заведения был словенец по происхождению, выпускник Венского университета А. Я. Логарь. Затем гимназией руководил выпускник

¹² ГАКК. Ф. 796, оп. 1, д. 4637, л. 15.

Петербургской духовной академии и Петербургского археологического института А. П. Оносовский. Многие самоорганизационные импульсы, исходящие от учащихся, находили отклик у администрации учебного заведения: покупались музыкальные инструменты, приглашались педагоги. Так, например, в начале XX века в гимназии проводились уроки по освоению духовых и народных инструментов, были организованы духовой и народный оркестры, которые играли как в стенах учебного заведения, так и на различных городских площадках. Кроме того, в гимназии традиционно преподавалось пение и действовал ученический хор (Tsareva, 2014: 137–138).

По примеру столицы аналогичные процессы разворачивались и в уездных городах Енисейской губернии. С 1880–1890-х годов постоянно устраиваются литературные и музыкальные вечера в Мужской прогимназии и Женской гимназии Енисейска. Инициировала их проведение администрация учебных заведений, заботясь о культурно-эстетическом воспитании учащихся. На них постоянно вступали хоровые ученические коллективы, однако участниками были также солисты-вокалисты и инструменталисты из числа музыкально одаренных гимназистов. Эти мероприятия притягивали внимание общественности Енисейска, всегда освещались в прессе как ярчайшие события местной культурной жизни¹³. Прогимназии и гимназии в уездных городах Енисейской губернии были значимыми очагами музыкального просвещения¹⁴.

Из упомянутых учебных заведений средней светской школы в Енисейской губернии в действительности хорошо организованным музыкально-образовательным процессом отличалась Красноярская Учительская семинария. Во многом это было результатом заботы администрации (подробнее о приглашенном из Петербурга учителе музыки, проработавшем в семинарии более двадцати лет, речь пойдет в следующем разделе статьи). В ней преподавались пение, теория музыки и проходило систематическое

обучение на музыкальных инструментах, преимущественно на скрипке. Последнее объяснялось тем, что владение музыкальным инструментом обеспечивало сопровождение хору. Выпускники семинарии отправлялись работать в самые отдаленные уголки губернии, и скрипка как мобильный инструмент оказывалась наиболее приспособленной к подобным ротациям. Учебное учреждение имело определенный запас скрипок, однако зачастую они были ненадлежащего качества. Об этом свидетельствуют публичные критические замечания в красноярской периодике: «Воспитанники учительской семинарии жалуются, что в текущем учебном году им выданы до того плохие скрипки, что сыграть на них что-либо серьезное – дело не из легких. Плохое качество выданных скрипок заключается главным образом в плохом тоне и неверности грифа. Одним словом – инструменты «топорной» работы. Если в учительской семинарии ценятся хорошие скрипачи, то и скрипки должны выдаваться воспитанникам только лишь удовлетворительного качества» (газета «Красноярский вестник», 1910, № 21).

**Павел Иосифович Иванов-Радкевич –
организатор профессионального
музыкального образования
в Енисейской губернии**

До прочного закрепления власти большевиков в Енисейской губернии (до 1920 года) в формировании системы академических музыкальных традиций в регионе доминировали процессы самоорганизации. Они пронизывали все ее элементы, обеспечивая эволюцию и адаптацию складывающейся региональной культурной модели к локальным условиям. При более детальном анализе, своего рода приближении, мы видим, что эти процессы не были хаотичными, а запускались, аккумулировались и направлялись конкретными личностями – лидерами. Обладая необходимыми профессиональными компетенциями и качествами характера, собирая вокруг себя человеческие ресурсы и выстраивая необходимые социальные отношения, они

¹³ МАЕ. Ф. 6, оп. 1, д. 39, л. 20.

¹⁴ МАЕ. Ф. 6, оп. 1, д. 41, л. 12.

выступали локомотивами культуротворческих процессов, формировавших базовые блоки локальной системы академических музыкальных традиций.

Одной из таких центральных личностей был Павел Иосифович Иванов-Радкевич (1878–1942) – музыкант-исполнитель (пианист и скрипач), педагог, светский хормейстер и регент, дирижер, композитор. Его вклад в развитие исполнительства (камерно-инструментального и вокального, духовного и светского хорового, симфонического, оперного) огромен, но наибольшую роль он сыграл в формировании блока профессионального музыкального образования в столице Енисейской губернии.

Павел Иосифович родился в Петербурге, окончил Императорскую придворную певческую капеллу. В Красноярск приехал в 1897 году по приглашению директора Учительской семинарии Ф.И. Говорова на должность учителя музыки. Кроме семинарии П.И. Иванов-Радкевич преподавал пение и в других образовательных учреждениях города. Им был создан смешанный хор (более 60 человек), включающий учащихся Женской гимназии и Учительской семинарии, а также взрослых любителей музыки. Коллектив участвовал в концертах и постановках оперных сцен в Красноярске («Жизнь за царя» М. Глинки, «Мазепа» П. Чайковского, «Аида» Дж. Верди и др.). Павел Иосифович, сам бесконечно преданный своему делу, умел увлечь юных воспитанников: некоторые из его учеников-хористов в дальнейшем выбрали профессиональную вокальную карьеру и добились широкого общественного признания (М. Сладковский, П. Словцов, М. Токаревич)¹⁵.

П.И. Иванов-Радкевич, приехав в Красноярск, не преминул вступить в состав Общества любителей музыки и литературы. Он возглавил смешанный любительский хор, жанрово расширил его репертуар и повысил исполнительский уровень, о чем свидетельствовали положительные отклики местных критиков в 1899 году (газета «Енисей», 1899, № 41). Активное участие он при-

нимал и в попытке устроить музыкальные классы при Обществе в 1897–1899 годах (газета «Красноярский рабочий», 1920, № 20), о чем подробнее речь шла в предыдущем разделе. Неудача в реализации этой идеи не остановила Павла Иосифовича в стремлении транслировать свои знания красноярцам. Он успешно занимался частной музыкальной практикой, став одним из самых популярных педагогов. Общее количество частных учеников П.И. Иванова-Радкевича по фортепиано в Красноярске было около 50 человек. В числе них находились дети из семей крупных и известных промышленников и предпринимателей – Нови, Усковых, Гадаловых, Раззороновых. Приобретая необходимые исполнительские навыки и музыкальные знания, некоторые из его воспитанников успешно продолжали обучение в столичных консерваториях: в Московской – Е. Черняева, О. Клодт, в Петербургской – И. Стенпневская; К. Городецкий учился в одной из авторитетных частных школ Петербурга Е. Рапгофа¹⁶.

П.И. Иванов-Радкевич принял наставническое участие в музыкально-просветительной работе молодежного общества Дом юношества, действовавшего в Красноярске в 1917–1919 годы. Он поддерживал и направил в академическое музыкальное русло интенсивные самоорганизационные творческие процессы, которые охватили широкие социальные круги. В результате новая молодежная организация стала играть роль значимого локального музыкально-образовательного центра.

Активную позицию в деятельности Дома юношества занимали учащиеся Губернской мужской гимназии. Из их числа было выбрано правление Общества (Суслов, Воронов, Чучелов, Носов, Елисеев) и председатель – сын главврача тюремной больницы Красноярска, частный ученик П.И. Иванова-Радкевича Леонид Гинцбург. При Доме юношества они организовали ряд кружков, в том числе музыкальный и драматический¹⁷. Во многом означенный приоритет гимназистов объясняется наличием

¹⁵ АККМ. В/ф 3645, л. 13–14.

¹⁶ АККМ. О/ф 9544–2/Д 2709, л. 31.

¹⁷ ГАКК. Ф. 348, оп. 1, д. 481, л. 20.

у них успешного самоорганизационного опыта в культурно-просветительной деятельности в стенах родного учебного заведения. Как отмечалось выше, в гимназии уделялось достаточное внимание творческой инициативе молодежи.

П. И. Иванов-Радкевич возглавил любительский симфонический оркестр, функционировавший при музыкальном кружке Дома юношества. Отчасти он не являлся новым для города коллективом. Еще в 1910 году Павел Иосифович организовал при Обществе любителей музыки и литературы любительский симфонический оркестр, в который входили талантливые учащиеся Мужской гимназии и Учительской семинарии, а также взрослые музыканты (профессионалы и любители). Деятельность Общества в годы Первой мировой войны прекратилась, но симфонический оркестр под руководством Павла Иосифовича продолжил функционировать уже при другом культурно-просветительном объединении – Доме юношества. Репетиционной базой для оркестра в данный период стал зал Красноярской учительской семинарии, где преподавал П. И. Иванов-Радкевич. Репетиции проходили дважды в неделю.

В этот оркестр вошли и четыре сына Павла Иосифовича, гимназисты, которые осваивали духовые инструменты. Двое из них (Александр и Николай) в дальнейшем окончили Московскую консерваторию. Александр Павлович (1900–1984) учился по классу фортепиано у профессора Ф. М. Blumenфельда и получил специальность оперно-симфонического дирижера, Николай Павлович (1904–1962) окончил консерваторию по классу композиции у профессора Р. М. Глиэра¹⁸. Получив академический музыкальный опыт в столице, они с благодарностью вспоминали свой красноярский период совместного любительского музицирования в оркестре отца¹⁹.

В этом оркестре также играли: профессиональный музыкант, учившийся некоторое время в Петербургской консерватории, скрипач А. Л. Марксон, скрипач

О. Е. Золотарев, любители – скрипач Парамонов, альтист М. Н. Красиков, виолончелист В. П. Косованов. Павел Иосифович умел грамотно, по силам подобрать репертуар своему оркестру. На городских концертных площадках в исполнении коллектива звучали «Меланхолия» Э. Направника, «Вальс-Фантазия» М. Глинки, *Andante* из четвертой симфонии П. Чайковского, увертюра к опере В. Моцарта «Свадьба Фигаро», фортепианные концерты Ф. Мендельсона *d-moll* и *g-moll*, солистами в которых выступили частные ученики П. И. Иванова-Радкевича – гимназисты Л. Козлов и Л. Гинцбург (Tsareva, 2014: 114, 141).

Отдельного внимания заслуживает исполнительское мастерство упомянутых частных учеников-пианистов Павла Иосифовича – Льва Козлова и Леонида Гинцбурга. Они были постоянными участниками концертов, проводимых музыкальным кружком Дома юношества, выступая как сольно, так и в камерных составах и в сопровождении любительского симфонического оркестра. В их репертуар входили концерты В. Моцарта (*d-moll*), Ф. Мендельсона (*g-moll* и *d-moll*), Э. Грига (*a-moll*), «Лунная» соната Л. Бетховена, «Фантазия-экспромт» Ф. Шопена, Парафраз Ф. Листа на темы из оперы Дж. Верди «Риголетто», пьесы Р. Шумана и Э. Грига, «Элегия» В. Калинникова, «Экспромт» А. Скрябина, «Прелюдии» С. Рахманинова (Царева, 2014: 142). Полученные в Красноярске музыкальные знания и навыки позволили Л. Козлову (Калтату) (1900–1946) успешно овладеть профессией в лучшем музыкальном вузе страны: в 1926 году он окончил Московскую консерваторию у профессора К. Н. Игумнова, в 1930 – музыкально-научное отделение консерватории (класс М. В. Иванова-Борецкого) (Раку, 2014: 55). Председатель Дома юношества Л. Гинцбург (1901–1976), завершив гимназический курс в 1918 году и не решаясь сделать выбор, одновременно поступил в Томское музыкальное училище по классу рояля к Ф. Н. Тютрюмовой и в Томский университет на юридический факультет. Спустя несколько лет Л. Гинц-

¹⁸ АККМ. В/ф. 3645, л. 19–21.

¹⁹ АККМ. О/ф 9544–2/Д 2709, л. 144.

бург фокусируется на юридической карьере и переводится в Московский университет. Впоследствии он получает ученую степень доктора юридических наук.

Как упоминалось, П.И. Иванов-Радкевич был композитором. В основном он сочинял вокальную музыку, отдавая предпочтение духовным жанрам, что диктовалось его профессиональной деятельностью с хоровыми коллективами. Вместе с тем его многолетнее активное самосовершенствование по означенным векторам творческой деятельности вылилось в создание объемного музыкально-театрального сочинения – детской оперы «Царевна Земляничка». Основой ее либретто стала пьеса-сказка в стихах П.С. Аллегро-Соловьевой. В этом произведении и его постановках гармонично соединились все таланты автора – как педагога, дирижера, композитора, организатора.

К сочинению оперы П.И. Иванов-Радкевич приступил в 1914 году. К исполнению вокальных ролей были привлечены ученицы автора в Женской гимназии и некоторые взрослые красноярские любители. Первый вариант создания оперы предполагал фортепианное сопровождение. Премьерные постановки проходили в залах Женской гимназии²⁰ и Городского театра под аккомпанемент автора на рояле и были с успехом встречены публикой (газета «Сибирская мысль», 1915, № 17).

Желание сделать оркестровый вариант оперы получило судьбоносную поддержку исторических обстоятельств. В Красноярск устремились эшелоны с пленными Первой мировой войны, а среди них находились профессиональные музыканты: выпускники европейских консерваторий, солисты зарубежных опер, артисты оркестров. Несмотря на все тяготы войны и плена, иностранные музыканты не потеряли любви к своей профессии. В Красноярске в концентрационном лагере им было позволено организовать симфонический оркестр под руководством пленного венгра Дезидерия Больдиша, с творчеством которого могли познакомиться и сибиряки. Услышав

исполнительский уровень европейцев, П.И. Иванов-Радкевич, добившись разрешения от властей, пригласил их принять участие в оркестровой постановке своей оперы. Они ответили согласием. Сводные репетиции проходили в зале Женской гимназии. Таким образом, П.И. Иванов-Радкевич стал за пультом значительно укрепленного симфонического оркестра, в который наряду с учащимися Мужской гимназии и Учительской семинарии вошли высокообразованные европейские музыканты. Это стало бесценным мастер-классом для красноярцев. Привлекали общественное внимание открытые репетиции, а постановки с участием европейцев оперы «Царевна Земляничка» до конца 1919 года пользовались постоянным успехом у публики²¹.

Все обозначенные способы получения музыкальных знаний и навыков не заменяли собой музыкальной школы в регионе. Иванов-Радкевич, долгие годы ратовавший за ее открытие и прилагавший к этому многие усилия, реализовал идею создания школы. В контексте советской политики музыкально-образовательное заведение в Красноярске, открытое в апреле 1920 года, получило имя Народной консерватории. В отчетных документах оно анонсировалось как учебное учреждение «нового типа»²². П.И. Иванов-Радкевич был назначен заведующим Народной консерваторией, он же подготавливал учебные планы.

Красноярская Народная консерватория соединяла в себе черты современной начальной и средней профессиональной школ. Она имела два отделения. На первом – своего рода классическом, программа которого выполнялась по плану классов Русского музыкального общества, – преподавались фортепиано, смычковые, духовые, народные инструменты, сольное пение. Второе – инструкторско-педагогическое – готовило музыкальных работников для сельских клубов (так называемых инструкторов), учителей пения для общеобразовательных школ и организаторов хоров (газета «Красноярский ра-

²⁰ АККМ. О/ф 9544–2/Д 2709, л. 125.

²¹ АККМ. В/ф 3645, л. 32, 39–42.

²² ГАКК. Ф. Р-93, оп. 1, д. 42, л. 19.

бочий», 1920, № 20). Как видим, Народная консерватория в Красноярске пыталась соединить в себе старые и новые формы учебной деятельности. Причем первые включали в себя как отголоски дореволюционных демократичных общедоступных Народных консерваторий, так и наследие элитарных классов ИРМО. В этом синтезе старых и новых традиций проявлялись свойственные данному переходному историческому периоду поиски инновационных музыкально-образовательных форм.

К работе в консерватории Павел Иосифович привлек все значимые творческие силы, находившиеся на тот момент в Красноярске: выпускников русских и европейских консерваторий, попавших на берега Енисея в потоке пленных Первой мировой войны и беженцев Гражданской войны²³. Таким образом, развернувшееся масштабное культурное строительство в регионе благодаря личностному посредничеству опиралось на общеевропейские академические музыкальные традиции, продолжая эстафету преемственности непреходящих ценностей и идеалов.

По подобию Красноярска, но с учетом локального масштаба и имеющихся творческих ресурсов проводилась работа в уездах Енисейской губернии. Среди ее достижений открытие музыкальной студии, а через год – школы в Канске (1920)²⁴ и создание музыкальной школы в Минусинске (1921)²⁵. Растущая сеть учреждений культуры на берегах Енисея в первые советские годы стала результатом конструктивного взаимодействия идейной активности творческой интеллигенции с заинтересованностью и поддержкой органов власти.

Выводы

Рассматриваемый период (последняя треть XIX – начало XX века) являет собой одну из ключевых вех в длительном, неравномерном и пунктирном процессе развития академического музыкального искусства на Енисее. Означенный этап наделил реги-

он необходимыми элементами, дающими возможность включения в общенациональную и мировую орбиту высокой музыкальной культуры, и определил кардинальные сдвиги в становлении профессионального музыкального образования. Сформулируем ряд выводов.

Во-первых, особенность рубежа веков в том, что самоорганизационные культуротворческие инициативы, достигшие «точки кипения» к этому периоду и охватившие широкий диапазон страт общества, выразились в создании инновационных для Енисейской губернии социальных форм, благодаря которым локальная культурная модель обретала истинно академические музыкальные традиции. Яркий пример новых социальных отношений для региона – культурно-просветительные общества (Общества любителей музыки и литературы, молодежное общество «Дом юношества», Общества попечения о начальном образовании и др.). В Красноярске (и в других городах губернии) в конце XIX – начале XX века они являлись мощными очагами самоорганизации образованных граждан и одновременно центрами творческой и инновационной активности, приобретая специфическую модификацию в различных локальных масштабах. Непосредственно музыкальное культурно-просветительное общество – любителей музыки и литературы – стало оттиском будущей развитой академической музыкальной культуры в регионе, прообразом целостной структуры со взаимосвязанными элементами. Это был первый системный опыт сложения и функционирования академических музыкальных традиций, где они получали реализацию в контексте самоорганизационных процессов. Некоторые векторы деятельности этого Общества остались намерениями (как, например, профессиональное образование), но обозначали тенденции.

Во-вторых, в сфере музыкального обучения в системе народного образования также усилились самоорганизационные инициативы, что вызвало качественные изменения к концу XIX – началу XX века.

²³ ГАКК. Ф. Р-13, оп. 1, д. 157, 27 л.

²⁴ ГАКК. Ф. Р-169, оп. 1, д. 13, л. 36.

²⁵ ГАКК. Ф. Р-93, оп. 1, д. 92, л. 44.

Прогимназии, гимназии, учительские семинарии стали значимыми флагманами музыкального просвещения, ориентируясь на развитие академических традиций исполнительства.

Безусловно, конструктивных результатов самоорганизационных культурных движений не произошло бы без направляющей и структурирующей роли творческих лидеров – грамотных специалистов, координирующих социальную энергию, чья численность заметно возросла к тому времени. Одной из знаковых фигур музыкальной жизни Красноярска начала XX века выступил П.И. Иванов-Радкевич. Запущенные им самоорганизационные процессы в сфере любительского музицирования и образования стали истоками и основой профессионализации, подготовили рождение учреждений культуры. Появление последних совпало со сменой общественно-экономической формации и выступило необходимой юридической «оболочкой» к уже сформированному, по большей мере, содержанию на предыдущем (имперском) этапе.

В-третьих, с установлением советской власти в Енисейской губернии профессиональное музыкальное образование, распыленное в культурной жизни города и направляемое самоорганизационными процессами, пополнило область государственных стратегических задач по обеспечению региона собственными кадрами. В первые советские годы конструктивно соединились внутренняя самоорганизационная личностная активность и внешняя поддержка государственного аппарата. Главным достижением этого этапа и в целом длительного пути распространения и укоренения академических музыкальных традиций в регионе стало открытие Народной консерватории (1920) и ее дальнейшее непрерывное функционирование в различных формах (техникум, училище, колледж). Появление первого музыкально-образовательного учреждения Енисейской губернии определило сложение целостной региональной системы академических традиций, способной к саморазвитию, самовоспроизводству и функционированию в едином географическом ареале.

Список литературы / References

- Bakaj, N. N. (1895) *K dvadcatipyatiletiju Krasnojarskoj ZHenskoj gimnazii (1869–1894) [To the twenty-fifth anniversary of the Krasnojarsk Women's Gymnasium]*. Krasnojarsk, Tipografiya Al. D. ZHilina, 78 p.
- Davydov, V. L. (2004) *Sochineniya, pis'ma [Essays, letters]*. Irkutsk, Memorial'nyj muzej dekabristov, 512 p.
- Kajak, A. B. (2006) *Metodologija issledovanija kul'turnyh obmenov v muzykal'nom prostranstve [Methodology for the study of cultural exchanges in the musical space]*. Moscow, Akademicheskij proekt, 256 p.
- Kopceva, N. P. (2017) *Liki kul'tury v sisteme gumanitarnogo znanija [Faces of culture in the system of humanitarian knowledge]*. St. Petersburg, SPbGUP, 72 p.
- Kopceva, N. P., Lozinskaja, V. P. (2009) *Muzykal'noe iskusstvo v sisteme cennostej kul'tury [Musical art in the system of cultural values]*. Krasnojarsk, Sibirskij federal'nyj universitet (SFU), 115 p.
- Otchyot o sostoyanii Krasnojarskogo Eparhial'nogo zhenskogo uchilishcha v uchebno-vospitatel'nom otnoshenii za 1898–1899 uchebnyj god [Report on the state of the Krasnojarsk Diocesan Women's School in teaching and upbringing for the 1898–1899 academic year]* (1899). Krasnojarsk, Tipografiya Al. D. Z, 21 p.
- Poberezhnikov, I. V. (2012) Chelovek v uslovijah social'nyh transformacij: konceptual'nye interpretacii [Man in the context of social transformations: Conceptual interpretations]. In *Ural'skij istoricheskij vestnik [Ural Historical Bulletin]*, 3, 4–13.
- Raku, M. G. (2014) *Muzykal'naja klassika v mifotvorchestve sovetskoj jepohi [Musical classics in the myth-making of the Soviet era]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 720 p.

Uchit' tvorchestvu! K istorii professional'nogo obrazovanija v oblasti iskusstva v Krasnojarske [Teach creativity! On the history of professional education in the field of art in Krasnoyarsk] (2019). Krasnoyarsk, SGII imeni D. Hvorostovskogo, 388 p.

Tsareva, E. S. (2014) *Muzykal'naya zhizn' Krasnojarska ot istokov do 1922 goda: puti formirovaniya muzykal'noj kul'tury evropejskogo tipa [Musical life of Krasnoyarsk from its origins to 1922: ways of forming a musical culture of the European type.]*. Krasnoyarsk, KGAMiT, 368 p.

Tsareva, E. S. (2019) Etapy stanovlenija akademicheskoj muzykal'noj kul'tury v Enisejskoj gubernii: voprosy periodizacii [Stages of the formation of academic musical culture in the Yenisei province: issues of periodization]. In *Vestnik muzykal'noj nauki [Bulletin of Musical Science]*, 1 (23), 114–121.

Список сокращений

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

МАЕ – Муниципальный архив г. Енисейска.

АКККМ – Архив Красноярского краевого краеведческого музея.

АЕКМ – Архив Енисейского краеведческого музея им. А. И. Кытманова.

О/ф – основной фонд.

В/ф – вспомогательный фонд.